

Королевство
Лельма

РАЙНОН ТОМАС

Уснуть на сто лет, проснуться от поцелуя. Жизнь Авроры должна была походить на сказку. Но внезапно открыв, что верность стране и верность короне в этой державе две разные вещи, Аврора может лишь мечтать о счастье. Раньше зачарованная принцесса, спасительница, она становится предателем. Аврора намерена освободить свой дом от королевской тирании, даже если для этого придётся пересечь море и отправиться в королевство прекрасного и дьявольского принца Финнегана - знающего о магии куда больше, чем ему стоит. Впрочем, в королевстве Финнегана есть свои опасности, а каждая помощь Авроре имеет свою цену. И пока Аврора и Финнеган сотрудничают, чтобы использовать её силу, слишком много пламени и опасностей, что могут разрушить жизнь дорогих Авроре людей так же, как и их спасти, и она начинает раскрычивать мистический клубок вокруг проклятья, что было наложено сто лет назад... и раскрывать правду о судьбе, для которой она предназначалась. Преисполненный загадочных фантазий и опасности, продолжение Грешных Дел открывает Спящую Красавицу с той стороны, с которой её ещё никто никогда не видел.

Один

Разыскивается: живой, за преступления и измену короне.

За тысячу золотых монет даже Аврора могла поверить, что улыбающаяся девушка с портрета — убийца.

Аврора сорвала плакат и смяла его в шар. Она шагала вот уже неделю, но была ещё недостаточно далеко. Даже это маленькое нагромождение домов на опушке леса ждало её.

Она так устала, что могла сделать это. Грязь чесалась под ногтями. Волосы спутались вокруг плеч, кровь застыла в волдырях на ногах. Она не знала, куда идти. Она не знала, как строить укрытия и ловить пищу. Она даже не знала, как люди за пределами столицы говорили, так что выделялась всюду, куда бы ни пошла. А теперь королевство покрыто плакатами о розыске, обещая богатство захватившему её. Царская стража недалеко. Но Аврора должна пойти в деревню. Она никогда не чувствовала себя такой голодной. Она прежде не надеялась, что найдёт лесной ручеек или выяснит, съедобная ли ягода, или же проводила свой день в поисках еды. Она никогда не думала, откуда приходила её еда, оставляла так много не съеденного, что выбрасывала. Ей нужно больше пищи, если она хочет зайти дальше, иначе её точно поймут.

К тому же, кто подумает, что она принцесса, если на неё сейчас посмотрит?

Деревня на рассвете была тихой. Несколько человек шли по улице, но почти засыпали, или были так поглощены своими поручениями, что едва смотрели на Аврору.

Аврора чувствовала запах свежего хлеба. Она последовала в магазин с вывеской над дверью с колоском на ней. Закрывает глаза и вдохнула запах пищи. Живот в ответ заболел.

Она огляделась. Стражи в поле зрения не было. Придётся рискнуть.

Зазвонил маленький колокольчик, когда она открыла дверь. За прилавком работала женщина средних лет, тяжело дыша от горячего пара хлеба на подносе.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — сказала она, не поднимая головы. — Прости за внешний вид, я одна с утра. Чем могу помочь?

— Э-э-э... — Аврора подошла ближе. Женщина с булками на подносе внезапно остановилась и посмотрела на неё.

Аврора напряглась. Она взглянула на дверь, готовая бежать.

— Боже мой, девочка, — прошептала женщина, — ты страшно выглядишь. Что случилось?

— О. Я путешествовала, — Аврора изо всех сил старалась не содрогнуться при этих словах, ведь она говорила с таким старомодным акцентом.

Женщина хмыкнула.

— Столько путешествуют в эти дни. Не хватает еды, не хватает работы, все думают, что должны идти. Это небезопасно для таких молоденьких, как ты. Вообще для всех.

Аврора подошла ближе. Свежий хлеб пах слишком вкусно, чтобы сопротивляться.

— Я хотела купить немного хлеба.

— Да, да, конечно. Я б дала тебе немного просто так, правда, но тут так трудно... Я действительно не могу без денег.

— Всё в порядке, — сказала Аврора. — Спасибо, у меня есть деньги, — она порылась в сумке и вытащила кошелек, что ей дал Финнеган. Глаза женщины расширились, когда зазвенели монеты. Аврора наклонила кошелек к себе, когда открывала его, скрывая серебро и золото. Она выбрала несколько медных монеток и положила их на прилавок.

Женщина порекомендовала кое-что, и Аврора взяла две буханки.

— Если хочешь остаться, — добавила женщина, запихивая хлеб в бумажный пакет, — попробуй "Красного Льва" ниже по улице. Там хорошие люди, не задают лишних вопросов.

Аврора крепче сжала сумку.

— Мне нечего скрывать, — сказала она, — Но спасибо за совет.

Колокол вновь зазвонил. Маленькая девочка бросилась к ней.

— Мама! Мама, солдаты!

Солдаты. Аврора повернулась так быстро, что ударилась о прилавок. Что если стража следует за нею? Или кто-то увидел её за эти пять минут?

Женщина посмотрела на Аврору.

— Откуда ты знаешь, Сьюзи? Ты видела?

— Они выходили из леса. Я несла хлеб госпоже Джонс, как ты сказала, а солдаты шли по улице и заглядывали в каждый дом.

Булочница на мгновение остановилась.

— Это не причина перестать разносить хлеб, Сьюзи. Народу всегда нужен хлеб, чтобы ни случилось. Быстрее, позаботься об этом, и не беспокойся о солдатах.

— Но...

— Быстрее!

Девочка уставилась на мать. Она бросила на Аврору любопытный взгляд, потом кивнула.

— Хорошо, иду. Я просто думала, тебе надо знать, — вновь посмотрев на Аврору, она бросилась к двери.

— Спасибо за хлеб, — сказала Аврора, пытаясь удержать голос от дрожи. — Я посмотрю гостиницу.

— Глупый ребёнок, — пекарь зашагала вокруг прилавка. — Лучше иди быстрее, если они ищут тебя.

— Меня? — Аврора попыталась нахмуриться, отгоняя панику. Этот правильный взгляд, невинная путаница? Но пекарь не поверила. Она схватила Аврору за запястье и толкнула её к двери за стойкой.

— По крайней мере, выйди через заднюю дверь. Нет смысла общаться с солдатами, если меня будут спрашивать. Там улицы тише, ближе к краю деревни.

Она толкнула Аврору в кладовую с мешками муки и счётами под лотками поднимающегося теста со всех сторон. Низкий потолок поддерживали две доски, и пекарь обошла их, направляясь к двери.

— Вот тут. — сказала она. — Эта дверь, можешь не прятаться, они здесь осмотрят и сейчас уйдут.

Кто-то постучал в заднюю дверь.

— Открой! — закричал мужчина. — Приказ Короля! Нам надо всё осмотреть!

Булочница отпрянула, сжимая запястье Авроры. Она повернулась к магазину, но раздался колокол у входной двери. Вошли двое солдат. Они остановились, увидев Аврору, их глаза расширились. Они могли узнать, что она в этой области, но не знали, что она тут. Она должна была скрыться, когда услышала, что её ищут.

Солдаты вытащили мечи, кто-то закричал снаружи. Аврора вывернула запястье из руки булочницы и рванулась к задней двери. Солдат открыл её, и в кладовую ворвались трое мужчин с поднятыми мечами. Аврора отпрянула, выхватила кинжал из сумки.

Глупо думать, что в магазине безопасно. Теперь они поймают её, притащат в столицу под громкий смех короля Джона, а после сожгут в костре на его глазах.

Ближайший солдат схватил её за руку. Она вывернулась, паника вспыхнула в ней, огонь промчался по полу кладовой. Солдат, крича, сорвал плащ. Мешки загорелись, как и деревянные доски. Булочница закричала, и Аврора прыгнула мимо неё и кричащих солдат, убегая к двери.

Её тело, казалось, полыхало. Она увернулась и выбежала из кладовой на улицу.

Другие солдаты бежали к булочной. Аврора развернулась на месте. Должно быть что-то, где она может скрыться.

— Стой! — крикнул кто-то, держа арбалет. — Стой, или буду стрелять!

Но он не мог её убить. Король хотел получить её живой.

Дым валил из булочной. Аврора обогнула здание, и арбалетный болт полетел за нею. Языки пламени плясали в окне. Были слышны крики булочницы.

Аврора побежала на другую улицу, ещё одну, но деревня была не такой большой. Нигде не скрыться. Она рванулась к лесу, но ноги ныли и кровили, и она споткнулась.

Солдат схватил её за руку. Она оттолкнула его, затрещал огонь. Человек закричал от боли и отпустил.

Воздух пропах дымом. И солдаты ещё бежали за нею, ещё кричали. В голове звенели их голоса. Они собирались её поймать. Не где спрятаться, они поймают её, король сожжёт её, замучает, превратит в ничто...

Нельзя позволить этому случиться.

Подпитываемый её страхом, огонь пошёл по земле, зажигая линию между ней и солдатами, что приближались, и дальше к зданиям.

Дом на краю деревни загорелся. Люди кричали, вспыхнуло пламя. Слишком жаркое, слишком сильное. Она пыталась прекратить, но пламя пылало, словно движимое её паникой.

Она нырнула в лес. Когда бежала, натыкалась на кусты ежевики и корни деревьев. Она перепрыгнула через грязную лужу, заплескалась вода, когда она приземлилась и побежала. Вокруг поднимался пар.

Впереди стояло дерево с низко висящими ветвями. Аврора стала подниматься по нему, кора впивалась в ладони. Поднималась, пока ветви под нею не начали гнуться.

Дым вдалеке поднимался в воздух.

Вся деревня горела.

Булочница помогла ей, пыталась защитить, а она сожгла её магазин.

Она должна продолжать. Шаг за шагом, сколько может, пока её не поймали. Но двигаться она не могла. Жестокий огонь добрался деревьев. Она не могла отвести взгляд.

Это от неё. Нельзя использовать магию. Она не хотела всё сжигать, но паника взяла верх и теперь...

Она сделала это. Она не знала, на что способна, пока не станет контролировать себя.

Она смотрела, как пылал огонь, солнце взошло и упало на небесах.

Она должна вернуться. Должна. Даже со стражей. Это её огонь. Она должна помочь.

Но стало темно, прежде чем она спустилась с дерева. Она шла обратно, осторожно, ведь стража могла схватить её в любой момент.

Она никого не видела.

Чем дальше она шла, тем сильнее становился запах дыма и сожжённого дерева. Конец леса показался на глаза. Мир за его пределами был черен, скрыт дымом, словно одеяло в ночном небе.

Она подкралась к краю деревьев. Солдат не было. Никого не было.

От деревни остался только пепел.

Два

Дым жалил глаза Авроры, когда она смотрела на остатки деревни. Несколько зданий ещё цеплялись за жизнь с почти разрушенными стенами и обгоревшими балками, но остальное рухнуло. Всё пропало.

Она не могла сделать это. Нет. Её магия столь мала, как свеча. Она разрушила фонтан на площади, прежде чем убежала, но мыслью сжечь деревню не могла.

Оставалось надеяться, что пекарь убежала. Она надеялась... на слишком многое.

Аврора подошла к краю леса. Она никого не видела, но, конечно, некоторые пытались спасти то, что могли, чтобы оплакать потерянное. Она сделала ещё один шаг, ветвь щёлкнула под ногой.

— Что это? — сказал человек из руин. Кто это выживший или стражник? Если он жив, она должна помочь. Он может быть в ловушке. Но если он стражник...

Рука зажала её рот. Аврора ахнула, но ладонь проглотила звук. Она толкнула локтём, сжалась, потянулась к огню...

— Тихо, Аврора, — прошептала на ухо ей похитительница. — Это я. Крапива.

Певица из "Танцующего Единорога". Она должна быть в Петрикоре, а не скрываться в лесу, не хватать Аврору в темноте.

— Не двигайся, — сказала она так тихо, что Аврора едва чувствовала её дыхание у уха. — Два стражника на той стороне, — она ослабила хватку и потянулась за чем-то на земле. Аврора не видела, что она делала, что чувствовала руку Крапивы в воздухе мимо щеки. Небольшой глухой звук, стон дерева — и одно из обугленных зданий содрогнулось.

Два стражника показались в поле зрения с высоко поднятыми над головой факелами. Пламя осветило обломки — обугленные обломки дерева, что ударила Крапива.

Что-то скрипнуло. Стражник взглянул на дом и раздражённо выдохнул, второй осматривался.

— Я что-то слышал, — сказал он.

— Это просто лучина, — отмахнулся первый.

— Надо убедиться.

Крапива вновь зажала рукой рот Авроры, но в этом не было нужды, так как она едва дышала от страха.

Второй стражник посмотрел прямо на них. Может быть, он их не видел, не в сиянии факела, когда воздух наполнен дымом, но это длилось мгновение, и он смотрел за лесом.

Что-то рассекло воздух. Первый стражник пнул лучину. Он вновь ударил её, и дерево затрещало.

— Что делаешь?

— Доказательство, — фыркнул первый. Он пнул её третий раз, и сажа вновь взмыла в воздух. — Они скрипят, шатаются. Тут только мы.

Лучина вновь заскрипела, в согласии.

— Я до сих пор считаю, что нам надо осмотреться.

— Хорошо, — кивнул первый. — Ты это сделаешь. А я сяду у тепла с ромом и уделю этому зданию то внимание, которого оно заслуживает. Будучи девушкой, ты б вернулась сюда? Нет!

Он зашагал прочь. Второй стражник ещё раз осмотрел дерево, прежде чем последовать за ним.

Крапива ослабила хватку.

— Быстро, — шепнула она. — Ступай мягко.

Аврора колебалась. Она понятия не имела, что Крапива тут делала, но та могла помочь ей уйти от стражи, и Аврора подчинилась. Крапива не могла привести её в место опаснее, чем это.

Они ползли по лесу. Крапива тянула Аврору за запястье. Никто не говорил. Аврора содрогалась каждый раз, когда задевала ветку или шуршала в траве, но лес вокруг них переполнился шумом — уханьем совы, пробиранием существ через папоротник. Человеческих голосов не было слышно, не видно факелов и не заметно признаков преследования.

— Мы должны идти открыто, — через час молчания промолвила Крапива. — Труднее отследить по полям, меньше рваных веток.

Вода клокотала перед ними. Земля кренилась вниз, лунный свет скользил по ручьям.

— Чтобы собаки не взяли след, — Крапива вошла в воду. Аврора последовала за нею. Вода пропитала обувь, охладила больные ноги и волдыри.

Поток вывел их из леса на открытые холмы. Отары овец спали в траве, но не было никаких зданий и признаков человеческой жизни.

— Тут безопасно разговаривать? — спросила Аврора.

Крапива отпустила её запястье.

— Да. Спокойно. У тебя должно быть много вопросов.

У Авроры было столько вопросов, что говорить она не могла. Крапива даже не намекнула, почему она тут, что случилось в деревне. И единственными словами Авроры было "как ты меня нашла".

— Это было просто. Повезло, что ты сбегала от стражи вот таким образом.

— Ты следила за мной? С Петрикора?

— На расстоянии дня. Когда я увидела огонь, подумала, что ты там. Рада, что пришла.

— Почему? Почему ты...

— Принц Финнеган меня попросил.

— Финнеган? — Аврора остановилась. Финнеган, принц Ванхельма, что помог ей бежать из дворца, предложил отказаться от Родрика и Алиссайнии. Зачем ему просить Крапиву идти за нею? Вода не давала ответа. — Финнеган попросил следить за мной?

— Аврора, нам надо идти.

— Ты работаешь на Финнегана?

— Да. Как и сказала. Но надо идти, поговорим в пути.

Аврора не двигалась. Крапива работала на Финнегана. Конечно. Она была на банкете в честь Авроры, приглашённая самим Финнеганом, после того, как внезапно заболели другие музыканты. Она прокралась в замок, разговаривала с Авророй незадолго до того, как отравили Изабель, вскоре пропала... Аврора отступила назад, и поток кружился вокруг неё.

— Финнеган, — выдохнула она. — Он... участвовал в смерти Изабель? Вы убили её?

— Нет, — резко сказала Крапива. — Конечно, я не убивала девочку. И Финнеган тоже. У него есть недостатки, но он не включил бы ребёнка в схему. Он не будет причинять тебе вред. Я не знаю, кто её убил.

Крапива казалась искренней, возмущалась из-за обвинения, но это не объясняло её присутствие тут или на балу.

— И я должна поверить?

— Да. Ты считаешь меня убийцей из-за того, что я с кем-то работаю? Я была на банкете зрителем, принцесса. Глаза и уши, ничего более.

— Тогда ты должна знать, кто это, — Аврора почти кричала. Она закусил губу, чтобы контролировать гнев, прежде чем он вырвется на свободу. — Если ты видела, могла бы остановить.

— Принцесса... — Крапива потянулась к руке Авроры, но та вывернулась.

— Нет. Нет. Ты наблюдала за мной всё это время? Потому ты была в "Танцующем Единороге", когда я пришла? Ты привела меня к нему?

— Нет, принцесса, — тихо сказала Крапива. — Я никому не рассказывала твои секреты. Я была в Петрикоре, чтобы увидеть повстанцев прежде, чем ты проснёшься. И он хотел помочь тебе. Он не просил меня отвести тебя в Ванхельм, и я не сделала бы этого, даже если б просил. Он беспокоился за тебя. Как и я.

— Я могу позаботиться о себе, — Крапива просто смотрела на Аврору, пряди окружали её лицо в ожидании слов. — Куда ты ведёшь меня? — Аврора должна была задать больше вопросов, прежде чем пойти с ней. Они шли, и этого достаточно, но её наивность была глупой.

— Так далеко от деревни, как сможем за ночь. Ловушек нет, Аврора. Но здесь нельзя оставаться до восхода Солнца?

— Где? Я не пойду в другую деревню. Не сейчас, — только когда она сможет контролировать магию.

— И не надо. У меня есть что-то безопасное. Пещера. Но надо поспешить, если мы хотим туда добраться. Ты не должна мне доверять. Ты можешь меня прогнать, и я не буду за тобой следовать. Но я хочу, чтобы ты была в безопасности, а ты в безопасности со мной.

— Конечно, ты так думаешь, — Аврора так и не отошла. Крапива защитила её от стражи. И, независимо от мотивов, не обижала, напротив. Аврора выпрямила спину и пошла вдоль ручья. Крапива вышагивала рядом.

— Ты там была? — спросила Аврора. — Ты видела, что случилось в деревне?

— Она горела уже, когда я приехала. Но солдаты не сделали ничего, чтобы остановить пламя. Я видела, как они не давали деревенским жителям защититься дома. Они увели их всех.

— Это я. Это моя вина, — она разрушила целую деревню, осудила народ только своим присутствием.

— Твоя магия вышла из-под контроля?

— Ты уже знаешь об этом? — она не знала, почему была удивлена. Как долго Крапива наблюдала за нею, отмечая все детали?

— Я видела, — кивнула Крапива. — На свадьбе. И пламя у людей Джона. Это было не так трудно заметить.

— Я уничтожила эту деревню, — сказала Аврора. — Я не хотела. Это был несчастный случай, но это я, — она с детства слышала, что волшебство — это зло, боялась проклятья. Оно могло всё уничтожить. Вот доказательство. Её магия ничем не отличалась от остальной.

— Ты, возможно, начала. Но люди короля дали ей рухнуть. А потом используют это против тебя.

Ноги Аврора дрожали, пока они шли. Она спотыкалась, но не останавливалась. Поток превратился в ничто, и Крапива свернула с пути, ведя Аврору к другому краю леса.

Небо светлело, и Крапива положила руку на локоть Авроры.

— Там пещера. Трудноопределимая, если прежде там не был. Мы отдохнём.

— Пещера? — Аврора не видела никаких дыр в стене. — Что, если нас найдут? Мы не сможем сбежать!

— Безопаснее в тайнике, чем открыто. Но ты можешь найти другое место, если хочешь.

Крапива начала подниматься по скале, ставя ноги так, что ничто не рушилось. Аврора оглянулась — идти больше некуда. Она осторожно последовала за ней, ступая в тех же местах.

Аврора поколебалась у входа в пещеру, готовая к предательству, но певица уже раскладывала одеяла. Она положила рядом пару шкур, а также хлеб, воду и орехи.

— Ты голодна, — сказала она вошедшей Авроре. — Медленно ешь.

Аврора почти забыла о боли в животе после ужасов дня. Она отломил кусочек хлеба. Который был немного чёрств, жевать было больно. Это было самое вкусное из всего, что она ела.

Опустившись на пол, она с облегчением вытянула гудевшие ноги. Аврора скинула окровавленные туфли.

- Твои ноги, — промолвила Крапива. — Им нужно внимание.

— Они в порядке, — сказала Аврора. — Я просто не привыкла ходить.

— Конечно, не в свадебной обуви. Можно? — Крапива обхватила лодыжку Авроры и посмотрела на ступни. Аврора отказалась смотреть. Она знала, что там ужас, от боли при каждом шаге и пятен на внутренней стороне обуви. Она не хотела видеть.

Даже, если всё было плохо, Крапива не показала.

— Я принесу воду, чтобы убрать это, — сказала она. — Я надеюсь, никакого заражения нет. Будь осторожна, пока меня нет.

Аврора наблюдала за тем, как она вышла из пещеры. Ноги пульсировали, слишком опухнув, чтобы втиснуться в туфли, головная боль закрывала глаза. Она будет бороться, если надо, но не сможет, если не появится мотивация.

Когда Крапива вернулась, она опустилась на колени рядом с Авророй, вытащила

потрёпанное платье из вещей и одним резким движением оторвала лоскут от подола.

— Твоё платье!

— У меня есть ещё, — выражение лица Крапивы изменилось. Она отбросила волосы на спину и замочила тряпку в воде. Аврора зашипела, когда она коснулась волдырей. Крапива работала в тишине, движения были нежны — и, закончив, склонила голову, глядя на руки. — Мы должны забинтовать, чтобы было чистым, так тебе будет легче ходить, — она оторвала от платья ещё одну полосу, оборачивая её вокруг ног Авроры, игнорируя её болезненное шипение. После того, как она крепко завязала её, посмотрела на другую ногу.

— Скажи, — она замочила вторую полосу, — что ты будешь делать?

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я шла в Ванхельм.

— Финнеган хочет, — поправила её Крапива. — У меня нет предпочтений, кроме твоей безопасности.

— Почему?

— Я знаю, принцесса, что такое бегать одной. Финнеган пусть заботится о своих делах. Но мне интересно, что ты собираешься делать?

Аврора сглотнула и опёрлась головой о стену пещеры.

— Не знаю, — труднее всего было признать, что у неё нет идей, но это именно так. Она отвергла два предложения о поддержке — от Финнегана и Селестины, — помчалась бесцельно в мир, без назначения, без осознания. — Я только знаю, что не могу тут остаться.

— Нет, не можешь.

За горами был Фалрич. Царство матери. Двор помог бы ей, если б это не было домом королевы Айрис. И более далёкие царства, Палир или Эко, или дальше, но туда тысячи миль. Слишком далеко, хотя там легко можно скрыться, да и без поддержки.

И Ванхельм, королевство драконов за морем. Принц Финнеган обещал поддержку, но может ли она ему доверять? Он никогда не был до конца честен.

— Почему ты не убеждаешь меня ехать в Ванхельм, если работаешь на Финнегана?

— Я приношу ему информацию, не людей. Наблюдать за тобой — уже необычная задача, хотя приятная. Не сомневаюсь, что передам Финнегану твои цели. Но заставлять тебя не буду.

Крапива принялась перевязывать вторую ногу. Аврора чувствовала себя спокойнее. Она вытащила ожерелье из-под платья. Кулон в форме дракона развернул крылья, словно собирался взлететь. Кроваво-красный драгоценный камень сверкнул в глазах. Она провернула его между пальцами, словно в поиске ответа.

— Как думаешь, я должна ему доверять?

— Не могу сказать, — Крапива закрепила повязку. — Он всегда ставит себя на первое место, что бы это ни значило. Надо быть осторожной. Но ему тоже. Он не жесток без причины. И неплохой союзник, — она протянула Авроре руку. — Проверь свои ноги, может, ходить будет легче.

Аврора поморщилась, перенося вес на забинтованные ноги, но, хотя они ещё болели, были крепче, чем прежде. Она осторожно шагнула вперёд.

— Всё хорошо. Спасибо, — она пересекла пещеру, держась за стену.

Крапива кивнула и наклонилась, чтобы привести в порядок рюкзак, пряча выражение лица.

— Крапива, — тихо сказала она, — если ты наблюдала за повстанцами в Петрикоре... Ты знаешь, что с ними?

Крапива покачала головой, складывая разорванное платье.

— Не так уж, когда я уехала. Планы всегда были слабыми, но это делало их опаснее, я думаю. Они не думали о последствиях. И если ты собираешься просить их о помощи...

— Нет, — Аврора села и прижала подбородок к коленям. — Нет, — даже если б она их нашла, не доверяла бы им и их планам, не после увиденного. Подземелья, где они оставили столько мёртвых. Глупый крик, что почти вызвал бунт и стоил стражнику жизни. У них не было стратегии, морали, дисциплины. Она не может им помочь.

Но есть ещё одна мысль, что захватывала её с днями. Селестина. Она чувствовала, что ведьма наблюдала за нею, словно она вот-вот повернётся и увидит сияние её синих глаз в темноте. Селестина просила Аврору присоединиться к ней, когда видела её в последний раз, а Аврора сбежала со свадьбы. Она намекнула, что Аврора пожалеет об отказе и попросит присоединиться к ней. И она намекнула, что её мать совершила сделку. Сделку, которая погубила королеву. Сделку, что прокляла Аврору.

А если она прокляла тоже? Магию, что не контролировала, что жгла, пока не выжжет всё? У Селестины были ответы. Но Аврора не могла с нею встретиться. Все, кто торговались с ней, пострадали. Но идея не покинула Аврору. У Селестины есть нужные ответы, если она их попросит.

— Отдохни, — сказала Крапива. — Пока не решай, что делать.

— Это безопасно? — спросила Аврора. — Спать?

— Безопаснее, чем не спать. Спи, я не предаю тебя.

Странно успокаивающим было слышать от Крапивы о своих страхах так прямо. Аврора свернулась на одеяле, приложила голову к стене. Крапива устроилась с противоположной стороны, прижав щеку к камню. И хотя Аврора чувствовала себя напряжённо, хотя было рано предполагать о безопасности, она слишком устала, чтобы не заснуть. И, только закрыв глаза, она провалилась в сон.

Когда она открыла глаза, снаружи было темно. Крапива исчезла, но её вещи были тут. Аврора потянулась. Это была самая лучшая ночь за неделю, по крайней мере, принесла ясность.

Она не могла остаться в Алиссайнии, если это означало скрываться в лесу и ничего не делать. Она не могла отказаться от королевства окончательно. Она должна помочь людям, как поддержавшему её пекарю, что полагались на неё в спасении от ярости короля. Она должна его остановить. И должна остановить себя и контролировать магию.

Финнеган — единственный вариант. Она не доверяла ему, но он многое знал. Он намекнул на магию, назвал её маленьким драконом. И она сожгла деревню. Так делают драконы?

Он помог ей прежде, даже если пролилась кровь. Он может знать всё, но, казалось, преследовал и цели Авроры. Он мог спасти её прежде, чем король Джон загонит её в угол.

И хотел достаточно поддержать её, отправив Крапиву обеспечить её безопасность, убедить присоединиться к нему. Дал ей плечо. Он что-то хотел от неё. И так легче было получить от него то, что хотела она.

— Крапива, — сказала она, когда певица вернулась с растениями в руках. — Я решила. Я хочу поехать в Ванхельм.

Три

Они перемещались ночью, минуя дороги. Ноги Авроры всё ещё дрожали, но повязки Крапивы помогли. Она заворачивала их в тряпки из одежды Крапивы и могла идти.

Говорили мало, но Крапива напевала под нос отрывки мелодий, которые Авроре были незнакомы.

Крапива останавливалась каждые пару дней, покупала в городе продукты, оставляя Аврору в пещере или на дереве. Она возвращалась со свежей едой и отсутствующим лицом.

— Какие новости? — спрашивала Аврора. — Что случилось?

Ни одной хорошей истории. Стражники искали её в городах. Торговцев ловили на дорогах, бросали всё в грязь. Слухи о хаосе в столице, повстанцы, что боролись и рушили дома, казни на улице. И новости о деревнях, трёх, шести, что сожгла принцесса из ненависти к королевству.

Крапива сообщала это ровным голосом, не отрываясь от приготовления обеда или сборов. Просто нейтрально, факты, словно царство в руинах не по вине Авроры.

— Я получила записку от Финнегана, — сказала Крапива, вернувшись однажды. — Он согласился отправить лодку. Рада, что мы слышали от него, но мы приближаемся к точке встречи. Это небезопасно — ждать в поисках лодки.

— Думаешь, люди короля нас преследуют?

Крапива покачала головой.

Их поиски стали бессистемными. Они не знают, где ты, и мы не хотим это менять.

Им потребовалось ещё несколько дней, чтобы добраться до берега, но на рассвете они перелезли через вершину холма, и там был океан. Он раскатывался впереди, вода пенилась в сером. Судно оказалось в ста футах, устойчивое среди хаоса.

Аврора остановилась на вершине холма, чтобы посмотреть на него. Океан. Дикое, не как на картинах, сердитое, словно его разозлили зеваки. Воду приносил холодный ветер, и Аврора завернулась в плащ. Воздух походил на соль.

Это конец королевства. Конец знакомого Авроре мира. Она сделала глубокий вдох, пробуя его — а после пошла по склону рядом с Крапивой.

Ворчливый на первый взгляд мужчина ждал на берегу. Он кивнул Авроре и крапиве, когда они приблизились. Певица пробормотала несколько слов, он кивнул вновь и указал на лодку без единого слова. Аврора посмотрела на пенную воду и вновь повернулась к лесу.

Если она попадёт в лодку, то не вернётся назад. Не сможет убежать, даже если моряки её предадут. Но она должна верить. У Финнегана есть знания, о которых она только догадывается. Он был лучшим потенциальным союзником.

Аврора вошла в лодку. Пошатнулась, упала на скамью. Крапива устроилась рядом, и лодка вновь накренилась. Когда они обе устроились, человек начал грести.

Берег постепенно уменьшался, деревья смешивались в зелёное и коричневое пятно.

Аврора выдохнула. Ей так хотелось путешествовать долго, увидеть всё. И море было вокруг неё, но земля отдалялась, и ей было больно. Она не хотела оставить всё так.

Но она вернётся. Она должна.

Лодка отплыла, а когда солнце село, Аврора больше не видела берег Алиссайнии. Она стояла на палубе, опираясь о борт корабля, наблюдая за побережьем. Её королевство растаяло в тумане, приближалось другое. Ванхельм. Дом Финнегана.

Ей нужно знать, чего она хочет, прежде чем прибудет. Ей нужно добраться до его замка с продуманными требованиями, сформулированными предложениями. Иначе языкатый принц завернёт её надежду в узел. Она не может ждать удачи, не может рассчитывать на его добрый нрав.

Она хотела знать о проклятии и магии. Она хотела знать, почему он назвал её девушкой-

драконом, почему дал кулон. Хотела, чтобы помог понять её силы и остановить короля. Но, не зная, что Финнеган хочет, трудно предсказать, куда заведут переговоры.

Холодный ветер развеял волосы и заставил её вздрогнуть. Океан и небо сливались, вода отражала размытые образы звёзд.

Она наклонилась вперёд, чтобы разглядеть пену, что кружилась вокруг корабля. Перила впились в живот.

Тристан однажды рассказал хитроумную историю о пиратстве. О похищении и капитанстве. Всё придуманное, да, но она искала в шутке правду. Он не из Петрикора. Он беззаботный, клоун с большим воображением. Этого достаточно знать о человеке, чтобы ему верить. Чтобы выйти в темноту, держать за руку на косых крышах и доверять секреты.

Какой душой она была.

Крапива вышла их трюма, набросив на плечи одеяло, чёрные волосы обрамляли лицо.

— Ты должна быть осторожна. Море может быть грубым.

— Да.

Тень шевельнулась на горизонте. Может, другой корабль.

— Ты остерегаешься меня, — сказала Крапива. — Я понимаю.

— Я не остерегаюсь, — возразила Аврора. Крапива спасла ей жизнь, перевязала раны, шла рядом с нею, спала под тем же кровом. Это их объединило. Аврора её уважала. Ценила её присутствие. Может, она даже ей нравилась. Но она не знала, может ли доверять. — Я настороженно отношусь к твоей связи с Финнеганом.

Крапива молчала несколько минут.

— Я не его продолжение, Аврора. Не действую вслепую от его имени. Я помогаю, но только когда хочу. Когда считаю это правильным.

— Ты следовала за мной по его приказу.

— По просьбе. И была счастлива. Я за тебя беспокоюсь.

— Потому что мне нужна была помощь.

— Да. И потому, что я знаю, что это такое.

Есть ли разница, вынуждена Крапива или её попросили присмотреть? Так или иначе, это схема Финнегана. Аврора смотрела на воду, тьма скользила под ними. Всё, что она скажет Крапиве, могут передать Финнегану. Но Крапива была лучшим источником информации у Авроры.

— Что он от меня хочет? — спросила Аврора. — Почему послал тебя?

— Думаю, он очарован твоей магией.

— Очарован? Что это значит?

— Не знаю. Я не хотела бы придумывать. Он считает это полезным. Очевидно? Магии становится меньше. Все её хотят.

Аврора кивнула. Это имело смысл, она могла использовать это. Она ещё не контролировала магию, но у Финнегана есть знания, подробности, которыми он не делился. Если он хочет использовать магию, то поможет ей её развить. И он не знал о Селестине. Он предложил столько вещей в обмен на магию, что он считал единственной.

— Не думаю, что это всё, — продолжила Крапива. — Думаю, он заботится о тебе.

— Заботится обо мне?

— О твоём благополучии, по крайней мере. Он эгоист, Аврора, но это не мешает ему быть добрым.

Это соответствовало тому, что до своего ухода видела Аврора. Финнеган заинтриговал

её — и постоянно раздражал. Но что-то было в словах Крапивы.

— Ты открыта со мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Рассказываешь о планах Финнегана, что он может чувствовать... сказала, что его шпион, но сомневаюсь, что шпионы это говорят. Не понимаю.

Крапива посмотрела на воду, подавшись вперёд.

— Я серьёзно отношусь к работе, Аврора. Но думала, что ты заслужила честность. Знаю как это — быть потерянной. Не хочу, чтобы тебе было труднее, чем уже есть.

Аврора склонила голову, чтобы посмотреть на неё.

— Почему ты работаешь на Финнегана? Почему он?

Крапива молчала мгновение, всё ещё глядя в воду.

— Я родом из места, где все всех знают, где все думают, что имеют право указывать. Я не хотела этого. Я не чувствовала себя там хорошо. Я хотела увидеть остальное. В шестнадцать я ушла. Я не понимала, как трудно будет путешествовать. Одно королевство, следующее — и люди ко мне были жестоки. Они пользовались мной, крали, и я подумала: "о, вот на что подобны люди". И я была уверена, что Финнеган такой же. Но он увидел мой талант. Как я научилась скрываться и читать людей. Мы подружились. И он попросил ему помочь.

— И ты это сделала?

— Я могу путешествовать и наблюдать за людьми до сих пор. Но не голодаю. Нет. У меня есть подобие друга. Ты поймёшь, Аврора, насколько это ценно.

— Я знаю, насколько это ценно.

— Признаёшь, но знаешь ли? До этой недели ты не голодала. Ты никогда не была одна, люди не относились к тебе, как к ничтожеству, потому ты не решила, каковы они. Не суди меня за то, что я приняла его, не думай, что я не могу заботиться о тебе только потому, что забочусь.

Аврора смотрела, как поднимались и опускались волны.

— Я не сужу тебя, — тихо сказала она. — Просто... — всё запуталось в её голове — уважение к Крапиве, настороженность, все надежды и предательства. — Я проснулась, никто не был тем, кем утверждал. У всех схемы, мотивы, Тристану нужна я в бунте, королю и королеве марионетка, и у Финнегана был план, как мне бежать, стоило лишь слово молвить. И ты просто певица теперь же загадка. Я... я не знаю.

— Может, это проблема. Никто не может быть чем-то. У всех больше слоёв, чем ты думаешь.

— Больше слоёв — не значит быть шпионом.

— И быть шпионом — не значит быть плохим. Не значит, что человек хочет тебя использовать.

— Нет. Я знаю, — и знала. Она могла понять мотивы Крапивы, видеть добро в ней. Но она не знала, что сказать, потому вновь посмотрела на горизонт.

Когда Аврора проснулась на следующий день, она могла ощутить дым в воздухе. Крапива была не в каюте, а Аврора ничего не видела через иллюминатор, кроме воды, потому поднялась по лестнице на главную палубу. Крапива прижалась к борту судна и смотрела на береговую линию.

Это был чёрно-красный пустырь. Дым клубился с земли, небо казалось выжженным. Вся жизнь пропала, оставила только обугленную, полую оболочку. Неправильно, что столь

измученная земля была так близко к воде.

Аврора никогда не думала, что что-то может так выглядеть. Вот и всё, что было за водой, в мире за пределами её королевства.

Аврора подошла к Крапиве. Ей хотелось слишком быстро двигаться и слишком громко говорить от пустоты внутри.

— Что это?

— Ванхельм, — сказала Крапива. — Однажды.

Ванхельм. Когда Аврора представляла королевство Финнегана, она видела похожее на своё, с лесами, замками, жизнью. Не искажённые руины, дым и пепел.

— Что случилось?

Крапива пристально смотрела в воду.

— Драконы.

Она говорила, как ни в чём ни бывало. Но ничего не осталось. Ничего. Как могли это сделать драконы?

Они проехали мимо чего-то похожего на дом у воды. Стены расплавились, здание сжалось под суровым солнцем.

— Финнеган говорил Айрис... оно совсем на это не похоже.

— Это не должно быть сказано. И это не царство. Когда они говорят о Ванхельме, то имеют в виду острова, капитал... — сказала она. — Жизнь в городе.

Аврора смотрела на сгоревший дом своих предков.

— Только один город выжил? Только один?

— Только один. Единственное место, окружённое водой. Единственное безопасное место, — ветер подхватил чёрные пряди Крапивы, швыряя ей их в лицо.

— Может, есть люди за его пределами? Прежде чем это случилось...

— Много, — кивнула она. — И множество погибли.

Сколько людей жило в Ванхельме? Тысячи умерли. Десятки тысяч. Больше, чем она представляла.

Аврора сжимала кулон с драконом, что висел на шее. Дым щекотал горло.

Финнеган сравнил её с драконами, и они проснулись, и сожгли всё его королевство. Чего ж он ждал от её прихода?

Четыре

Город постепенно появлялся на горизонте. Сначала это было серое пятно в тумане, но когда лодка подходила ближе, он приобретал форму, появились здания, башни, шпили разной высоты, и все рвались в небо. Аврора думала, что Петрикор впечатляет, с его беспорядком улиц, что рвались от замка, но Ванхельм захватывал. Устрашал, словно пустырь, но сверкал, как город секретов.

Их корабль достиг порта к полудню. Док переполнился людьми, что толкались у лодок с монетами в руках, кричали пункты назначения. Грузчики тащили ящики с гербами Алиссайнии, Фалрича, Эко, рыбаки сидели ногами в воде, перебирали утренний улов.

Стена отдала верфь от города, с аркой, что позволяла ходить людям туда и обратно. Финнеган прислонился к ней, наблюдая, как Аврора и Крапива пробивались сквозь толпу. Принц был ещё красивее, чем когда Аврора в последний раз его видела. Она забыла бешенство в его улыбке, контраст между зелёными глазами и чёрными волосами, его отсутствие неопределённости в жизни. И он наблюдал, когда она подошла.

Несколько мужчин стояли в шаге от него. Стража, как подумала Аврора. Остальные

смотрели на принца, но не останавливались, а проходили мимо.

— Ты опоздала, — сказал Финнеган.

— Судно задержали, — сказала Крапива. Она подошла ближе к нему, но не опустилась в реверансе. Они были почти одного роста. — Мы вряд ли могли что-то сделать.

— Аврора может, если хочет. Я ждал несколько часов, — он обнял Крапиву. Та поцеловала его в щёку, и он повернулся к Авроре. — Принцесса, — он сжал её руку, прикасаясь губами к кончикам пальцев. Это напомнило ей их последний поцелуй — когда он вложил карту в ладонь. Это скольжение губ по скулы ночью в замке... — Приятно опять тебя видеть.

Она дала Финнегану, как ей казалось, бесстрашную и твёрдую улыбку.

— Я тоже.

— Ты? Уверен, будь у тебя выбор, ты б сюда не пришла.

Она перестала улыбаться.

— Уверен, что подумала бы в крайнем случае. Но если ты слишком оскорблён, я могу сесть на следующий корабль из города...

— Не рекомендую. Наш друг король Джон охотится за вами. Ну, ты ж не настолько глупа!

— Нет, — сказала она. — Но Ванхельм — не единственное место, где можно прятаться.

— О, тогда это так мило. Но можно не здесь? Слишком яркий день для политики. Пойдём во дворец.

Финнеган провёл их по мощёной дороге, проталкиваясь через толпу. Петрикор был шумен, но Ванхельм — вихрь людей. Улицы скрывались в тени зданий, что рвались в небо. Аврора вытягивала шею, пытаясь сосчитать окна в зданиях. Десять, двадцать... Их множество — и никакого света.

Человек стоял на углу улицы, махнул пачкой бумаг, кричал на проходивших мимо.

— Береги мысли! — звонко орал он над хаосом улицы. — Драконы пришли очистить землю! Покайся в грехах, прежде чем их костры очистят твою плоть! — он ткнул брошюру Авроре, когда она проходила мимо.

— Неужели люди правда в это верят? — спросила Аврора у Крапивы.

— Люди верят в то, во что хотят.

— Они думают, что драконы божественны?

— Или божественные инструменты, — сказала Крапива. — Забытые, игнорируемые боги. Люди всегда придумывают причины, чтобы пояснить проблемы. Сказать, что они будут в безопасности.

Они увидели ещё несколько мужчин на углах улиц — и все они кричали прохожим. Никто даже не смотрел на них. Казалось, это было настолько обычным явлением, что их все видели, а потому не обращали никакого внимания.

Ноги Авроры гудели от прогулки по неумолимым камням. Они болели, тело ныло, но каждая новая улица дарила странные ощущения. Город во всём настолько отличался от Петрикора! В нём была энергия, движение, которого не хватало Алиссайнии.

Дворец оказался не таким высоким, как здания вокруг него, но широким и с колоннами. Он привлекал внимание, отделённый от улиц большим внутренним двором с каменными фонтанами.

Финнеган провёл их во двор. Несколько девушек играли у фонтана, касаясь рукой воды, и как только он подошёл к ним, поклонившись, буквально взорвались хихиканьем.

— Где моя мать сейчас? — спросил он их.

— Её Величество в своём кабинете, — сказал кто-то из стражи. — Вам надо эскорт?

— Нет, не буду её беспокоить, — страж потянулся к двери, но Финнеган отмахнулся и открыл её сам. — Гости в первую очередь, — кивнул он Авроре.

Она вошла внутрь. Два высоких окна манили солнечным светом, что делало прихожую светлой и просторной. Высоченная крыша венчалась стеклянным куполом, что блестел на солнце. Огромная лестница скользила перед ними, покрытая красной ковровой дорожкой. Вторая сторона зала сужалась в коридор, но Аврора не видела, где он заканчивался.

У лестницы стоял стеклянный дракон. Свет так отражался от него, что он будто двигался — в той же позиции, что и на кулоне Авроры, с развёрнутыми крыльями, зависшей в воздухе лапой. Его изумрудные глаза словно следовали за Авророй, когда она подошла ближе. Она провела рукой по шее, и стеклянные шипы вонзились в ладонь.

— Такой же, как и на кулоне, — сказала она.

— Тебе не нравится дизайн? Символ моего справедливого царства. У них есть неприятная привычка появляться, когда ты не смотришь, — он направился к лестнице. — Пойдём, покажу тебе комнаты.

— Нет, — Аврора остановилась, её рука покоилась на шее дракона. Ей нужно показать силу, прежде чем он одержит верх. — Нам надо обсудить наш союз.

— Сейчас? Без горячей ванны и длительного отдыха? — в словах почти было беспокойство, но Аврора ощутила намёк на насмешку. — Конечно, дипломатия может подождать.

— Сейчас. Думаю, надо кое-что прояснить, прежде чем мы начнём, разве нет?

— Я думаю о тебе. Ты не веришь, Аврора? Я не пытаюсь поймать тебя на крючок гостеприимства.

— Я просто думаю, что надо внести ясность.

— Какими б ни были требования, принцесса... Крапива, ты помнишь свои комнаты?

— Я была бы плохим шпионом, если бы забыла, — Крапива улыбнулась, взглянула на Аврору, и хотя она только моргнула, Авроре показалось, что взгляд её поощрял. — Мы поговорим потом, — и с лёгким кивком она поднялась вверх по лестнице.

— Итак, — обратился Финнеган к Авроре. — Переговоры. Уверена, что готова к этому?

— Давай всё проясним.

Финнеган повёл её вверх по лестнице, как и Крапива до этого, через вторую дверь слева.

— Дворец довольно прост. Все комнаты справа — общественные государственные палаты и гостевые. Все слева — через эту дверь и дальше, — личные. Оставайся столько в них, сколько можешь, если хочешь сохранить анонимность.

Она не могла делать то, что надо. Кто-то заметит её. Слуги... если не придворные.

— А если кто-то из придворных меня увидит? Я не знаю, можно ли им доверять.

— У нас нет двора, — сказал Финнеган. — Дворянству трудно существовать, когда драконы внезапно прилетают и уничтожают большую часть твоего царства.

— Все они умерли?

— Большинство. Но мы делаем вещи... немного справедливее, чем в Алиссайнии. Все занимаются своими делами. И мать управляет этим, жертвуя своей жизнью и сном.

— Твоя мать? Королева?

— Конечно. Я вас познакомлю, но не сегодня.

Она нахмурилась.

— Я — тайна? — скрываться от двора одно, но от королевы...

— Никто не тайна для моей мамы. Просто хочу подождать, пока мы не дойдём до соглашения. Остальным скажем, что ты гостья из Фалрича. Роза. Иностраный благородный посетитель библиотеки. Никто не будет задавать вопросы.

— Если я останусь здесь, — сказала она, когда они достигли второй охраняемой двери.

— Конечно, — кивнул Финнеган. — Если предположить, что останешься. — Он кивнул стражнику, когда тот открыл дверь. — Кто-нибудь может принести еду в мой кабинет, Смит? Всё, что есть.

— Да, Ваше Высочество, — кивнул стражник. — Конечно.

Это был яркий коридор, освещённый одним окном, что тянулось от пола до потолка. Несколько дверей оказались открытыми. Финнеган привёл её в гостиную, с зелёными креслами и книгам, что лежали на журнальном столике. "Камыш", — гласило название одной из них.

— Можешь взять, если хочешь, — Финнеган поймал её взгляд. — Но она не особо хороша, слишком претенциозна, на мой вкус.

— Слишком претенциозно для тебя? — она опустила в кресло, — наверное, невыносимая книга.

Финнеган сел напротив неё.

— Хорошо, Аврора. Ты хотела переговоры — вот переговоры. Что заставило тебя решить, что тебе нужна моя помощь?

Она выпрямилась, думая о своих словах.

— Ты знаешь ситуацию в Алиссайнии, я полагаю?

— Слышал, ты выжгла деревню.

— Я слышала, что несколько. Не надо верить всему, что слышишь

— Не всему, что слышишь, но есть зерно истины. Почти всегда. Я видел, что ты можешь.

— Ты видел, что я сжигаю деревню?

— Я видел твою магию. Ты достаточно сильна для этих слухов, чтобы они оказались правдивы.

— Алиссайния в беде. Солдаты во всём королевстве отрывают города друг от друга. Дома горят, беспорядки в столице. Король сжигает деревни, чтобы обвинить меня.

— И ты хочешь остановить его?

— Да.

— И, думаешь, я помогу?

Она наклонилась вперёд.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я была на твоей стороне. Знаю, что тебе от меня что-то нужно. Ты знал о моей магии прежде, чем я сказала, потому пришёл в Алиссайнию. Я тебе нужна. Так почему ты не скажешь мне, чего хочешь?

— О, есть столько ответов на этот вопрос, Аврора.

Она крепче сжала подлокотники кресла.

— Начнём с простого. Почему ты пришёл в Алиссайнию?

Кто-то постучал в дверь.

— Входите! — окликнул Финнеган.

В дверях появился слуга с подносом с пирожными и бутылкой вина. Он налил в бокалы, прежде чем вновь поклониться перед выходом. Финнеган отпил, прежде чем продолжить.

— Я был заинтригован.

Она ждала совсем других слов.

— Заинтригован? Чем же?

— Ты не была бы заинтригована, если столетний спящий проснулся бы? Я хотел видеть, какая ты, дабы подтвердить свои подозрения.

— Разве я оправдала твои ожидания?

— Вовсе нет! Если б ты оправдала, я б давно перестал с тобой говорить! Я полагал, что ты заносчива, как Айрис, или слабая и скучная, как Родрик. Правда оказалась куда интереснее.

Она наклонилась вперёд.

— Ты опять лжёшь.

— О скучном Родрике? Уверяю, это правда!

— О том, что ты был заинтригован после того, как я проснулась. Ты был в Алиссайнии и до того. Не в замке, не на церемонии, но достаточно близко, чтобы явиться в течении нескольких дней. Ты не путешествовал бы до церемонии просто так.

— Может, я просто путешествовал, Аврора. Кроме тебя есть много интересов.

— Ты не путешествовал просто. Ты готовился. Думаешь, Родрик так ничтожно мал, ты не ожидал, что он меня разбудит, но был на всякий случай. Хочу знать почему.

— Может, я ревнивый ухажёр и надеялся отвадить тебя от истинной любви.

Она встала.

— Мы можем играть в это несколько часов, Финнеган, но я не хочу тратить время. Я предлагаю альянс, которого ты хочешь. Ответ на мои вопросы, а после мы увидим, может ли быть соглашение между нами, или мне искать этого в другом месте.

Он всё ещё сидел, склонив голову, чтобы посмотреть на неё.

— Думаешь, ты бы смогла идти в ногу?

— Когда?

— Если б мы играли несколько часов. Как думаешь, ты б могла?

— Ты хотел проблем Алиссайнии. Хотел, чтобы я бежала из дворца, была на твоей стороне. Ты знал о моей магии, ну, или подозревал о ней. Скажи мне почему?

— Если сядешь — скажу.

Она смотрела на него долгим взглядом, остановившись в сантиметре от стула — а после отступила назад, всё ещё отказываясь разорвать зрительный контакт, и села, разглаживая юбки так, как, она видела, сотни раз это делала Айрис.

— Я слушаю. Говори.

Финнеган наклонился ближе.

— Во-первых, ты должна понять Ванхельм, тогда это всё пояснит. Ты видела моё королевство на пути, я полагаю? Что осталось от моего царства?

— Да. Я видела.

— Драконы появились из ниоткуда пятьдесят лет назад, и всё сожгли. Большинство людей не выжило. Всё пропало. Не слишком хорошо, уверен, ты согласишься. Единственное, что держит город в безопасности, это тот факт, что драконы не перелетают через воду. Если это изменится, это не закончится хорошо. И это ещё не всё. Этот город мал. Он кажется большим, но мы можем расти ввысь, мы можем только сжимать людей в пространство. Мы бежим отсюда.

Она впила ногтями в ладони, пытаюсь заставить голос не дрожать.

— Так что тебе надо от моего королевства? Или ты думаешь, моя магия всё исправит?

— Сначала я только дразнил тебя. О магии. Я о ней не знал, когда прибыл. Думал воспользоваться беспорядками в Алиссайнии и получить принцессу-союзницу. Объединённые королевства, больше места для нас, технологий и достижений для вас... всего лишь на всякий случай пересечь море. Но Алиссайния отстаёт, на мой взгляд. А потом шутка оказалась правдой. Случайно попал. После того, как я понял, что ты, знал, что это неправильно. Ванхельм должен освободиться от драконов. А ты, я думаю, в состоянии помочь.

Она не могла правильно услышать его.

— Ты думаешь, я могу избавить вас от драконов?

— У тебя есть магия. Ты можешь управлять огнём. Первый проблеск власти в Алиссайнии за сто лет. Что ещё может остановить дракона?

— Магия воды?

Он засмеялся.

— Хорошее предположение, но её вокруг мало. Никакой магии, кроме тебя.

Она покачала головой. Он не мог быть искренним... и настолько восторженным.

— Ты основываешь это на том, что и я, и драконы создают огонь? И всё?!

— Сначала просто подозрение. Надежда. Никто не знает, почему драконы вернулись, и ты проснулась, и был огонь... Это интересно. Но у меня теперь больше доказательств, — он наклонился и поймал её кулон кончиками пальцев. Красные глаза блестели. — В день свадьбы, когда ты взорвала фонтан, дракон светился. Ты не чувствовала?

— Да, — Аврора подавила желание схватиться за кулон. — И?

— Ты понятия не имеешь, что я тебе дал, да? В этом кулоне есть драконья кровь. Почему, по-твоему, сияли глаза? Это ответ. Кровь дракона возвеличивает власть. Есть между вами связь, Аврора. И если ты сможешь контролировать свою магию, действительно контролировать, думаю, ты будешь помощью, которую мы так искали.

Она выдернула кулон из его рук. Металл был тёплым, но только от прикосновений Финнегана. Никакой связи.

— Я оставила Алиссайнию, потому что у них были невыполнимые надежды из-за моей магии. Почему ты думаешь, что здесь я отреагирую иначе?

— Потому что я хочу того же. Научиться контролировать силу. Ты в безопасности в Ванхельме. Тебе не надо бегать, не надо прятать магию. У тебя будет время понять это. И как только ты поможешь мне, я помогу тебе — избавиться от короля Джона.

— Но только после того, как я избавлюсь от драконов. Ты хочешь, чтобы я убила их.

Финнеган покачал головой.

— Некоторые говорят, что драконов можно убить. Могу поверить... Они спали под камнями все эти годы. Может, ты убедишь их уснуть. Или отправиться в другое место, далеко на запад, чтобы они не могли беспокоить нас.

— И ты поможешь мне с магией? Скажешь всё, что знаешь, чтобы сотрудничать?

— Конечно. А потом, ты используешь её, чтобы захватить трон Алиссайнии? Убить короля, стать королевой-завоевательницей?

— Не убить. Но люди хотят волшебства. Они одержимы надеждой. Если я смогу... он потеряет поддержку. Я могу заменить его или предложить лучший выбор.

— Лучший выбор? Родрика? — засмеялся Финнеган. — Мы оба знаем, у него нет мужества для правления.

— Тогда я, — слова были горькими во рту, но она должна сказать. Она не хотела ответственности, не хотела веса ожиданий, когда знала так мало о времени и потребностях королевства. Но люди верили в неё. Пекарь верила. Они заслужили правителя лучше, чем Джон. Она может помочь.

— Ты наивна, Аврора. Ты не можешь избавиться от короля, не убив его. Он не отступит без боя.

— Увидим.

— Да, — он совсем не грустно говорил. — Думаю, увидим.

Она провернула кулон в руках, вновь рассматривая его. Намерения казались хорошими. Даже если таковыми не являлись... что же. До тех пор, пока она в безопасности, и есть место практиковать контроль магии, она может сделать вид и принять всё, что ей нужно. Легко принять его попытку, да и честные попытки помочь ему — и убедиться, что он не получит ничего из того, чего не должен иметь.

Но что-то в его словах было интригующим. Магия драконов, драконы пламени. Больше силы, чем она могла представить. Если он прав относительно связи, кровь в ожерелье могла увеличить силу утром в деревне, пояснить бесконтрольность...

— Хорошо, — она встала и взяла его за руку, сжимая её. Дрожь пробежала по спине. — Да, я согласна.

— Отлично. Начнём завтра. Поедем в руины, чтобы посмотреть вблизи.

Она отпустила его руку.

— С ума сошёл? Я не могу избавиться от драконов завтра!

— Я не хочу, чтобы ты встречалась с ними завтра. Я хочу, чтобы ты их увидела. Увидела, с чем имеешь дело. Это будет первым шагом. Кто знает, может, ты узнаешь что-то о своей магии?

Она хотела пойти. Но риск...

— Это безопасно?

— Конечно, нет. Но что это? — он схватил её руку, притягивая ближе. Его зелёные глаза, казалось, сжигали её, плясая в волнении. — Давай, девушка-дракон! Получи немного приключений!

— Хорошо, — сказала она, прежде чем сомнения вновь окутали её. — Покажи мне.

— Тогда до завтра. Завтра мы начнём.

Пять

Финнеган постучался к ней на рассвете. Аврора открыла прежде, чем он коснулся двери во второй раз. Она не спала уже пару часов, думая о Селестине и драконах. Предчувствуя приключения и опасность, она ждала его.

Они покинули дворец, кивнув страже, когда проходили мимо. Людей было мало. Кто-то спешил по дороге, кто-то был поглощён работой, открывал двери в магазин и устанавливал киоск на день. Финнеган провёл её по улицам и остановился на большой, отпечатанной на дороге звезде.

— Чего мы ждём?

— Увидишь.

Прошло несколько минут, прежде чем колокол пронзил воздух. Люди, что шли посреди дороги, метнулись в сторону, один врезался в Аврору. Она схватила Финнегана за рукав, чтобы не упасть.

— Всё в порядке, маленький дракон, — усмехнулся он. — Я никому не позволю

навредить тебе.

Она отпустила его рукав так же быстро, как схватила. Странная штукавина из металла и стекла мчалась к ним. Это походило на огромную повозку, питающуюся волей, колёса громко дребезжали.

Финнеган вытянул руку, и карета остановилась перед ними. Он вскочил на подмосток, кивнул водителю и бросил две бронзовые монеты, жестом призывая Аврору.

— Что это? — спросила Аврора, когда они устроились на твёрдой деревянной скамье.

— Трамвай. Самый быстрый способ передвижения по городу — тут нет места лошадям.

— И принцы Ванхельма часто так путешествуют?

— Не всегда, — он придвинулся ближе. — Но мне нравится трамвай. И мама, скорее всего, не узнает, что мы делаем, тут стражи нет.

— Твоя мать не заметит, что ты ушёл?

Колёса под ними визжали, Аврора стучала зубами, когда трамвай поворачивал, швыряя их в сторону.

— Как оно двигается? — спросила Аврора. — Это не магия.

— Видишь крепления к проводу? Он его тянет.

— А что тянет провод.

— Магию, — рассмеялся Финнеган.

— Финнеган!..

— Нашу версию магии. Мы были без этого тысячу лет. Но наше королевство полагалось на магию и запаниковало, потеряв её — и мы воспользовались мозгами. Разобрались, как жить без неё. Потому Ванхельм развивался, а Алиссайния... ну ты сама видела.

— Видимо, вам всё-таки нужна магия.

— Правда, — он улыбнулся. — Может быть, во всём есть польза.

Трамвай дёрнулся, останавливаясь. Через окно перед Авророй мелькали каменные здания, что казались старше башен вокруг них. Вывеска на одной из них вещала о Ванхельмском институте.

Ещё один человек поднялся на борт трамвая. Ему было больше семидесяти — белая копна волос, тёмная и морщинистая кожа с горой шрамом. Увидев их, он поднял руку.

— Это Лукас, — сказал Финнеган. — Наш гид, — Лукас поклонился, подойдя, но Финнеган рассмеялся и пожал ему руку. После указал на Аврору. — Это Роза, Лукас. Я рассказывал. У неё страсть к драконам.

— Приятно встретиться с вами, мисс, — он пожал руку и ей. — Все энтузиасты относительно драконов — мои друзья, — он сел рядом с Финнеганом, скользнув ладонью по волосам.

— Лукас — лучший в драконах, — сказал Финнеган. — Он жил, когда они вернулись, и первым понял, что вода их слабость.

— Я был немного моложе тогда, — усмехнулся Лукас.

— И всё же, ты знал больше всех.

— Я изучал драконов прежде, чем они стали реальными для всех, — объяснил Лукас. — Довольно бесполезная область исследования прежде.

Трамвай вновь завизжал на углу и прошёлся вдоль берега реки. Руины у воды затемнялись дымом.

— И какой план осмотра? — спросила Аврора.

— Прогулка, — ответил Лукас. — Занимательная. Драконы редко подходят к воде.

— И где мы их найдём?

— Не позволяй им найти нас.

— Мы отправимся в руины, — пояснил Финнеган. — И будем ждать. Но должны быть первыми, — он встал и жестом предложил водителю остановиться. После того, как они сошли с трамвая, Финнеган направил их вдоль реки к доку. Тут было мало лодок, всё остальное занимали коробки и рыбаки. Молодая девушка с рыжими вьющимися волосами направлялась к ним.

— Готовы? — спросила она. — Покончим с этим, вот лодка, — она указала на среднюю деревянную лодчонку с тремя скамейками, покачивающуюся на воде.

Финнеган махнул Авроре.

— Леди вперёд, — Аврора ступила в центр. Лодка пошатнулась, она покачнулась, но была поймана Финнеганом. — Осторожно, маленький дракон, — он протиснулся мимо. — Мы ж не хотим падать.

Он сел на скамью и усадил Аврору рядом, соприкасаясь коленями.

Когда они устроились, рыжеволосая тоже залезла в лодку и оттолкнулась.

Можно было рассмотреть второй берег, приближаясь. Он был весь в выжженном камне. Некоторые здания казались целыми, изношенными, но рабочими, а после лодка сместилась, открывая расплавленные крыши, павшие стены. Город превратился в останки.

Лодка пришла к берегу с небольшим входом, у чего-то похожего на док. Обугленные деревянные столбы торчали из воды. Искорёженные каменные здания окружали её.

— Люди прятались в доках, — голос Лукаса был груб, — ждали спасения. Думали, что будут тут в безопасности, но недостаточно близко, — он рассмеялся так колюче, как кто-то привыкший к ужасу настолько, что мог считать его смешным.

Смех эхом отразился от руин, когда Аврора вышла из лодки. Грязь на берегу липла к обуви, держа ноги. Она попыталась идти и поймала усмешку Финнегана.

Девушка в лодке подалась вперёд.

— У каждого есть свои спасения?

Аврора нахмурилась.

— Спасения?

— Никто без них не покинет мою лодку, — она вытащила пакетик из кармана и швырнула его Авроре. Это была кожа, украшенная рунами. Аврора придвинула её к лицу, пытаясь вспомнить значение. Защита. Мужество. И вода, вода, вода каждой бесцветной нитью на дюйме ткани. — Надеюсь, это даст безопасность.

— Спасибо.

Девушка кивнула.

— Я заберу вас, когда поднимете флаг, — она указала на соседнее здание. Красный флаг ждал там, прикрепленный к стене здания с помощью тросов и шкивов. — Вы знаете, что случается без тумана? — Лукас кивнул. — Если туман пойдёт, бегите обратно. Я могу нести ответственность за вас, если я вас вижу.

— Конечно, Лэйни, — сказал Финнеган. — Спасибо за помощь ещё раз.

— Оставайтесь в безопасности, — промолвила она, прежде чем отплыла.

— Ты никогда не упоминал о... спасении, — сказала Аврора Финнегану, когда они шагнули вперёд. — Ты собирался оставить меня без защиты?

— Они не работают. Не думал, что ты суеверна. Но носи, если тебе лучше. Может, сбалансирует драконью кровь.

Она скользнула рукой по шее и спрятала под рубашку, оно коснулось кожи.

— Это хорошая мысль — дать мне один.

— Нет разницы.

— Есть.

Сорняки росли между кирпичами, тянулись к крыше, но даже они не росли на черноте. Одна из стен была расписана именами у основания — Анна, Рэйчел и Мэтью. Следы реальных людей, что, может быть, видели драконов.

Аврора закрыла глаза, чувствуя остатки камней под ногами. Она представила себе, что слышит голоса, а ветер приносит суету города.

Она открыла глаза.

— Что это за место? До драконов?

— Городок, — ответил Финнеган.

— Это не то, что я спросила.

— Мы называем его Старым Городом. Но не знаю, как он назывался прежде.

— Я знаю, — хмыкнул Лукас. — Это был торговый городок. Место, где надо оказаться, чтобы сбежать.

Если бы имена на камне хотели убежать? Аврора надеялась, что они умчались прежде, чем драконы пришли.

— Реку пересекать небезопасно, — сказала Аврора, когда они шли между сгоревшими зданиями. — Как вы так легко перебрались? — казалось, это была рутина девушки в лодке.

— Сюда запрещено ходить, — сказал Финнеган, — но это не означает, что никто так не делает. Ищущие убежища, исследователи, историки, охотники за сокровищами... всегда есть желающие игнорировать опасность. Охотников за сокровищами живыми видят меньше всего. Они очень рискуют.

Пока они шли дальше, изломанные здания пропали, да и сорняки, оставляя тот Ванхельм, что видела Аврора — жёсткая, красно-коричневая земля с оболочками зданий вдоль горизонта. Удушливый, резкий и горячий воздух.

— Осторожнее, — сказал Лукас. — Открыто идти опасно.

— Это у драконов начало дня? — спросил Финнеган.

— Утром они отдыхают, пока стоит туман. Но как только он сгорит, то наступит день.

— Сколько их? — спросила Аврора.

— Минимум пятьдесят. Все взрослые. Но кто знает, что дальше от берега, где меньше воды?

На горизонте Аврора увидела маленькое озеро или, может быть, пруд, что переливался в солнечных лучах. Трава и камыши окружали его, погружаясь в воду всплеском зелени.

— Если они не выносят воду, — спросила Аврора, — то как пьют?

— Они не пьют, — отозвался Финнеган. — Или мы так думаем.

— Всю жизнь их изучал. Но мы мало знаем, — вздохнул Лукас. — Они камень. Едят обугленную землю. Мясо иногда, но оно им, кажется, не надо. Металл. Мы считаем, в горах полно материала, но никто не проверял. До того, как пришли драконы, горы считались опасными. Слишком большой риск обвала. Повезло, что мы там ничего не добывали. Шахты ближе к реке были опасны, пока мы не построили ров для их защиты.

— Люди там ещё согласны работать? — спросила Аврора.

— Людям нужны деньги, — хмыкнул Финнеган. — Лучше шахты, чем ничего. И людей там редко сжигают больше.

— Редко сжигают? Но это происходит?

— Только с невеждами. Люди, что не принимают необходимые меры предосторожности. Как мы.

— И что случается с такими людьми, если они обожглись?

— Они умирают, — покачал головой Финнеган. — С драконами ничего не живёт.

— Видишь, Роуз, — хмыкнул Лукас, — растений нет на выжженной земле, даже спустя пятьдесят лет. Земля не справляется. Даже если сразу не умереть, это болезненно и неизбежно.

Ветер был жёстким, немного усилился и укрывал их. Он свистел в ушах Авроры так резко, как крики драконов.

Лукас остановился и поднял руку.

— Подождите. На горизонте.

Красная полоса вспыхнула на небе. Дракон. Он на мгновение замер, махая крыльями, а после рванулся вниз и скрылся из виду.

Аврора смотрела туда, где он пропал. Это невозможно. Невозможно стоять тут спустя сто лет после рождения. Не могут существовать драконы. Но они тут. Это заставило подумать о детских историях, мечтах, стремлению к приключениям... То ли другие чувствовали, когда король сказал, что спящая принцесса проснулась, когда перед ними появилась ошеломлённая девушка? Может, время пришло?

— Видишь, девушка-дракон? — спросил Финнеган. — Я знал, ты не устоишь перед ними.

Она отвернулась.

— Ты не знаешь, что думаешь и делаешь.

Они шли через руины, пока солнце не поднялось в небо, а ноги Авроры не заныли. Ещё несколько драконов мелькали на горизонте, но ни одного близко. Через некоторое время они добрались до очередного заброшенного селения с чёрными, оплавленными зданиями. Крутой склон укрывал город с одной стороны, с другой лилась река.

— Надо остановиться, — сказал Лукас. — И поесть.

Они сели там, где, наверное, прежде была главная площадь. Поток вился с зеленью по обеим сторонам. Зелень щекотала ноги Авроры, смягчая землю.

— Эту воду можно пить? — спросила она.

Лукас кивнул, и девушка наклонилась, взяв немного в руки. Она разную пробовала — и та казалась обугленной. След драконьего пламени, даже если драконы не могли коснуться её — испортили своим присутствием.

Они ели в тишине. Аврора смотрела на развалины, пытаясь представить тут людей. Не только людей, а и людей, как она, рождённых женщин, что были ещё живы, когда драконы рвались с неба. Детей, что были возраста её внуков, если б она не уснула.

Небо загрохотало, и Аврора взметнула взгляд вверх, ожидая увидеть дракона. Но лишь дождь упал на её глаза, капля за каплей. Рубашка пропиталась за несколько секунд, прилипнув к ней второй кожей.

— Надо внутрь, — крикнул Финнеган, едва слышный во время падения воды. — Под крышу.

Он карабкался по улицам к высокому, однобокому зданию. Не хватало двери, но воды слишком много — и они нырнули внутрь.

Если б не пятьдесят лет, Аврора могла почти вообразить, что тут ещё жили. Стол стоял

в центре, немного изогнутый, полки на стене. Куча одежды на столе, словно кто-то постирал её и отвлёкся. Не успел убрать.

Финнеган провёл рукой по волосам, смахивая капли на пол.

Лукас сел на один из брошенных стульев, видимо, доверяя его крепкости, а Финнеган ходил вокруг, исследуя останки.

Аврора прислонилась к косяку, глядя на дождь. Алиссайния так далеко. Столица за стенами, неодобрение королевы Айрис были невероятно далеко, словно часть иного мира, часть сна, и она наконец-то медленно просыпалась. В этом месте был другой кошмар, но тут она была свободна. По крайней мере, могла это увидеть.

И хотела видеть больше

— Я хочу посмотреть, — сказала она после десяти минут сильного дождя.

— Не думаю, что это разумно, — сказал Лукас, но она уже вышла и повернулась вокруг.

— Драконы не выйдут в дождь, — хмыкнула она. — Всё будет хорошо.

— Нужна компания? — спросил Финнеган.

Она покачала головой.

— Хочу побродить сама. Вернусь скоро.

Дождь лип к одежде, волосам, коже. Стучал по земле, заглушая всё. Небо было ясное и голубое, даже когда грохотал гром. Причудливая буря, которую невозможно увидеть.

Заброшенный город был лабиринтом, дождь размывал взгляд, и трудно было даже догадаться, куда идти, так что шла она инстинктивно, проводя рукой по камню. Она столько чувствовала в изгибах стен, расплавленной размытости, вмятинах и углублениях, случайном месте с именами, сообщениями и царапинами. Может, этот город стоял, когда родилась сама Алиссайя, а предки Авроры пересекали море.

Её скитания привели её к краю города, где земля тянулась вверх, сначала немного, потом круто, образуя холм — почти скалу. Казалось, это тянулось всегда, перекрывало путь к небу. Но было несколько разрушенных зданий на склоне, более повреждённых, чем остальные, земля была так выжжена, что даже дождь не превратил её в грязь. А треснувшие камни походили на что-то вроде дороги.

Аврора хотела подняться. Хотела стоять на вершине холма, чтобы увидеть всё это. Девушка в башне смотрела на то, чего однажды коснётся.

Она вскарабкалась по пути, цепляясь пальцами за щели между бульжниками, чтобы не упасть. Дождь превратился в морось, успокоился так быстро, как начался, но Аврора шла вперёд, колени болели от усилий. Она посмотрела через плечо, и город таял позади. Она могла видеть места, где гнулись и рушились крыши, здания, что потеряли её вообще.

Она шла вверх.

Дождь угас. Солнце светило тепло и ярко, успокаивая кожу Авроры.

Она увидела вверху пещеру.

— Аврора! — Финнеган был намного ниже неё и окрикнул её.

— Сейчас! Просто посмотрю!

Она слышала, как Финнеган шагал по земле, и нахмурилась. Она сказала, что хотела покоя. Как это похоже на него, такого высокомерного для предположения, что он может её прервать. И она так близко к вершине. Так близко. Пещера маячила рядом. Чёрная, как ночь, и с тёплым тяжёлым воздухом.

Она на мгновение остановилась у входа, пальцы сжимали землю, а после послышался рёв толпы, что заполнил её уши, вторя что-то.

Дракон вышел из пещеры. Его голова появилась первой, сверкая красными клыками. Глубоко посаженные глаза тоже были красными, как на кулоне, полными голода, мести, ярости. Чёрные линии бежали от глаз до зубов и носа. Каждый зуб — как рука Авроры. Прежде чем она среагировала, голова рванулась к ней, открывая длинную шею, тело, что всё продолжалось, красное, жуткое, горячее, и она вздрогнула, как только смогла шевелиться. Дракон так близко раскрыл крылья, что Аврора видела перепонки, нежные и сильные, как паутина, такие огромные, что она могла видеть только их. Мир покраснел.

Это было самое страшное и прекрасное, что она только видела. Тепло пульсировало на коже, тепло смешалось с кровью. Хвост с чёрными шипами щёлкнул рядом, такой тонкий на конце, что она могла бы сжать его.

Не было ничего, кроме дракона. Она почти чувствовала огонь. И знала, что имел в виду Финнегана, почему его осторожная улыбка обратилась в волнение, когда он говорил об этих существах. Они были великолепны. Распирали землю и отказывались спать.

Дракон скрутился. Он щёлкнул челюстями и посмотрел на неё, лишь одно биение сердца. Она оглянулась, приоткрыв рот, не в силах дышать. Тогда дракон рванул крылья вверх и взмыл в небо, а Аврора следила за ним. Пламя ворвалось в небо, а после он пропал.

Она видела, как Финнеган ждал её на полпути. Сердце ещё колотилось, кровь была горяча и оживила всё. Руины не казались такими страшными сейчас.

Она помчалась вниз по склону, скользя по камнях.

— Ты прав! — закричала она. — Я чувствую! Связь! Ты прав!

— Конечно, прав, — он говорил так, что это было единственным возможным ответом, словно он всё знал. И Аврору уже не волновало его самодовольство, что он думал, что всё знает, не удивлялся. Тепло дракона ещё наполняло воздух, всё остальное казалось смехотворным. И она смеялась. Он схватил её за талию, и она закружилась вокруг него, чувствуя головокружение.

Лукас стоял в нескольких шагах за Финнеганом и уставился на неё.

— Ничего подобного не видел, — сказал он. — Ты должна быть мертва.

— Но не мертва! Нет! — потому что Финнеган прав — это её магия. — Где они ещё есть? — она пыталась удержаться на ногах. — Где остальные? Я хочу их видеть.

— Они в горах, — Лукас кивнул в сторону горизонта. — Но это невысказано.

— Мы идём туда! — сказала она. — Должны! — она всё ещё смеялась, повернулась туда, чувствуя радость. — Я принцесса Аврора и повелеваю вести нас туда!

Лукас поднял брови.

— Я не знал, что в присутствии Алиссайнской королевской семьи.

Что-то дёрнуло её за мысли, настаивая, что она должна отрицать, но она чувствовала себя хорошо. Так могущественно. И если дракон чувствовал магию, почему не связаться?

— Мы должны найти больше драконов. В горах. Да, Финнеган?

— Да, — кивнул он. — Но, может быть, надо подготовиться. Убедиться, что есть еда, и план. — он положил руки на плечи Авроры, словно пытаясь удержать её на земле. Он смотрел ей в глаза и не улыбался. — Мы должны вернуться во дворец, прежде чем мама поймёт, что что-то не так.

Серьёзность выражения его лица заставила её остановиться.

— Хорошо.

Но сердце всё ещё колотилось, когда они ушли.

Шесть

Адреналин в крови бежал всю обратную дорогу. Финнеган и Лукас обсуждали дракона, реакцию на Аврору, покинутые города, которые они миновали, но Аврора молчала. Она хотела быть одна в своём удивлении, пока могла.

Ванхельм казался ещё более беспокойным после неподвижности руин. Люди спешили по улицам, проповедники кричали на них, обещая очистительный огонь, и это звенело в ушах Авроры, когда дракон согривал кожу.

Тем не менее, после того, как они простились с Лукасом и направились во дворец, Аврора засомневалась. Дракон дал ей такой порыв, что отбросил страх и здравый смысл.

— Это было глупо с моей стороны, — сказала она, когда они миновали очередной фонтан на внутреннем дворе. — Я не должна была говорить Лукасу, кто я.

— Наверное, нет, — сказал Финнеган. — Но я бы доверил Лукасу жизнь. Он будет держать это в секрете.

Но даже если она не беспокоится о Лукасе, должна беспокоиться о себе. Что заставило её говорить так свободно, так безрассудно? Она была почти высокомерна в своей радости.

Они вошли в прихожую, когда две женщины пронеслись по центральной лестнице. У старшей были длинные с проседью чёрные волосы. Её бледная кожа казалась ровной у глаз и уголков рта, и она была с короной — королева? Она говорила с высокой, не намного моложе Авроры девушкой, с длинными рыжими волосами и веснушками на носу. Её зелёные глаза были огромны, и они смотрели на королеву очень серьёзно.

— Финнеган, — королева остановилась на полпути к концу лестницы и нахмурилась. — Ты опоздал.

— Задержался.

— Как всегда, — она покосилась на Аврору. — Полагаю, это тебя задержало. Когда ты собираешься сказать нам, что у нас Алиссайнская преступница?

— Прямо сейчас. Не хотел тебя беспокоить, пока мы не знали, останется ли она.

— Не хотел беспокоить? — королева рассмеялась. — Твоя ложь может быть столь красива, Финнеган. Не знаю, откуда ты её взял.

— Простите, Ваше Величество, — вмешалась Аврора. — Я не понимаю...

— Орла, — сказала она. — Меня зовут Орла, а не Ваше Величество. И не извиняйся. Невнимательность моего сына — не твоя вина, — она посмотрела на Аврору. — Значит, именно ты причинила Алиссайнии столько вреда.

— Я так не думаю...

— Позор. Если собираешься поднять шумиху, можешь быть за неё ответственной, — Орла улыбнулась. — Не ожидала тебя увидеть. Я сказала Финнегану, что ехать в Алиссайнию — дело дурака. Он и в половину не настолько обаятелен, как о себе думает.

Аврора рассмеялась.

— Когда вернулся с пустыми руками... Что ж, я надеялась, это поставит его на место, покажет, что он не может всё контролировать. Но ты тут, — её глаза сузились. — А почему? Мне планировать свадьбу? Вы ужасно выглядите!

— Она никогда за меня не выйдет, — хмыкнул Финнеган. — Не тогда, когда есть драгоценный Родрик. Я предложил Авроре убежище, и она согласилась.

— А в Алиссайнии нет убежища? Никто не идёт с тобой на уговор?

— Это небезопасно, Ваше Величество, — сказала Аврора. — И Финнеган предложил...

— Уверена. Финнеган многое предложил. И большинство не может выполнить. Но оставайся, пока хочешь. Король Джон и так нас не любит, — Орла повернулась к девушке на

лестнице. — Полагаю, ты ещё не видела мою дочь? — когда Аврора покачала головой, она вздохнула. — Это моя дочь, Эрин. Эрин — принцесса Аврора. Уверена, у вас будут общие темы.

Эрин подарила Авроре улыбку и кивок, и Аврора улыбнулась в ответ.

— Мы должны поговорить, Аврора, — сказала Орла, — но, боюсь, ты застала меня в плохое время. Не все такие бездельники, как мой сын, — она повернулась к нему. — Финнеган, я жду тебя в приветственном зале через пять минут. Постарайся не опоздать, — она зашагала прочь, склонив голову к дочери и продолжая разговор.

Финнеган не двигался.

— Ну, в конце концов, ты встретила нынешнего и будущего правителя Ванхельма.

Аврора нахмурилась.

— Я думала, ты будущий правитель Ванхельма.

— Я старший брат. Но кто может сопротивляться шарму моей сестрицы? — его обычно безупречная улыбка выглядела весьма странно. — Надеюсь, ты найдёшь развлечение на вечер? Мы завтра поговорим. Обсудим планы.

Аврора смотрела, как он шагал прочь. Она не думала, что увидит Финнегана нерешительным. Часть её рвалась поспешить за ним, бросить вызов внезапному уходу, но она чувствовала, что это будет ошибкой. Лучше подумать о том, что она видела на руинах, подумать о будущем.

Но слишком многое случилось за прошедший день, чтобы спокойно сидеть и отдыхать. Она мечтала о присутствии Крапивы — успокаивающей и напевающей. Даже если они не говорили и не делали ничего важного, она хотела её видеть.

Страж направил её в комнату Крапивы, но та открыла дверь сразу и настояла, что Авроре надо подышать свежим недраконьим воздухом. Они сидели за круглым столом в уличном кафе на углу, ели разные виды хлеба и джема. Аврора наблюдала за толпами сначала настороженно, но на них никто не смотрел. Никто не заботился о том, кто они и что могут делать.

Они говорили о многом, но не о серьёзном. Не об Алиссайнии и стратегиях. Передышка после исчерпывающих нескольких дней. Но Финнеган всё ещё скользил в уме Авроры, требуя внимания.

— Финнеган не говорил, что у него есть сестра, — сказала она, намазывая джем на хлеб.

— Он мало о ней говорит.

Аврора положила нож, стараясь выглядеть спокойно.

— Почему нет? Они не ладят?

— Ладят, — сказала Крапива. — но напряжённо. Он немного ревнует, думаю.

Аврора не могла представить себе ревнующего Финнегана.

— Почему?

— Они очень похожи. Но по-разному выражаются. Они оба хороши в чтении людей, но Эрин куда спокойнее. Она хранит выводы при себе, а Финнеган... — она рассмеялась. — Ты видела Финнегана. Из-за этого мама видит хорошие черты в сестре, а не в нём. Видит Эрин правительницей, как себя, а Финнегана шуткой. А ему не нравится считать себя шуткой.

— Он сказал тебе это? — спросила Аврора.

— Я это видела. Хотя могу ошибаться.

Её тон подразумевал, что это маловероятно. И если Крапива верила, то и Аврора тоже

верила.

— Финнеган назвал её будущим лидером Ванхельма, — осторожно промолвила Аврора. — Но он старший брат? Он будет королём, вопреки матери.

— Это не неслыханно — быть проигнорированным наследником. Бабушка Финнегана была младшей, думаю. Её старший брат оказался непригоден в борьбе с драконами. И Ванхельмцы признавали женщин два поколения. Финнеган будет изменением и беспокоится, что этого люди не примут. Но да, он должен быть королём.

Финнеган — король. Картинка не складывалась. Аврора не могла представить себе застрявшего на троне Финнегана, что слушает жалобы, распределяет законы и имеет дело с ванхельмской политикой.

— Поэтому ему нужна моя помощь? Он думает, что это заставит людей принять его, как короля?

— Может быть, — кивнула Крапива.

Аврора устроилась в кресле, подтянув еду. Это объясняло его изначальный интерес к ней, его открытость по отношению к идеям её магии, её связи с драконами. Он нуждается в её поддержке. Но столько не складывалось...

— Финнеган хотел, чтобы я увидела драконов. И когда я увидела, это было... Я не чувствовала себя так... Но... Я не знаю, как описать. Когда мы вернулись, Финнеган ушёл, ничего не сказав. Если это так важно...

— Это важно для него. Но есть то, что может его бросить — мама. Ты увидишь. Я верю.

— Эй, Леди! — Аврора и Крапива посмотрели вверх. Краснокожий мужчина подошёл к ним. Аврора сжалась, но Крапива вытянула шею и уставилась на него. — Мы не хотим вас тут видеть.

Авроре потребовалось мгновение, чтобы понять, что он говорил с Крапивой, а не с нею. Певица посмотрела на него долгим взглядом, а после повернулась к Авроре.

— Думаю, — вновь промолвила она, — он...

— Эй! — повторил мужчина. — Не игнорируй меня! Тебе здесь не рады!

— Я тут живу, — спокойно сказала Крапива. — И ты срываешь мой разговор.

— Думаешь, что можешь приехать сюда, есть нашу еду, занять место, и мы признаем? Вы, люди, всё равно...

— Люди? — Аврора встала. — Что это значит?

— Такие, как она, — человек сплюнул. — Иностранцы. Думаешь, мы достаточно получили? Она должна жить в своём царстве, а не занимать наше.

— Такие люди? — повторила Аврора. — Я не из Ванхельма. Почему не кричишь на меня.

Человек зашипел.

— Она имеет такое же право тут быть, как ты, — Аврора чувствовала жжение внутри. Она глубоко вздохнула, пытаясь его подавить. — Как ты смеешь...

— Проблемы? — к столу подошла худая женщина в фартуке и посмотрела на Крапиву. — Мисс, вы мешаете другим клиентам. Боюсь, вам надо уйти.

— Это абсурд! — сказала Аврора, но Крапива оттолкнула не опустевшую ещё тарелку и встала. Выражение её лица не изменилось. Подняв подбородок вверх, она пошла прочь. Аврора последовала за нею.

— Крапива! Что...

— Что это было? Ванхельм, Аврора. Такое продвинутое царство, трудолюбивое,

приветливое... но так мало места, ресурсов, они сами не могут расти. Им нужны приоритеты. А для некоторых значит, что только определённые люди имеют право на место. Истинные Ванхельмцы. Люди меня не любят.

— Но это смешно! — воскликнула Аврора.

— Что есть, то есть. Не беспокойся, Аврора. Я привыкла, хотя это стало встречаться чаще.

Они немного прошли молча, а потом Аврора обернулась в сторону кафе.

— Мы не заплатили.

— Я знаю, — Крапива наконец-то улыбнулась.

Семь

К тому времени, когда Финнеган постучался к Авроре следующим утром, она была готова. И поставила лист бумаги перед его носом прежде, чем он выговорил "доброе утро".

— Вот мой план! — воскликнула она, когда он вошёл. — Как надо действовать!

— Я тоже рад тебя видеть, Аврора, — сказал Финнеган. — И хорошо спал, — он взял бумагу и прочёл её. — Как мило, но ты правда думаешь, что можешь так всё спланировать?

— У меня мало времени, — Аврора была одета с самого рассвета и выбросила все мысли на бумагу, оттачивая их перед принцем. — Мы должны знать, что делаем.

— И записать?

— Я хотела ясности, — она подошла ближе, указывая на слова, что говорила. — Я должна научиться использовать магию, чтобы помочь Алиссайнии. Ты хочешь, чтобы я использовала её, дабы избавиться от драконов. Во-первых, научиться контролировать. Практика. Ты сможешь узнать мне о магии больше, что было раньше, почему она пропала, что за магия драконов, проклятье, что со мной было.

— Я эксперт в этом?

— Нет. Но хорошо знаешь. Мы узнаем, как работает магия и связь с драконами.

— И надеемся выяснить, как с ними бороться?

— Именно. Если я собираюсь усыпить драконов, придётся пойти на гору, что упомянул Лукас, где всё началось. И как только я это сделаю, ты сможешь мне вернуться в Алиссайнию, остановить насилие и сместить короля.

— Как просто, — хмыкнул Финнеган. — Не представляю, что что-то пойдёт не так!

— Надеюсь, да, — кивнула Аврора. — Тогда мы всё исправим прежде, чем случится.

Финнеган рассмеялся.

— Всё в порядке, девушка-дракон. Я в игре.

— Хорошо, — она потянулась за плазом. — Надо идти к институту Лукаса. Это лучшее место для начала.

Финнеган сжал её руку, останавливая.

— Погоди. Есть идея получше.

Он повёл её через всё частное крыло. Комнаты были куда меньше, чем королевские, но зато на столах будоражили открытые книги, пушистые ковры, полки, в которых больше причуд, чем значения. В некоторых комнатах были большие окна с видом на улицу или внутренний сад, другие освещались только световыми люками в потолке. Ни коридора, ни ощущения, что однажды тут появится система — это ломало дух даже самого решительного вора.

Наконец-то Финнеган открыл дверь и жестом предложил ей идти вперёд. Она прошла через неё, немного нервничая, как перед открытием.

Книги, книги на всех стенах, кроме одной. Та была с окнами от пола до потолка, и утренний свет оставлял узоры на деревянном полу. Лестница тянулась спиралью по сторонам книжных полок, останавливаясь на балконах в каждом семи футах или около того, прежде чем тянуться опять. Они пошли вверх, ещё выше, над потолками других комнат, над потолками дворца, прямо на крышу. И каждая полка была полна, каждое пространство заполнено бумагой, историей, знаниями.

— Финнеган...

— Знаю. Впечатляет, да? Даже я не знаю, что тут. Слишком много книг для двадцати одного года. Слишком много книг для двухсот. Уверен, что тут что-то может помочь. Даже ресурсы института меньше, — он направился к одной из винтовых лестниц вдоль стороны комнаты. Шаги казались такими быстрыми, что голова Авроры закружилась, пока они добрались до первой платформы. — Тут скучно, в основном растения. Съедобные, целебные, полезно, если у тебя королевство, а не пустырь, — он зашагал мимо второго, третьего балкона. — Тут о существах. Куда полезнее. Где-то есть легенды о единорогах и фениксах, а пониже о нормальных существах, а тут, — они добрались до самой высокой платформы, — драконы.

— Это всё? — всего четыре полки с книгами, половина — пусты. Аврора подошла к ближней, пробежалась пальцами по корешкам. Старшие имели мистические названия — "Легенда Драконов", "День Драконов", "Драконы умирают", а вот в новых была история, анатомия, даже карты.

— Мы знаем о драконах наверняка три вещи, — промолвил Финнеган. — Они есть, они ненавидят воду, они нас убивают. Всё остальное — догадки. Никто не был достаточно близко, чтобы узнать о их жизни и написать книгу.

Аврора сжала кулон в пальцах.

— Но некоторые люди были достаточно близко, чтобы получить его кровь.

— Но они не прожили достаточно долго, чтобы писать об этом. Или сделали много чего в большинстве случаев. Может быть, у них были теории, но не факты. Как бы то ни было доказательств нет.

— Если у вас есть кровь драконов, — сказала Аврора. — Вы знаете их боль. Почему же тогда не сражались раньше?

— Потому что не можем причинить им вред, — сказал Финнеган. — Нет, мы стараемся бороться, пытались, когда они вернулись. Не сработало. Пушки, копья, но там есть металл. Их не задело. Тогда какой-то гений попытался сделать копья и стрелы изо льда, думая расплавить их магию. Ну, они их вырезали, потом плавил, очень рассердили драконов, раздражали мелкими ранами. Мужчины собрали немного крови для исследований, и это всё, чего мы достигли.

— И эту выстраданную кровь впихнули в кулон?!

— Это был подарок моей бабушке, — хмыкнул Финнеган. — Они думали, что это честь. Она же была не впечатлена.

— И ты подарил мне это в Алиссайнии при встрече?

Он засмеялся.

— Ты слишком подозрительна, Аврора, это был только намёк на магию. Я хотел видеть реакцию.

Она провела пальцем по шероховатому краю крыла дракона. Она попыталась изобразить кровь внутри, что билась в жилах дракона.

— Но как ты узнал, что у меня была магия? Ты знал прежде, и у этого есть миллион более разумных объяснений. Что заставило тебя увидеть?

— Я обратил внимание.

— И ты думаешь, я поверю?

— Что я могу сказать, девушка-дракон? От тебя трудно отвести взгляд.

Она ожидала увидеть насмешливую улыбку, дразнящий взгляд, но он всё ещё осматривал полки, а самодовольства как ни бывало.

— У меня есть книга, — сказал он, словно ничего особенного не случилось. — О драконах. Любимая, когда я был моложе, но я дам её потом. Ты должна знать легенды.

— О. Спасибо.

Они шли по третьей платформе вокруг комнаты. Большинству книг, должно быть, было более ста лет, их переплёты отпадали. Некоторые казались неприкосновенными с момента прибытия в библиотеку. Но на одной области оставалась пыль.

— Вот, — сказал он, — книги по магии.

Несколько дюймов разрушали плавную линию. Она вытащила книгу. Окружающие прижались друг к другу, словно ждали этого.

— Ты читал? — спросила она. Он кивнул. — Тогда это я прочту первым.

— Ты не доверяешь моим словам, если я расскажу, что узнал?

— Просто думаю, что надо начать. Так будет проще.

— Хорошо. Я буду в разделе драконов, если понадобится.

Она наблюдала, как он шёл прочь, а после села и открыла книгу. Первая строка уставилась на неё, напечатанная большим и сложным шрифтом.

"Энергия магии неконтролируема".

Она переворачивала страницы слишком быстро для понимания, пытаясь поглотить слова взглядом. Магия была энергией, дикостью, характером, гласили они. Часть мира, отдельно от человека. Некоторые люди подключались к ней, воздействовали, но большинство не могло.

Тем не менее, это было не так для Авроры. По крайней мере, она не считала это правдой. Её магия всегда вырывалась из неё. Она сжигала, говорила Селестина. Сила приходила в моменты гнева, и приходила всегда во время страха или отчаянья.

Она положила книгу открытой на пол и взяла свечу. Смотрела на фитиль.

Если магия приходила из воздуха, ей надо будет дунуть. Она вдохнула и попыталась ощутить волшебство в воздухе, ища намёк на огонь.

Ничего. Просто дыхание. Она закрыла глаза и попыталась вновь, но всё то же. Аврора открыла глаза и попыталась толкнуть пламя к фитилю, чтобы зажечь.

Ничего.

Она не удивилась. Её магия редко появлялась по желанию. Но ей надо научиться контролировать её, чтобы владеть чем-то под её кожей.

Она смотрела на фитиль и приказывала гореть. Она думала о пламени и о своём собственном гневе. Как бы чувствовала себя, когда вызвала огонь?

— Если ты сожжёшь мою библиотеку, я тебе не прощу.

Она вскочила. Финнеган стоял у лестницы с книгой под рукой.

— Я не собиралась сжигать библиотеку. Я ничего не делала.

— Не вышло?

Она положила свечу на землю.

— Книга говорит, что магия их воздуха. Но это не так.

Финнеган склонился к ней.

— Думаешь, ты правильно направляешь её?

— Может быть. Но это противоречит всему, что в книге.

— Автор никогда тебя не встречал, — он взвесил книгу в руке. — У тебя в Алиссайнии есть магия, но никто не колдует. Имело бы смысл, если бы у тебя был источник. Как у дракона.

Это не объясняло, почему она иная. Она смотрела на ряды книг перед ними, толстые слои пыли показывали, сколько им лет. Уйдёт вечность, чтобы прочесть всё. Её родители никогда не давали ей читать о магии в детстве, даже упоминание о проклятии. Они оставили её в полном неведении о вещах, о которых она должна была знать.

— В Алиссайнии король сказал, что люди украли волшебство королевства. Это возможно? Может, она поэтому пропала?

— Я не знаю, — сказал Финнеган. — ведь её нельзя украсть? Она ничья. Мне кажется её просто использовали. В Ванхельме была магия, потом ушла. А потом в Алиссайнии — и пропала. Может, это лишь ресурс, и его не так много.

— Тогда я получила больше, чем должна, — Аврора вновь взяла свечу. — Как я могу узнать, как использовать магию, если никто прежде ничего не видел?

— Во-первых, для практики надо место получше, — сказал Финнеган. — Где-то, где меньшая вероятность уничтожить тысячи бесценных книг и привлечь бессмертную ненависть.

— Я готова рискнуть, — Аврора улыбнулась.

— Мне надо на некоторые встречи, ты читай, борись с желанием сжечь книги. Посмотрю, что смогу сделать.

Аврора провела остаток дня в библиотеке среди пыльных книг, останавливаясь лишь для того, чтобы поесть. Страницы пожелтели и были хрупки, казались на грани разрыва в её руках, но их архаичные предложения ничего нового не вносили. Все они называли магию внешней силой, на которую некоторые счастливики могут влиять. Говорили о великих делах, что сделали магией, о силе, что вырастила культуры и сделала засухи, что магия могла влиять на умы, использовалась для убийства, но каждый раз, когда использующий брал её, что-то портилось взамен. Казалось, никто не горел своей магией. Или никто не писал о них.

Но настоящие могущественные маги были редки. Некоторые могли использовать её для мелких задач, целителей было много — они справлялись с недугами в деревне, но мало кто мог контролировать и уничтожать. Несколько мужчин-колдунов, что торговали своими талантами. И грозные ведьмы.

Первой, как говорила книга, была Алиссайя.

Аврора наклонилась ближе, пальцы парили над страницей. Алиссайя была её детским героем, но опыт с момента пробуждения испортил всё волшебной королевой.

Книги подтверждали её цинизм. Во-первых, история была знакомой — Алиссайя оказалась дочерью одного из первых мужчин, что пересекли море к Алиссайнии, и люди думали о ней, как о последнем остатке ванхельмской власти, потому его магия пропала. Она не знала о своих талантах, пока не покинула Ванхельм для Алиссайнии, бесконечного леса с нетронутой магией. Земля, запретная для других, шептала ей, и она учила своих людей тоже слушать.

Тем не менее, когда Аврора переворачивала страницы, история отличалась от знакомой

ей версии. Алиссайя получила слишком много власти, говорили они. Она могла заставить деревья поклониться ей, если желала, могла изменить направление рек и выхватить птицу с неба. Люди её боялись. Девушка, что говорила с природой и заставила землю приветствовать их, была полезной. Женщина с этой властью, смелая, бесстрашная, никем не покоренная, была чем-то другим. Они не доверяли волшебнице, что могла столько всего сделать с их мыслями. И потому они убили её за несколько дней до коронации. Алиссайнцы пересекли океан ради возможностей и магии, а нашли её в руках некогда любимой принцессы и испугались.

Аврора сидела на полу. Она прежде не слышала этого, но после своего опыта в Алиссайнии видела смысл. И что более вероятно — исчезнувшая в тумане прекрасная королева, или принцесса, что вынуждена исчезнуть, прежде чем взойшла на трон, потому что другие люди хотели её власти?

Может быть, Алиссайя была в состоянии бросить вызов тем, кто пытался её контролировать. Может быть, она правила, была счастлива, а правда закрутилась в море времён.

Аврора не была уверена в том, что видела. Алиссайя могла не быть первой королевой, но была первой ведьмой своей страны. Аврора понимала, как это опасно.

Восемь

Финнеган вернулся в библиотеку после обеда и провёл Аврору через дверь на втором балконе. В маленькой квадратной комнате со столом в центре было несколько коробок и пустые полки.

— Это коридор между моими комнатами и библиотекой. Думаю, хорошее место для практики, так что я тут всё убрал.

— Ты убрал?

— Ну, слуги убрали, — поправился он. — В любом случае, в коробках свечи, и никаких книг для сжигания. Я думал, это поможет.

— Да, спасибо, — она подошла к ближайшей коробке и посмотрела на свечи. Все они были разных размеров и цветов, словно Финнеган думал, что оттенок воска имеет значение. Она выбрала твёрдую и квадратную и поставила на стол, после отступила назад и посмотрела на фитиль.

— Подожди, — Финнеган подошёл к ней. — Кулон. Мы должны его убрать. Я предпочёл бы, если б ты не сожгла весь дворец, — он поднял цепочку и расстегнул застёжку. Металл щекотал шею Авроры, когда он снял его.

Дракон был маленьким, но она почувствовала его пропажу и прижала пальцы к тому месту, где он был.

— Как думаешь, из-за ожерелья магия потеряла контроль в деревне, в Алиссайнии?

— Может быть. Но я предпочёл бы быть не в своих покоях, когда мы узнаем.

Финнеган отступил в тень, и Аврора вновь сосредоточилась на свече. Ей нужен свет. Она делала это раньше. Так что она смотрела на него, заставляя по воздуху пробежать послушное намерение. Гореть.

Ничего не произошло.

Она чувствовала, что Финнеган наблюдает за ней. Ожидает. Предвидит магию.

— Ты можешь быть где-то в другом месте? — спросила она.

— Пытаешься избавиться от меня, девочка-дракон?

— Нет. Но ты не боишься? Я ничего не знаю о магии. Уверена, что когда-то почти

сожгла Родрика. Тебе не кажется это... нервирующим? Безопаснее быть подальше.

— Нервирующим? — засмеялся Финнеган. — Аврора, это удивительно. У тебя есть власть сжигать вещи, если ты хочешь. Ты можешь смотреть в глаза дракона и жить, чтобы смеяться от этого. Почему я не хотел бы видеть того?

— Я могу сжечь тебя.

— Не знал, что ты так беспокоишься обо мне. Не волнуйся, Аврора. Я постараюсь не попасть под твой гнев.

Теперь наступила её очередь смеяться.

— Думаешь, можешь этим управлять?

— Нет, но готов рискнуть.

Она откинула волосы с лица и уставилась на свечу.

— Проблема в том, что я не знаю, с чего начать. Я пробовала раньше — стояла в комнате, смотрела на свечу и думала о пламени. Не сработало. Ни разу. Всегда случайно. Или, думаю, я делала это, когда была настолько вовлечена в дела, что не задумывалась даже. Это просто случилось.

— Тогда, может быть, не надо так стараться, — сказал Финнеган. — Пытаться зажечь.

— Я должна сосредоточиться не на зажигании?

— Я имею в виду, что ты ничего не можешь сделать, просто захотев этого. Если думаешь о себе, сделавшей, не сдвинешься с места. Ты не можешь думать о перемещении ноги — просто переставляешь её.

Она вновь пробежалась пальцами по волосам.

— Это не так. Дети должны думать о ходьбе. Как я буду практиковаться, если не буду думать о том, о чём я делаю.

Финнеган подошёл ближе и положил руку ей на спину.

— Ну, — его голос звучал низко, — что ты чувствовала, когда в последний раз использовала магию?

Она закрыла глаза, протягивая руку к памяти, к следам магии, что не позволяла себе ощутить. Она чувствовала власть, отчаянье, что сжигало её кожу и кости. Опасность.

Но она стояла в затемнённой комнате и чувствовала только остатки. Плоть, кровь, золотистые локоны слишком знали о стенах вокруг неё.

— Это тяжело. Чувствовать то, чего я на самом деле не чувствую.

— Если ты недавно это чувствовала, то можешь почувствовать снова.

Она вспомнила, как впервые пыталась зажечь свечу, запертая в комнате в замке в Петрикоре. Искру вызвало её разочарование в себе, уверенность в бесполезности. Она улыбалась и приседала, наблюдала, как раздавили её жизнь. Как её родители предали её, всегда такие занятые в защите, что ни разу не считали её личностью.

Она собрала эти мысли и толкнула свет. Свет. Свет.

Но ничего не случилось. Воздух не сдвинулся с места.

Она сжала глаза. Она могла вызвать пожар, она видела это, но сейчас было лишь мерцание. Может, она способна на это только в Алиссайнии, где мир ещё помнил магию? Или это вне её контроля?

Финнеган провёл рукой от плеча до локтя.

— Ты знала о магии до сна?

— Нет, не знала.

— Если использовать её так легко, ты б заметила раньше. Потребовалось столько

времени, чтобы её разбудить. Конечно, это должно быть очень трудно контролировать.

— Но я прежде никогда не пыталась использовать магию, — не было никаких доказательств, что магия прежде была. Она была разочарована, да? Она сердилась. Но она никого не сжигала.

Магия могла быть остатком проклятия, следом степени использования сил для попыток разбудить её. Это может быть не её.

Но Селестина сказала Авроре, что она создана заклинанием, сделкой между матерью Авроры и ведьмой. Это причина магии? Это тот поворот, который Селестина добавила к сделке?

— Может быть, это нельзя контролировать. Может быть, это лишь часть проклятия. Селестина не позволила бы мне иметь магию, которую я могу использовать по своему желанию.

— Может быть, — сказал Финнеган. — Но я так не думаю, — она чувствовала его дыхание на коже. — Не думай об этом так старательно. Попытайся найти огонь. Схвати его. Поверь, там он есть.

— Там, — сказала Аврора. Обугленная деревня была доказательством. — Это происходит, когда я злюсь и не думаю. Когда я боюсь, мне угрожают, я не останавливаюсь. Но иначе... — иначе она не может найти и следа. Как контролировать то, что появляется только тогда, когда она теряет контроль?

— Ну, — протянул Финнеган, — если ты думаешь, что под угрозой сейчас... Учитывая короля Джона...

— Так мне постоянно бояться, и я стану сильнее? — это не казалось силой. — Нет. Нет. Мне нужен гнев, — тогда она использовала магию. Она ненавидела короля, Родрика, себя. Она хотела всё сжечь. — Это огонь, а огонь не боится.

Она повернулась к свече и потянулась к мыслям. Аврора гневалась на себя, на бесполезность, что вызвала столько страданий в стремлении быть хорошей. После толкнула эти мысли. Её магия — её сила, она не может быть силой, когда отрывается от себя самой.

Она схватилась за чувство предательства. Джон угрожал ей на свадьбе, ключ щёлкнул, Айрис заперла её в комнате. Селестина улыбалась голодной улыбкой, Тристан смотрел с крыши, кровь текла на площади. Она отодвинула ещё дальше мысли, которые никогда не поднимала — бешенство на Родрика, разбудившего её. Люди Алиссайнии, считающие её спасительницей. Её мать, что совершила сделку с ведьмой, пусть она и знала, что это не должно быть так. Никто не давал ей шанса. Никто не обращался с нею, как с реальным человеком. Она не хотела быть их спасителем. Не хотела быть их королевой, а даже если и желала, то не всегда.

Давление стучало в ушах. Она не думала о свете, но подхватила чувство и толкнула его в сторону свечи.

Она вспыхнула.

Финнеган рванулся вперёд, чтобы погасить её.

— Может быть, в следующий раз немного поменьше. У свечи есть фитиль, ты знаешь...

— Ты хочешь, чтобы я раскрыла гнев, но дала лишь огонёк?

— Не развязала его, а приняла. Найди искру.

Она посмотрела на деформированные остатки свечи.

— Огонь словно бросается из меня. Может быть, если я буду удерживать его, то буду хвататься за завитки...

На сей раз магия пошла легче. Всплеск власти, искра вокруг фитиля свечи.

К концу вечера несколько свечей мерцали, огонь горел в камине. Она чувствовала каждое биение своего сердца. Руки и ноги болели, но это была приятная усталость, она так ей подходила.

Аврора сидела на полу, вытянув ноги. Финнеган обнял её за плечо, и она даже не сопротивлялась. Не хотела отталкивать. Время заставило их сблизиться. Сойтись. Часы собирали её гнев и толкали его по комнате, обменивались чувствами и словами, уговорами, о которых она не знала. Упрямая часть неё всё ещё хотела сделать всё самой, ведь магия её сила, не делиться с Финнеганом, но так было легче. Она... открылась?

— Ну, — промолвил Финнеган. — Думаю, на сегодня нам лучше остановиться.

Он повернул голову к ней, и застыл всего в пару сантиметров. Он не ухмылялся — и если бы сдвинулся на дюйм, то мог бы поцеловать.

Она смотрела на его губы.

Это было в темноте, при свечах, со спутанными мыслями. Но сердце стучало быстрее, дыхание перехватывало, когда он подался немного ближе.

Он собирался поцеловать её.

Она не могла позволить поцеловать её. Не сейчас, когда всё так запутано, не тогда, когда ей нужен был альянс. Она опустила голову.

— Я опустошена. Мне надо отдохнуть.

— Не беспокойся, — он откинул голову на спинку стула. — Я не поцелую тебя.

— Почему нет? — она не хотела спрашивать, но слова вылетели раньше, чем она их остановила. Она не хотела сказать "Я не хочу, чтобы ты целовал меня" или "как ты смел предположить". Было что-то в этом мгновении, но она не в таком отчаянии, чтобы позволять поцелуй.

— Ну, ты поцелуешь меня. Я знаю, ты целовалась достаточно в своей жизни. Но если приподнимешься и поцелуешь меня, ты преодолеешь своё сопротивление... Это того стоит.

Она встала.

— Ты долго будет ждать.

Он казался совершенно свободным, улыбаясь ей бешеной улыбкой.

— Не беспокойся, Аврора, — сказал он, когда она уходила. — Я дождусь.

Девять

Аврора проснулась со странными ощущениями на следующее утро. Горничная открыла окно, впуская свежий воздух, но в комнате было слишком резко и холодно.

Аврора перекатилась на бок и зарылась в одеяла.

Роза лежала на подушке рядом с нею. Вокруг стебля был обёрнут лист бумаги. Аврора села, волосы упали на лицо. Это что-то от Финнегана, комментарий прошлой ночи? Она подняла его и увидела одно слово.

«Скоро».

Аврора узнала почерк. Она видела его в стене башни горелым, дразнившим о потерянной жизни.

Селестина.

Селестина тут была. В городе, дворце, спальне, пока она спала. Аврора уронила розу и выбралась из постели, отбрасывая цветок, словно он мог её укусить.

Она повернулась на месте. Селестины здесь не было. Ни в комнате, ни в углу, в ожидании разговора.

Аврора сорвала одеяло с кровати и бросила в сторону подушку в поиске второго сообщения, ещё одного ключа. Ничего. Её вещи нетронуты, стол тоже. Просто открытое окно и роза на подушке.

Она снова взяла цветок, осторожно, не касаясь шипов. Селестина пробралась, пока она спала. Что сделать? Угрожает? Предупреждает?

Она должна знать, что Аврора практиковалась в магии. Должно быть, она видела её заклинающей огонь, и так поздравила или раскачивала. Она хотела, чтобы Аврора знала о её близости.

Аврора выбежала в прихожую с всё ещё спутанными волосами, сжимая розу в руке. Один охранник дежурил. Он вытянулся, когда она подошла, но она была слишком расстроена для этого.

— Кто-то приходил ночью? — спросила Аврора. — Посторонняя женщина?

Стражник нахмурился.

— Нет, не приходили. Никого нежданного.

Но Селестина могла изменить реальность, заставить людей забыть об увиденном.

— Ничего странного? Никакого странного звука?

— Нет, мисс, ничего.

— Вы уверены? Может быть, кто-то прошёл через другой вход или...

— Никакого другого входа. Обещаю вам, вы в безопасности здесь.

— Но...

— В чём проблема? — Аврора обернулась. Финнеган подошёл к ней и нахмурился. — Джексон, у нашей гости есть возможность свободно передвигаться.

— Я знаю, Ваше Высочество, — кивнул стражник. — Она спрашивала меня, не видел ли я ночью ничего необычного. Я сказал, что ничего не видел. Всё в порядке.

— Уверен, всё так, как ты говоришь, — он положил ладонь на руку Авроры. — Больше не беспокоим.

Он проводил Аврору через боковую дверь в одну из комнат. После того, как они остались одни, он отпустил её руку и повернулся к ней лицом.

— Аврора? Может, скажешь, что это было? Почему ты в ночной сорочке? И почему ты держишь розу?!

Аврора осмотрела комнату, словно ожидая намёк на присутствие Селестины. Ведьма наблюдает за нею. Она может смотреть на них.

— Аврора?

— Ничего, — сказала она, затем сделала вдох, чтобы успокоиться. — Просто хочу знать, насколько хорошая тут стража. Если люди могут приходиться и уходить, когда им взбредёт в голову...

— Конечно, они не могут приходиться и уходить, когда им взбредёт в голову. Мы не дадим людям короля Джона тут гулять.

— Но есть и другие пути во дворец, — сказала Аврора. Она начала ходить, не желая отдыхать. — входы слуг, секретные проходы. Я выходила из замка в Петрикоре, и никто меня не видел. Там должны быть выходы...

- Этот дворец не так стар, как ваш замок. Поверь, у нас есть планы. Нет никакого секретного выхода, — он смотрел на неё, нахмурившись. — Ты видела что-то угрожающее?

— Нет, — она покачала головой. — Не знаю.

— Аврора, — он положил руку ей на плечо, словно останавливая её. — Что случилось?

Она посмотрела на его лицо. Она никому не говорила о присутствии Селестины или угрозе, но если она тут, во дворце, то Аврора должна сказать. Финнеган проницателен, несмотря на все недостатки. Он может помочь.

— Кто-то оставил эту розу в моей комнате.

— Розу?

— Да. Кто-то оставил её на подушке, пока я спала. И записку обернул вокруг стебля. "Скоро".

Пальцы Финнегана сжали её плечо.

— Король Джон никогда не был столь тонок. Зловещие цветки — не его стиль.

— Нет. Не Джон, — Аврора посмотрела в окно. Солнце оставляло отпечатки оранжевого света на полу. — Это Селестина.

— Селестина? — глаза Финнегана широко распахнулись. — Проклявшая тебя ведьма?

— Знаю, безумно звучит, но я видела её. Она пришла ко мне в Петрикоре, потом на улице, прежде чем я сбежала. Она сказала... — эти слова были слишком опасными, чтобы их произносить. — Хотела, чтобы я присоединилась к ней. Сказала, что я должна.

— Но ты отказала ей?

— Конечно! Она сказала, что будет наблюдать, но я не думала... думала, за океаном я в безопасности. Но она здесь. Я тут лишь два дня, а она уже...

— Ты думаешь, она на тебя нападёт?

— Нет, не знаю, — Аврора запустила пальцы в волосы, скользя по узлам. Если Селестина хотела бы напасть, она сделала бы это пару недель назад, шансов было достаточно. — Она со мной играет. Пытается расстроить. Хочет, чтобы я её выбрала, присоединилась к ней, но я не знаю, почему она думает, что я это сделаю. Что должно случиться? Почему я должна пожелать работать с проклявшей меня?

— Что она предложила тебе? — спросил Финнеган. — Если ты пойдёшь с ней.

— Ответы. Контроль магии. Жажда мести.

— Как по мне, убедительно.

— Но она меня прокляла! Как я могу быть с нею? — Селестина представляла собой ужасное будущее, думая, что Аврора поделится с нею магией.

— Она сказала, что хочет?

— Намекала. Но я знаю, что она хочет магию. Мою магию. Кажется, она не совсем... — она посмотрела на Финнегана, подбирая слова. — Она украла мою магию через порез на щеке, и считает, что это ключ к её власти. Но я не знаю, как у меня может быть магия, когда у других её нет?

— Может, потому что ты спала. Пронесла её с собой.

— Да, — вновь кивнула Аврора. — Возможно, — это объясняло одержимость Селестины. Но если это так, то почему Селестина не отобрала магию? Зачем играет в тонкие угрозы?

— Она пытается тебя остановить. Ты не собираешься делать то, чего не хочешь, — Финнеган отпустил её плечо. — Но можешь этим воспользоваться. Она знает больше о твоей магии, чем кто-либо. Если сделаешь вид, что приняла предложение, можешь вытянуть информацию.

— Нет, — Аврора даже не думала об этом. — Селестина опасна. Я не знаю, что она сделает.

— Может, стоит спросить.

— Нет. Я не могу ей доверять.

— Но если ты больше узнаешь о ней, узнаешь больше о своей магии. Проклятых Драконах. Она должна знать.

— Тогда я буду исследовать. Всё появившееся за сто лет, всё во времена Селестины и до моего проклятия. Всё. Я получу ответы без вопросов, — но труднее было делать это из-за моря. Ей придётся вскрыть столетние тайны в сотнях миль от места, где всё случилось. Она может ничего не найти.

Она провела рукой по волосам.

— Я оденусь. И пойду в библиотеку. Можем начать там.

— Тебе нужна компания для возвращения в покои?

— Я найду дорогу.

— Думаю, ты можешь быть осторожна с одиночеством, учитывая случившееся. Я могу послать слугу или стражника, если хочешь.

— О, — она задумалась. — Спасибо, но я в порядке, — Селестина желала её страха. Аврора не могла показать слабость.

Она вернулась в пустую библиотеку, как только оделась, и перешла в отдел магии. Там может что-то помочь.

Несколько книг упоминали Селестину, но слишком мало информации. Первое появление Селестины за двадцать лет до рождения Авроры, последнее — на банкете, когда она уколола палец Авроры и прокляла её почти вечным сном. Промежутки с жизнью в башне в лесу и сделки с просящими. Некоторые книги утверждали, что она мстительна, прокляла королевство для удовольствия, другие — что она была вынуждена.

Один говорил, что её несправедливо обвинили в исчезновении магии, и Аврора почти швырнула её на землю. Независимо от того, что Селестина могла или не могла сделать, она прокляла Аврору, словно несколько дней назад. Уничтожила всю её жизнь. Она не жертва.

— Аврора?

Финнеган стоял посреди библиотеки, с вытянутой шеей осматривая балкон.

— Ты тут?

— Да, — она встала. — Тут.

Послышался глухой удар — Финнеган свалил кучу бумаг в центр библиотечного стола.

— Что это? — спросила Аврора, спускаясь по лестнице.

— Все дипломатические документы по Алиссайнии за сто лет и ещё лет двадцать, — он впихнул на стол вторую стопку. — Не столь полезно, как собственные записи, уверен, но там может что-то есть. Идём к источнику!

— Фантастика! Как? — она подняла верхний листок. Это была коллекция сокращений, написанная неразборчивым почерком. На листе, казалось, был список подарков, которыми обменивались после дипломатических миссий.

— Пришёл в архив и взял, — хмыкнул Финнеган. — Преимущество статуса принца.

Она села, потянув к себе листы. Много бесполезного надо отсеять, много потерянных минут, но там должно быть что-то полезное.

Но Селестина едва упоминалась, да и магия тоже. Один девяностолетний документ, что ставил под сомнение Алиссайнию в виде союзника, когда магия ушла, и старые бумаги о засухе, в которой обвинили ведьму, как часто их обвиняют в разрушении королевств.

"Мало доказательств, — отмечал посол, — но алиссайнцы очень суеверны". Аврора и Финнеган раскладывали все упоминания о магии по датам, пытаясь выстроить график её

спада, но пара часов работы дала мало результатов. Селестину обвиняли в ужасах, гасла магия — больше ничего.

Финнеган протянул страницу к Авроре.

— Думаю, это тебе понравится.

Это было письмо — через два дня после восемнадцатилетия Авроры. Принцесса, оно говорило, пала в проклятый сон. Посол предупреждал о потенциальной нестабильности, король охотился на ведьму и отмечал, что суеверные Алиссайнцы пытались разбудить принцессу. Высказано предположение о поцелуе принца, может, Ванхельм кого-то найдёт. Её пробуждение станет дипломатическим переворотом.

Это было тревожным — видеть о себе такую аналитику. Аврора положила бумагу на её место во временной шкале, и потянулась за следующей, стараясь не обращать внимание на дрожь в руках.

Финнеган наблюдал за нею, но она отказалась смотреть на него.

— Почему бы не выйти на улицу? — предложил он. — Сделать перерыв?

— У нас есть работа. И столько всего...

— И оно никуда не денется до нашего возвращения, — он вытащил отчёт из её пальцев. — Надо проветрить головы.

Она выдохнула. Плечи были напряжены, голова пульсировала, но надо работать быстро. Нельзя прерваться сейчас.

— Нужен перерыв, — Финнеган встал. — Давай, покажу тебе город.

Она знала, что он делает. Он видел её напряжение, как она читала письмо, когда принесла розу Селестины. В его жесте было что-то странно внимательное, попытка её отвлечь, но настаивая на необходимости отдохнуть.

Но выходить рискованно.

— Крапива мне немного показывала.

— Да, но Ванхельм всегда меняется. Кто знает, он тот же, что вчера? — он взял её за руку.

— И шпионы короля Джона?

— Если они знают, что ты тут, то знают. Они не могут ничего сделать, пока тут я и моя стража.

— Потому что ты так внушителен?

— Естественно!

Она хотела посмотреть город. Избежать от давления о понимании магии и надежд... хоть на пару часов. Её ответственность будет тут, когда она вернётся. И часть её хотела пойти с Финнеганом. Видеть его улыбку и смех без двора и драконов вокруг. Небольшой перерыв не повредит.

— Хорошо. Покажи мне город.

Десять

Ветер напал, пока они шли по улице, трепля плащ Авроры и её волосы.

— Успокойся, — Финнеган едва слышно крикнул и схватил Аврору за руку, согревая её своим теплом. Они шли на север, несколько стражников шагали в паре футов. Ветер жалил щёки, и Аврора прикрывалась воротником плаща.

— Итак, путешествие, — промолвил он. — Куда ты хочешь в первую очередь?

— Думала, ты хочешь показать мне Ванхельм. Так покажи Ванхельм.

— Я знаю только место.

Толпы становились гуще. Проповедники вновь показались на углах улиц, кричали о конце дней прохожим, но на них почти не смотрели. Стража Финнегана растворилась в толпе. Некоторые прохожие узнавали Финнегана — одна девушка толкнула вторую так резко, что подруга чуть не упала, — но не останавливали их.

Они приблизились к квадратному зданию в десять этажей высотой, с различными существами снаружи. Единорог склонил голову, дракон обнажил зубы, раздувая ноздри.

Один мальчишка пытался взобраться на гриву единорога и поскользнулся под смех друзей.

— Что это? — спросила Аврора.

— Музей, — отозвался Финнеган. — Думаю, ты вступишь.

Она была так удивлена, что рассмеялась. Она оттолкнула его, и он нырнул в сторону, потянув её за собой.

— Правда, Финнеган, я думаю, что ты старше. Может, тебе тоже тут место?

— И то правда, мне нет восемнадцати, но я не помню прошлый век.

Она проигнорировала его и направилась в музей. После того, как она оказалась внутри, вдруг поняла, что музей не был полон старых реликвий и бляшек от древних сражений — искусство. От осколков керамики до пышных картин, от рассыпающихся каменных статуй и слепков из бронзы до цвета и форм.

— Это не музей, — прошептала она.

— Художественный. Не говори, что ты всё знаешь, не хочу утомлять.

Они бродили по коридорам, шагая туда, куда вела фантазия. Аврора остановилась перед картиной маслом, что занимала всю стену. Белокурая девушка присела в лесу, когда фея протягивала ей руку. Девушка не знала, была она очарована или напугана магией. И Аврора знала это ощущение.

Ещё одна картина была столь темна и красочна, с закрутившимся фиолетовым туманом вокруг разрушенной башни. Девочка стояла в центре с мечом, лицо преисполнилось вызовом. Аврора подошла к ней, вдыхая запах краски.

— Это заставляет меня вспомнить о книге, которую я читала.

— Тьма? Розамунд Фрит?

— Да! Ты читал?

— Раз десять. Думаю о ней, когда смотрю на картину. Хотел купить во дворец, но мама не хочет пускать искусство, чтобы оно служило только нам для личного пользования.

— Такая хорошая книга! Башня? Когда все мысли сбываются, что больше пугает, чем страхи? Я спать потом не могла!

— Я б думал, что ты больше этого романа, Аврора!

— Там романтика во Тьме.

— Между девушкой и демоном.

— Но всё ещё романтика, да? — она повернулась к картине, скользя по краске взглядом. — Реалистичнее, чем истинная любовь и долго и счастливо.

— Полагаю, теперь ты знаешь.

Она взглянула на него, но он не дразнил её.

— Давай, я хочу посмотреть остальное.

Многие картины были фантастическими. Всё, что Аврора видела в Алиссайнии, было портретами или пейзажами, а тут, словно всё наполнилось историями. Люди застыли в чарах, а потом мчались, пока она отворачивалась.

Аврора остановилась, когда они повернули за угол, а после поспешила к маленькой картине на дальней стене в мягких голубых тонах. Черноволосая девушка стояла босиком на каменистом пляже, вокруг грохотал океан. Ноги наполовину засыпало песком, пена крутилась в узорах и рвалась обратно. Волны поднимали волосы.

— Ты знаешь эту историю? — спросила Аврора.

— Я знаю много историй. Но не напоминай мне об этом.

— Знаю только одну, — Аврора смотрела на спутанные волосы девушки и чувствовала, что она основана как раз на том, что она сама знала.

— Расскажи мне.

Аврора подавила желание прикоснуться к пене на холсте.

— Хорошо. Однажды была девушка, что жила на берегу океана. Каждый день она выходила к воде, и волны касались её пальцев, и стояла там, пока не погружалась в песок, — это казалось мистическим Авроре, ребёнку, запертому в башне в компании леса. Она не знала, что за океан, что такое песок, как в него можно погрузиться, стоя там, но образ застыл в голове. — Каждый день девушке было интересно, что там. Может, если простоит достаточно долго, увидит. Ответ придёт. Она возвращалась на берег много лет из интереса, представляя себе, что найдёт.

— А потом ведьма появилась из воздуха, чтобы помочь ей?

— Нет. Не было никакой ведьмы и истории. Однажды девушка подумала, что увидела в море движение на горизонте. Существо, судно, что-то незнакомое, но она не могла отвести взгляд, вытщила ноги из песка и подошла ближе. Может быть, ещё шаг, и она бы увидела, что это. Она шагала, пока вода не дошла до колен, талии, юбки кружились вокруг от прилива. И она шла, потому что там что-то было, и она так долго стояла и ждала, приросла к земле, что должна знать. Потом она поплыла, и земля была так далеко, линия на горизонте тоже, но она ещё не поняла.

— Она доплыла до другой земли?

— Нет. Утонула по пути. Судороги свели её ноги, она не смогла держать голову над водой. Ничего не осталось, следы пропали в песке на берегу.

Финнеган внимательно наблюдал за нею.

— И это твоя любимая история, Аврора?

— Не любимая, — медленно ответила она. Но она всегда любила её, болезненным ребёнком. Она будила сердце. — Не иди в неизвестность. Вот что хотели сказать. Но никогда не чувствовала путь. Казалось, туда без подготовки нельзя. Эта девушка годами смотрела. Может, следовало учиться плавать. Так или иначе, она умерла от мечты.

— Она умерла от дороги.

— Она хотела увидеть то, что было там, поглотиться океаном. И так случилось. Предпочла бы быть с нею, чем вечно ждущей на пляже, — она закусила губу. Сказала слишком много. Финнеган будет дразнить её за романтическую наивность. Но вместо этого он убрал волосы с её плеча и задел осторожно шею.

— Ты не она. Ты тут, да? И ты достаточно мудра, чтобы взять лодку.

Она обернулась, чтобы посмотреть на него. Он был очень высок, она вдруг поняла. Выше на фут, чем она.

— Идти дальше? Ты ведь не видела ещё ни одного дракона.

Дракон был искусством движения, бросал пламя и сиял глазами. Аврора смотрела на существ, загнипнотизированная цветом власти, пока не заметила тени на углу холста.

Она пошла прочь.

Они шли ко дворцу, когда Аврора увидела его. Грязные каштановые волосы, знакомая походка, расталкивающая толпу. Беглый взгляд и шок признания.

Тристан.

Она остановилась так внезапно, что Финнеган почти врезался в неё. Они едва не упали, и она думала, что он там, но парень пропал. Это не Тристан. Он за океаном и борется с революцией. Есть много парней с каштановыми волосами, и его лицо нельзя назвать отличительным. Это не он.

— Аврора? — Финнеган тоже повернулся. — Это кто-то из людей Джона?

Она не могла сказать. Как он отреагирует, узнав о повстанцах в городе?

— Нет. Нет, я думала... думала, что там Крапива. Но это не она.

Было не похоже, что Финнеган ей поверил.

Одиннадцать

Крапива была в своей комнате, заплетала длинные чёрные волосы в корону на голове. Она открыла дверь на стук.

— Аврора. Что-то не так?

— Я могу доверить тебе тайну? Если я что-то скажу... пообещаешь не говорить Финнегану?

— Это зависит от сути, — руки Крапивы изгибались под болезненным углом, когда она боролась с прядями. — Если ты собираешься провернуть что-то против него, тебе не стоит мне говорить. Если скажешь, что думаешь, что он ужасно груб, твой секрет в безопасности.

— Что делать, если мне надо кое-что найти? Не связанное с Финнеганом. Просто я не хочу, чтобы он знал. Всё же...

Крапива перестала плести.

— Что случилось?

— Мне кажется, я видела Тристана, — смешно говорить об этом слух. — В Ванхельме. Сегодня. Я не уверена, но... похож. Но он в Петрикоре, да?

— Я не слышала иного, — сказала Крапива. — Но Петрикор опасен для мятежников. В состоянии короля... может, он бежал.

— Но он не уйдёт. Он хотел революцию. Хотел насилие. Он бы не ушёл.

— Может быть, он понял, что бунт и настоящее восстание — это очень разные вещи.

Или ищет тут помощь.

Аврора мялась у двери. Это возможно. Это не совсем бессмысленно.

— А он не планировал, ты ничего не слышала? Ты бы знала, если б мятежники искали поддержку.

— Возможно, но не обязательно, — она вновь вернулась к косе. — Хочешь, чтобы я его нашла?

— Я хочу знать, действительно ли он тут. Почему он тут, если это так. Как думаешь, ты можешь выяснить? Без уведомления Финнегана?

Крапива мгновение молчала, когда заворачивала последние пряди.

— Передашь булавку? — она кивнула на туалетный столик, и Аврора подала её. — Спасибо. Ну, могу сказать, что это возможно. В этом городе много людей, и если он тих, найти его очень трудно. Тем более, мы не знаем, что он тут. Но я постараюсь, Аврора. И скажу, если что-то услышу.

Это было всё, на что могла надеяться Аврора, учитывая обстоятельства. Она даже не

знала, какого хотела ответа. Тристан принёс ей столько проблем в Алиссайнии, но у него может быть информация. Он мог вести. Она не может потерять возможность его увидеть.

— Спасибо. Просто... мне надо знать.

— Ничего не могу обещать, Аврора. Но я постараюсь.

Магия не шла в ту ночь. Аврора едва смогла вызвать искру, а легла в постель истощённой и раздражённой. Не роза ждала её, когда она проснулась, но отсутствие не было утешительным. Селестина наблюдала.

Аврора была в библиотеке и перебирала дипломатические записи, когда появился Финнеган.

— Я получил кое-что любопытное, — заявил он вместо приветствия. Она обернулась вовремя, чтобы увидеть, как он спускается по лестнице из своих покоев, держа в руках свиток пергамента. — Дорогая королева Айрис написала мне письмо. Не кажется тебе странным?

— Ты был её гостем. Это вежливость.

Он подошёл к столу.

— Думаю, у неё есть другие вещи для беспокойства — смерть дочери или там гражданская война... Но она написала мне самое бессмысленное примечание, что я когда-либо получал. Много любезностей, благодарность за участие в свадьбе, извинения за суматоху, всё такое обыкновенное, а потом это "я надеюсь, что смогу скоро посетить Ванхельм и увидеть его легендарные огни. Моя дочь всегда была очарована идеей этого. Но муж не любил путешествовать за границу. Он, конечно, считает это опасным без усиленной охраны, а большинство стражников ищут принцессу-самозванку, и это невозможно". Странно, что Айрис нынче тоскует по отдыху, да?

— Это может быть просто шутка. Пустое предложение нанести визит.

— Может быть, но послушай! "Он чувствует, что мы в опасности после смерти моей дочери Изабелл! Проблемы могут появиться так внезапно, когда мы думаем, что мы в безопасности! Пожалуйста, ответьте, чтобы заверить меня в своём безопасном возвращении в Ванхельм, и будьте осторожны на море. Угроз, кажется, стало больше", — Финнеган посмотрел на Аврору. — Драконы не летают над морем, в отличие от Джона и его людей.

— Думаешь, он угрожает Ванхельму?

— Думаю, Айрис знает, что ты тут. Она умна, хотя невыносима. И если она знает, Джон тоже может знать. Так что она предупреждает тебя.

— Он не так умён, как она, — Аврора протянула руку и взяла лист бумаги, читая его. — Так что, если она ему сказала...

— Он всегда подозревал Ванхельм в предательстве, — фыркнул Финнеган. — возможность твоего прихода — первая мысль в голове Джона. И Айрис совсем не противная. Может понадобиться в твоей защите.

Айрис всегда куда больше заботилась о защите своего сына и её трона, чем о благополучии Авроры. Но она попыталась выступить на её стороне в последние дни во время угроз короля. Она делала то, что считала правильным.

И она хочет защитить Родрика, чего бы ей это ни стоило.

— Ты можешь отправить сообщение обратно в Алиссайнию? Никто об этом не узнает?

— Ты хочешь написать Айрис?

— Нет, Родрику. Он не знает, что со мной случилось. И я не знаю, что с ним. Если есть способ дать ему знать, что я в порядке, а мне — что он, не зная, что я связывалась с ним... я

была бы признательна за это.

— Я отправлю сообщение. Это поможет.

— Спасибо, — Аврора перечитала письмо. — Они теперь называют меня принцессой-самозванкой.

— Ну, настоящая принцесса их бы не игнорировала.

— Означает ли это, что они утверждают, будто настоящая Аврора где-нибудь есть?

— Я не слышал этого. Но не сомневаюсь, что они за это ухватятся, если это будет полезным. Найдут кого-то ещё.

Они могли найти другую девушку, что могла бы молчать в ответ на комфорт дворца. Король вернёт себе контроль, его правление продолжится, на настоящую Аврору будут охотиться, как на самозванку, что воспользовалась своим положением и сожгла половину царства.

— Он не будет так ждать, да? Он будет бороться.

— Конечно, он будет бороться, Аврора. Ты это знала.

— Знала. Просто надеялась... — слова не приходили. — Я не хочу драться. Кровопролитие на свадьбе, пожар в деревне... Я не хочу, чтобы это повторилось! Никогда не хочу видеть это опять! Но он хочет меня заставить. Он собирается убедиться, что это будет.

— Если ты сильна, ты не позволишь ему то, что он хочет.

Идея была почти привлекательной. Она могла бы бежать далеко-далеко и забыть об ответственности. Но пекарь так смотрела на неё... У людей была надежда.

— Я не могу. Я не хочу. Я просто хочу, чтобы моя магия была достаточно сильной, чтобы убедить его не воевать. Если б я могла его запугать, выглядеть настолько сильной, что он отступит из чувства самосохранения... Но я не понимаю, как это сделать, не убив огромное количество людей.

Финнеган молчал довольно долго, наблюдая за нею. Вновь появился тот самый блеск в его глазах, волнение, что означало, что он собирался предложить что-то опасное.

— Что?

— А как насчёт драконов?

Она нахмурилась.

— А что с ними?

— У тебя есть связь. Что делать, если ты сможешь её использовать? Что будет, если собрать ваши силы? Если ты придёшь в Алиссайнию с драконами, ну уж точно никто не бросит тебе вызов.

— Потому что они будут в ужасе от меня.

— Но ты не причинишь им вред.

Она покачала головой.

— Может быть, у меня есть связь с драконами, но это не значит, что я могу переволочить их через море и угрожать Алиссайнии, не разрушив её. Мы знаем, как выглядит Ванхельм, Финнеган. Мы знаем, что река — единственное, что защитило город.

— Если б ты могла контролировать их достаточно, чтобы заставить пересечь воду, то контролировала бы настолько, чтобы не дать на кого-то напасть. Или начать атаковать. Подумай, Аврора. Тогда никто тебе вызов не бросит.

— Я думала об этом, — промолвила Аврора. — Это невозможно.

Но это власть. Она не могла отвернуться от этого, когда Селестина смотрела на неё, когда надо было сделать что-то, что росло с каждой минутой, пока она была далеко.

И она должна признать эту идею привлекательной. Тепло драконов, порывы их магии за её спиной. Никто не будет спорить, отклонять её. Никто не подумает о ней меньше, чем она есть.

— Кто-то же должен был их контролировать, — сказал Финнеган. — Люди тысячи лет жили в Вахнельме. Они же сосуществовали с драконами! И мы мало знаем о Ванхельмской магии до её исчезновения. Может, она такая, как у тебя?

— Откуда у меня Вахнельмская магия?

— Твои предки из Ванхельма, да? Ты потомок принцессы Алиссайи. И они говорили, что у неё была невиданная магия.

— Не потомок. Может, просто связь. Я не знаю. Но если она источник моей магии, то и в семье она должна быть. И если она Ванхельмская, у кого-то ещё есть эта власть. Так нельзя, Финнеган, — она наклонилась вперёд, положив руки на стол. — Даже у Алиссайи не было такой магии, как у меня. Вот что говорят рассказы. Она не знала, что могла использовать магию, пока не пришла в Алиссайнию и не ощутила силу.

— Но это легенда! Ты доказала, что они не всегда верны.

Конец рассказа об Алиссайе путался, разве нет? Аврора узнала, что её любили, но книги тут предполагали, что её убили из-за её власти, что люди ненавидели её. Кто может сказать, где правда?

— Она могла показывать намёк на магию в Ванхельме, — промолвил Финнеган. — И потому ушла.

— Чтобы найти место, где сможет её использовать?

— Или бежать. Может, потому они переплыли море. Людям в Ванхельме не нужна магия. Все остальные последовали бы поселенцами, как мы... У них должны были быть веские основания для риска путешествия и нового начала.

Аврора постучала рукой по столу, чувствуя отголоски в руке. Ни у кого в её семье не было магии несколько поколений, насколько она знала, но она может быть связана с Алиссайей. Аврора никогда не слышала о том, что у Алиссайи были дети, но некоторые истории утверждали, что трон занял её кузен. Вот только скудные записи не даровали уверенности.

Отдалённая семейная связь за сотни лет — недостаточно для того, чтобы пояснить силы. Но вот сделка матери с Селестиной... Селестина сказала Авроре, что она соткана из магии. И если сила Селестины вошла в сочетание с драконами... мог ли быть огонь Авроры результатом?

Но что-то остановило её от того, чтобы поделиться этим с Финнеганом. Секрет маминой сделки и истинной природы Авроры... она чувствовала это слишком личным, словно стоит только промолвить, и Финнеган будет видеть её насквозь.

— Мне нужно знать больше об Алиссайе, — сказала она. — У тебя есть записи о том, как люди покинули Ванхельм? Отчёты с того времени?

— Может быть, — кивнул Финнеган. — Но их достать потруднее, чем эти, особенно если есть секреты. Люди сотни лет изучали эту историю. Кто-то заметил бы подобное в записях, учитывая, как теперь Алиссайния мечтает о магии, — он встал. — У меня есть идея получше, рискованная, правда.

— Расскажи!

— Семья Алиссайи жила в маленьком городке в Ванхельме, вниз по реке отсюда. Её дом стал музеем. Он среди руин сейчас, почти наверняка уничтожен, но...

— Но ты думаешь, что там могут быть ответы, — закончила Аврора. — Ответы не в книгах.

— У тебя есть волшебство. И у тебя есть связь с Алиссайей. Может быть, ты сможешь раскрыть секреты, что пропустили остальные люди.

Там были угрозы. Драконы, за исключением одного. Необходимость попасть туда незамеченными. Вероятность того, что это просто разрушенный музей без единого ответа. Но идея казалась захватывающей. Возможность вновь переплыть реку, увидеть, где выросла Алиссайя, посмотреть на пламя дракона с близкого расстояния...

— Когда мы можем пойти? — спросила она. — Сегодня?

Финнеган схватил её за руку, потянув за собой.

- Я сейчас же договарюсь!

Двенадцать

Музей вообще не был тем, что ждала Аврора. По рассказам она знала, что Семья Алиссайи в лучшем случае была незначительным дворянством, и даже благородство, возможно, выдавало желаемое за действительное биографами. Тем не менее, Аврора представляла, что она росла в большом доме, здании с башенками, скрытыми проходами и лесом над стенами. Вместо этого дом оказался небольшим и каменным на краю полуразрушенного города. Остатки указательного столба всё ещё стояли на улице, приглашая людей в дом Алиссайи.

Входная дверь сгорела, камни вокруг расплавились, оставив маленький проход. Аврора нырнула перед Финнеганом и оказалась в довольно большой прихожей. Был каменный стол по центру, несколько сгнивших клочков бумаги поверх него — музейные рекламки. Аврора пыталась взять одну, и та развалилась в руках.

В комнате, должно быть, сохранилось что-то вроде шага во времена Алиссайи. Поддельная пища на обеденном столе, железные щипцы для очага, даже остатки мягкой мебели — кресел. Стол у стены почти идеально сохранился, он лоснился под стеклом. Примечания полагали, что тут действительно что-то писала Алиссайя. Она детским почерком выводила буквы, записывая свой день.

Аврора прижала руку к стеклу. Доказательство того, что даже Алиссайя существовала сотни лет назад. Знаменитая королева, взрослеющая и занимающаяся вполне мирскими делами.

Никто не остановит Аврору, если она снимет стекло и украдёт бумаги. Но если она их коснётся, они могут превратиться в пепел.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросил Финнеган. — Никаких следов магии?

Она покачала головой.

Лестница была в дальнем углу комнаты, вилась вверх и вниз. Половина ступенек пропала куда-то, и Аврора не доверяла повреждённому полу, что он её удержит, так что сделала шаг вниз. Она осмотрелась, бросила взгляд на Финнегана и начала спускаться.

Паутины не было, а пыль если и была, то её было очень мало. Аврора следовала по лестнице вниз, свет постепенно пропал, пока она не смогла видеть лишь сырые стены рядом.

Она ничего не видела. Только по комнате витал холодный и липкий воздух.

Финнеган передал ей свечу, и она сконцентрировалась на фитиле, превращая любопытство в огонь. Свеча осветила небольшой круг вокруг её ног, открывая треснувший каменный пол.

Аврора вошла в комнату и зацепилась за что-то мягкое на полу. Одеяло. Она

наклонилась, чтобы посмотреть поближе. Почти идеальное, ворс был мягок под кончиками пальцев. Слишком новое, чтобы появиться до драконов.

Финнеган спустился по лестнице за её спиной.

— Что это за место?

— Не знаю. Я думала, это просто подвал, но... — она подняла огонёк выше. — Кто-то тут живёт.

Несколько книг валялось на столе. Романы с приключениями, но одной оказалась история Алиссайи, что так хорошо знала Аврора. Обложка была разорвана на две части — и под нею оказалась сказка о Спящей Красавице.

Большая часть страниц была изорвана.

Она посмотрела на то, что осталось между неровными обрывками. Кто-то полоснул по картине, что осталась, портя лицо родителей Авроры, принца, её самой. Только одна страница уцелела. Заключительные слова гласили то же, что и всегда. И все мы будем жить долго и счастливо.

Аврора подняла свечу выше. Она наконец-то осветила стены.

Они были покрыты письменами. Каждый дюйм был отмечен словами, нацарапанными на камне, окрашенными кровавыми чернилами. Карта Ванхельма — но художник повторял одно и то же. Сжечь. Сжечь. Сжечь. Несколько детских стишков на второй стене, а ниже — четыре слова, слабая попытка написать стих.

Огонь, камень, кость, кровь.

На противоположной стене были лишь два огромных слова. "Только ей", — гласили они.

— Селестина, — Аврора едва дышала. Она нашла её гнездо. До возвращения драконов она могла скрываться тут. Когда разрушился Ванхельм, Селестина здесь жила. Она могла жить до сих пор.

— Ты уверена? — спросил Финнеган.

— Я видела её письмо. Записку, — Аврора пробежалась пальцами по выжженным буквам. — Это точно она.

Почему Селестина пришла сюда? Слишком ясный ориентир, чтобы быть совпадением. Аврора взглянула на книги на столе. История Алиссайи и рассказ о Спящей Красавице. Девушка с древней Ванхельмской силой и принцесса с магией огня.

Только её.

— Ну, — сказал Финнеган, — это самая тревожная вещь, что я видел за год, по крайней мере, не считая твой с Родриком поцелуй.

Аврора сделала шаг назад, не отрывая глаз от стены. Бумага хрустела под ногами, когда она наклонилась, чтобы поднять её.

Это была иллюстрация её сборника рассказов. Окрашенный палец Авроры висел над иглой, вот только на кончике пальца уже была кровь.

На самом деле, картина была краснее, чем помнила Аврора. Красная прялка, красная земля, красный палец.

Аврора вскрикнула и бросила страницу. Селестина добавила крови, или красной краски. Аврора надеялась, что краски.

— Кровь, — прошептала она. — Посмотри, здесь всё в крови. Потому она прокляла меня иглой? Ей нужна моя кровь?

Но зачем Селестине её кровь? Зачем получать её так, с проклятием, с магией? Зачем

Селестина пряталась в руинах дома Алиссайи и царапала безумные слова о сжигании и крови на стенах.

Должно быть, у неё были планы на Ванхельм. Планы, что пошли не так, планы, что загнали её сюда.

— Аврора следила за словами снова и снова.

— Посмотри на книги. Она говорит о мне. Она хотела использовать меня. Сжечь их всех.

— Сжечь кого?

— Не знаю. Всех.

— Но она прокляла тебя. Как она использует тебя, пока ты спишь?

— Не знаю, — её мысли метались так быстро, что голова закружилась. Это был почти крик, слова отчаяния. — Что делать, если я имею отношение к пробуждению драконов? Что, если это Селестина? — она говорила быстрее, письма крутились вокруг. — Что, если она их разбудила? Что, если ей нужна была только моя кровь с иглы? Что, если она использовала мою кровь, чтобы разбудить их?!

— Аврора, — Финнеган схватил её за руки, удерживая. — Ты не виновата.

— Послушай, — она мучительно оттолкнула его и ударилась в стену. Огонь, камень, кость, кровь. — Ей нужна кровь. Её проклятие взяло мою кровь. Что делать, если она этого хотела? Разбудить дракона для какого-то плана. Может, потому у меня с ними связь? А потом что-то пошло не так. Если она хочет их контролировать? Но не может. Только я могу. — она покачнулась, сила слов ударила её. Если она права, Селестина создала её для уничтожения. Потому Селестина хотела её в союзницы.

Она должна была сжигать.

Она отступила назад, и Финнеган вновь твёрдо обнял её.

— Аврора, — тихо промолвил он. — Это только догадки. Ты не знаешь...

— Нет. Нет, я только предполагаю, что не делала это, — но, казалось, её кровь горела в ней, говоря, что она права, что это задумала Селестина, потому прокляла её, потому смотрела на неё. Ей нужен был огонь в руках, покорённый её воле.

— Запиши всё, что она написала, — наконец-то выдохнула Аврора. — Надо уйти до наступления темноты.

Финнеган не протестовал. Он обыскал комнату, но не было больше ничего интересного. Никаких намёков на планы Селестины.

Они собирались идти на улицу, когда тень упала на них, тепло заполнило воздух. Дракон. Земля затряслась, когда он приземлился.

Аврора выглянула через разрушенное окно. Дракон был снаружи, так близко, что она видела только синие чешуйки на его боку, мерцающие при свете солнца.

Финнеган схватил её за руку, потянув вниз. Дракон зарычал. Он бил крыльями, разбивая крышу музея, вновь зарычал. Воздух зашипел, когда он выпустил струю огня.

Слова на стене ещё проносились в мыслях Авроры — записать их. Только её, только её. Принцесса по воле Селестины, принцесса с магией в крови, с ванхельмскими драконами. Аврора не могла скрыться. Дракон был на улице. Она должна увидеть, что он сделает.

Она вырвала руку из хватки Финнегана и выскочила за дверь, прежде чем он успел её остановить. Языки пламени плясали на крыше на улице, брусчатка вокруг дракона почернела и потрескалась.

Дракон склонил голову, чтобы посмотреть на Аврору, и мир пошатнулся. Она смотрела

прямо в чёрные глаза и чувствовала бег крови, чувствовала магию на кончиках пальца.

— Иди, — сказала она дракону. — Иди.

Он склонил голову, глядя на неё долгое мгновение. После забил крыльями и взлетел, оставляя в небе полосу.

Тринадцать

Она была права. Дракон повинился. Они должны были принадлежать ей.

Магия в ту ночь давалась легко, пламя ширяло по комнате и пропадало так быстро, как приходило. Она думала о драконе, о блеске его чешуи, и огонь был столь естественен, как дыхание. И она думала, что чувствовала драконов, их кровь и тремор их сердец.

Это был ответ, который она искала, ключ к свержению короля.

Но магия была слишком сильна. Она сделала паузу, чтобы восстановить дыхание, и мир пошатнулся.

Эту магию создала Селестина. Она предназначалась для уничтожения. Это было так же полезно, как и могущественно, и так же опьяняло. Если она освоила магию, если может контролировать? Или это контролируют её?

Она опустила на пол помещения, где практиковалась. Подпалины окружали её.

— Аврора? — Финнеган подошёл ближе, хмурясь. — Что не так?

— Я просто... мне нужен отдых. Мне надо подумать.

Он смотрел на неё долгим взглядом.

— Хочешь идти?

— Нет, — она была удивлена, понимая, что имела в виду. — Нет, не уходи, — она посмотрела на чёрную метку на полу. — Я сегодня контролировала дракона. Дракона, — существо, которого не должно быть в природе, и она его контролировала. Она провернула в пальцах кулон. — Моя магия... работает.

— Это плохо?

— Нет. Я не знаю. Если Селестина разбудила их, используя мою кровь, мою магию, это значит, я могу их усыпить. Могу остановить их от вреда. Это хорошо.

— Но ты не счастлива.

— Я беспокоюсь. Беспокоюсь, что права, что это часть плана Селестины. Если я узнаю о контроле магии, я могу сделать ещё хуже.

- У тебя нет доказательств, что Селестина замешана во что-либо из этого, — сказал Финнеган. — И даже если ты права... Это всё ещё ты. Магия не плохая только потому, что Селестина так решила. Зависит от того, как ты её используешь.

— Я чуть не сожгла деревню. Сама. И король Джон говорит, что я сожгла больше. Если я воспользуюсь магией для борьбы с ними, я потеряю столько людей!

— Ты можешь, — Финнеган сел рядом с нею прямо на сажу.

— Так что делать?

— Знай, что люди потеряют больше, если ты не будешь бороться. Верь себе.

Но она не делала ничего безвредного. Не прямо... Она бы не пролила кровь.

— После того, как я увидела дракона... После того, как он увидел меня... я чувствовала себя отнюдь не так.

— А как?

Она чувствовала себя так, что её имя можно было произносить только шёпотом.

— Могущественной. Словно могла что-то сделать. Уничтожить страх в мире.

Финнеган придвинулся ближе.

- Это так плохо?

— Это делало меня безрассудным.

— Да. Думаю, безрассудные — единственные, кто что-то делает. Все безопасные и нормальные слишком заняты продумыванием всех возможных исходов.

Она с шумом выдохнула. Это хорошо. Её реальная власть. Может, опьянение — только первый шаг. Но что-то было в ней. Она не хотела этой магии, той, которая сжигала.

Она посмотрела на Финнегана через густые пряди волос.

— Крапива говорила, ты беспокоишься, что не получишь трон, ведь ты слишком безрассуден. Ты правда думаешь, что твоя сестра будет королевой?

Аврора не ожидала, что он позволит ей сменить тему разговора, но он лишь пожал плечами.

— Это возможно.

— Ты расстроен?

Он смотрел на неё, приподняв одну бровь.

— Что могу потерять наследство, потому что сестрица симпатичнее меня?

— Я имею в виду... — она поджала ноги, — если б у тебя был выбор, ты бы хотел быть королём?

Он смотрел на пламя в камине, сдвинув брови. Когда наконец-то ответил, то говорил медленно, будто думая над каждым словом:

— Есть вещи, которые нравятся мне в статусе принца, и мне кажется, что они остаются и у короля.

— И что же?

— Мне нравится власть. Нравится, что такие люди, как Айрис, должны быть вежливы, со мной, несмотря на их ненависть. Мне нравится то, что у меня есть, влияние. Но я не уверен, что хочу нести ответственность за благополучие каждого в этом королевстве. Мне нравится принимать решение за себя. И не уверен, что хочу делать это для всех.

— И это правда?

— Правда.

Она провела пальцами по земле, оставляя узоры на саже. Она могла видеть, что Финнеган краем глаза наблюдал за нею.

Он наклонился ближе. Казалось, она чувствовала вибрацию в воздухе каждого миллиметра между ними.

— Скажешь секрет взамен?

— Я думала, у меня нет от тебя секретов. Что ты всё обо мне знаешь.

— Докажи, что я неправ.

Она повернулась к нему лицом. Даже сидя она должна была откидывать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Она хотела быть честной. Хотела отдать ему какую-то часть себя, что бы это ни значило.

— Я не понимаю тебя. Вот мой секрет.

— Это небольшой секрет.

— Но правда. Я не могу понять тебя. Что ты делаешь.

— Потому что я так мил?

— Что-то вроде того.

Он ещё пах теплом и пеплом. И был так близко — достаточно близко, чтобы коснуться её после малейшего движения.

Когда он сказал, что ждал её поцелуя, она должна была сделать это прежде, чем он закончит говорить, чтобы увидеть его лицо. Она могла остановить все замечания, целуя его. Он бы смеялся, и она чувствовала бы рокот смеха у себя в горле. Но потом... он не смеялся бы. Положил бы руки ей на талию или на затылок, запутался бы в волосах. Ему пришлось бы наклониться, чтобы поцеловать её... Или, может быть, он поднимет её, усадит на стол. Будет смелее, чтобы вернуть себе власть.

Она посмотрела на его губы. Она могла сделать это сейчас. Порыв дракона, порыв магии — и сделать что-то самой впервые в жизни. Взять то, что она хочет.

Уголки его губ изогнулись. Губы, что целовали её в пыли башни, хотя она не помнила этого. Попытка построить союз потерпела неудачу. Он был не её любовью, если проклятие было правдой.

Она не могла поцеловать его. Ей надо уйти прежде, чем она сделает то, о чём будет жалеть.

— Я должна отдохнуть. Уже поздно.

Смех Финнегана рассказал ей всё, что она должна была знать. Он знал, что она думает. Знал, почему уходит.

Она встала и зашагала прочь, не сказав ни слова.

— Я хочу поцеловать Финнегана.

Крапива изогнула брови. Певица стояла в дверях своей комнаты, одетая для бала. Её красный шёлковый наряд прильнул к коже, светлый макияж сделал глаза ярче и глубже. Маленький дракон, который сиял рубинами, держал волосы.

— Это сюрприз для тебя? — спросила Крапива.

— Нет. — покачала головой Аврора. — Не знаю. Можно войти?

— Конечно, — Крапива шагнула в сторону. — что случилось?

— Ничего не случилось. Это половина проблемы. Мы говорили, и я... я хотела поцеловать его. Это было всё, о чём я могла думать.

— Тогда почему не поцеловала? Удовлетвори импульс хотя бы на время.

Аврора рассмеялась.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать.

— Почему нет? Ты хочешь, он хочет. Не вижу проблемы.

Аврора опустила на кровать.

— Я не уверена, что должна ему доверять.

Крапива повернулась к зеркалу, добавляя штрихи губам.

— И ты должна ему доверять, чтобы поцеловать?

— Нет, я не знаю. Но я начинаю доверять ему.

— Ещё одно основание для поцелуя.

— Но я не могу! — и как пояснить? Она сама едва себя понимала. — Я должна быть разумной. Делать то, что лучше для Алиссайнии.

— А, как насчёт того, что лучше для тебя?

— Поцелуй с ним — не лучше для меня.

Крапива посмотрела на Аврору в зеркало.

— Это только поцелуй.

Но это не только поцелуй. Её поцелуй с Родриком были только поцелуями, обязанностью, что надо выполнять. Если б она поцеловала Финнегана, это означало бы другое. Это означало бы попробовать желанное, пойдя против судьбы. Если она поцелует Финнегана, она не остановится на этом.

Крапива сдула надоедливый волосок и сняла драконовую заколку, распуская волосы на лицо, а после вновь схватила пряди, закрепляя их.

Аврора смотрела на одеяло. Синие завитки пронизывали ткань.

— Мы были в развалинах сегодня. Думаю, я могу контролировать драконов.

— Смелая теория.

Аврора кивнула.

— Я видела много странного за свои путешествия, но ничего страннее этого.

— Финнеган сказал, что я могу использовать их, чтобы восстановить Алиссайнию. Напугать короля Джона. Но... я не знаю.

Крапива была тиха.

— Не думаю, что Алиссайния может достичь мира без насилия. Но моё мнение не имеет значения, только твоё.

— Я не знаю.

— Тогда ничего не делай, пока не решишь.

— Нет времени ничего не делать, — хуже всего, что для исследований нужно было время, когда всё рушилось. — Алиссайния уже нуждается в помощи.

— И действия без плана не изменят всё к лучшему.

— Ты сказала, что я должна поцеловать Финнегана.

— Это не задержит, если ты хочешь.

Аврора прослеживала рисунок на одеяле. Волосы спадали на глаза.

— Я прежде была неправа, — наконец-то сказала она. — Когда думала, что кого-то люблю.

— Ты о Тристане?

Она кивнула.

— Думаю, это было, немного. Тогда я считала это романтичным. Встретить парня в таверне, смотреть на город с крыш... захватывающе. И совсем не так.

Матрас прогнулся, когда Крапива села рядом.

— Но с Финнеганом не так, — сказала Крапива.

— Не так?

— Ты хотела видеть Тристана романтичным, да? Ты хотела, чтобы он был ответом на твои проблемы. Но Финнеган... Ты не любила его. Не хотела его помощи. Но провела с ним время, и чувства появились. Это иначе, разве нет?

— Полагаю, да, — Аврора ещё не могла позволить себе уступить ему. Ей нужно помочь Алиссайнии — это первый приоритет. Она не может отвлекаться на другого парня, когда проблема вызвалась истинной любовью, повстанцами и её же смятением от судьбы.

— Ты слышала что-нибудь о Тристане, может намёки на его присутствие?

— Я ничего не видела, Аврора. Если он тут, не думаю, что хочет, чтобы его нашли.

Аврора уронила голову на плечо Крапивы. Предпочитала ли она видеть Тристана в

безопасности здесь или в борьбе в Петрикоре? Она не знала. День был слишком утомительным, чтобы понять это.

— Что ты видела? — спросила она вместо этого. — В путешествиях? Странного?

— Ну, — хмыкнула Крапива, — в одном царстве была принцесса, что спала более ста лет, прежде чем была разбужена поцелуем. Это довольно странно, — Аврора рассмеялась, и крапива откинулась назад, опираясь о стену. — Позволь мне рассказать. Есть город-государство на северо-востоке, где всё решают игрой в шахматы. Есть люди в горах, что считают, что они под угрозой удушья, если будут рядом с морем, потому что там слишком тяжёлый воздух. Есть смертельная пустыня близ Палира, и люди бегут несколько дней по ней ради удовольствия. Чтобы сказать, что это сделали. Но всё же, принцесса, безусловно, твоя история самая странная.

— Хотела бы я их когда-то увидеть... Вещи в других историях.

— Ты уже видишь, — она пробежалась по кончикам волос Авроры своими пальцами. — Закрепить твои волосы?

— Пожалуйста.

Крапива промчалась вдоль пробора пальцами, отделяя пряди, свернула их обратно, одну за другой, сплетая и отпуская вновь.

— Итак, — протянула Крапива. — Ты его поцелуешь?

— Не знаю, что буду делать, — Аврора прикрыла глаза.

— А что бы ты хотела?

Это был такой простой вопрос, и всё же она не могла ответить.

— Я не знаю.

— Знаешь, просто не хочешь принять.

— А должна?

— Ты ничего не должна. Но, думаю, это поможет. Он не изменит то, что ты делаешь, но врать себе... Оно того не стоит, думаю.

Четырнадцать

Вторая роза ждала Аврору на подушке, когда она вернулась в комнату. Красная, как кровь, с одним шипом на стебле — и с половиной оторванных лепестков.

И никакой записки.

Было ли это сообщение, комментарий, что она ближе к истине? Или издевательство над попытками Авроры? Последняя роза появилась, когда Аврора начала контролировать магию. Может, она появилась, потому что Аврора начинает выяснять, что собиралась сделать Селестина?

Аврора порвала лепестки, позволяя им падать на землю. Она прошла по ним, приближаясь к окну, и выбросила туда голый стебель.

Если Селестина хотела её испугать, то надо будет придумать что-то посерьёзнее.

Но Аврора моталась в постели всю ночь, сердце колотилось огнём. Казалось, она чувствовала биение сердца в кулоне, шёпот в нём. Она представляла Финнегана рядом в темноте, его руку на её бедре, губы так близко, что она чувствовала дыхание.

Она представляла себе, и кулон с драконом согревал кожу.

Аврора проснулась от стука в дверь.

— Да? — отозвалась она прежде, чем успела подумать, убрала волосы с лица и села.

Финнеган прошёл сквозь дверной проём.

— Доброе утро, Спящая Красавица. Надеюсь, ты столь же хороша.

Она посмотрела на него, притягивая к себе одеяло.

— Слишком рано, Финнеган. Что ты забыл в моей комнате?

— Моя дорогая мама тебя вызвала. У неё есть какие-то новости, полагаю, или она хочет быть уверена, что мы ещё не сотворили хаос.

Аврора вылезла из постели, перебирая пальцами волосы.

— Ты не мог послать за мной слугу?

— И пропустить это восхитительное зрелище? Ни за что! Впрочем, одевайся быстрее. Мама кажется случайной, но это не так.

— И что, она хочет видеть меня так рано утром? — спросила она, когда подошла к шкафу и вытащила первое увиденное платье.

— Я говорил, что не знаю.

— Теперь я слишком часто от тебя это слышу, — она повернулась к нему лицом, прижимая платье к груди. — Иди в коридор, я переоденусь.

— Если ты настаиваешь...

Она подождала, пока дверь не щёлкнула, прежде чем вновь одеться. Она попыталась сбросить сонный вид, но даже одетой и с идеальными волосами походила на только что проснувшегося человека. Она прижала ладони к глазам, словно это заставляло их очнуться. Зачем её вызывает королева? Она не могла узнать о связи Авроры с драконами. Или, может, она узнала о поездках в руины и собирается ругать?

Финнеган ждал с другой стороны двери, выглядя всё таким же собранным. Он протянул руку Авроре, и они вместе пошли через дворец.

В кабинете Орлы было грязнее, чем в остальной части дворца, книги завалили дубовый стол. Несколько фолиантов придерживали огромную карту, и перья различной длины валялись всюду. Эрин сидела между столом и дверью, а вот Орла за ним, свернув волосы в пучок.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ах, Аврора! — воскликнула она. — И Финнеган! Рада вас видеть, садитесь. Мне над было поговорить с тобой, Аврора, но... драконы — угроза торговли с Алиссайнией, я не нашла времени. Но теперь возник более актуальный вопрос, и я должна перейти к делу. Расскажи-ка, каково твоё мнение о князе Родрике при первой встрече?

Её мнение о Родрике — важное дело? Аврора долго смотрела на Орлу, надеясь понять что-то в её выражении, намёк на то, что хотела услышать королева, но её лицо ничего не выражало.

— Он хороший, — медленно промолвила Аврора. — Хороший человек, не как его отец.

— Уверена, что он замечателен, — кивнула Орла. — Но он будет хорошим лидером?

Хороший лидер? Орла пыталась помешать Алиссайнии? Или что-то случилось?

— Он заботится о людях и хочет делать добро. Думаю, люди будут верны ему, если узнают его. Но зачем? Что случилось?

Орла проигнорировала вопрос.

— Он беспощаден?

— Нет, — Аврора покачала головой. — И не безжалостен.

— И не примет жёсткие решения, — кивнула Орла. — А тонкость? Каковы его политические способности?

— О чём вы? Ведь вы встречали Родрика!

— Да, но давно. Мне нужно твоё мнение. Ты лучше всего его знаешь, кажется.

— Но почему? Разве моё мнение о его тонкости полезно?

— Тонкость значит — всё. Если расскажешь мне честно, отвечу на твои вопросы.

Аврора смотрела на неё. Если случилось что-то плохое, и Орла собирается вмешаться, но она должна сказать правду.

— Он может держать тайны. Я бы доверила ему свою жизнь.

— И всё же, ты оставила его.

— Это не его вина, а моя.

Орла кивнула.

— Прекрасно. Я получила отчёты из Алиссайнии относительно твоего принца. Они говорят, что принц Родрик работает против своего отца. Хочу иметь представление о том, может ли быть это правдой?

Родрик против короля?

— Возможно. — Люди умирали из-за беспорядков, дома сожжены, еды нет — он хочет помочь. Всегда жаловался на свою бесполезность, как она... и в состоянии делать добро. У него есть деньги, влияние, он может пытаться помочь.

Но Финнеган говорил в Петрикоре... Тогда для него не было места в сердце. Сердце превратилось в завоёванный мир.

— А по слухам, что он делал? — если король узнал, что он вовлечён в восстание, наказание будет быстрым. Король Джон не вынесет измену, и Аврора не верила, что он простит Родрика только за то, что это его сын.

— Раздаёт продовольствие, думаю. Помогает людям покинуть город, если надо.

Это может быть правдой. Родрик достаточно добр и самоотверженен. Но достаточно ли смел, чтобы столкнуться с отцом? Аврора не знала.

— Откуда вы это узнали? — спросила Аврора. Если Орла слышала эти слухи через океан — то и король слышал тоже.

— Есть источники. Не те, что у короля Джона, я полагаю. Он слишком отвлечён, чтобы постоянно проверять своего сына.

— Тогда что делать? Как ему помочь?

Орла поджала губы.

— Пока ничего. Мы не можем вмешиваться.

— Вы вмешались в мою жизнь.

— Мой сын вмешался. Я говорила ему не ехать. И, конечно, мы не будем подставляться из-за иностранного принца, что делает или не делает то, что не одобряет его отец.

— Тогда почему привели меня сюда и спрашивали о нём?

— Я не приняла окончательное решение. Правда ли это, как реагировать. Я ещё не решила. Но, как ты подразумеваешь, он верен, но не интриган. Не лидер. Не тонок. Его попытки будут безуспешными, и слишком рискованно вмешиваться. Мы будем следить за ситуацией, и если ситуация не изменится, то, может быть, подумаем. Но не сейчас.

— Он хороший человек, — мягко промолвила Аврора. — Хороший принц. Если вы хотите поддержать кого-то в Алиссайнии, он — хороший выбор.

— Но Аврора! — воскликнула Орла. — Очевидно, что мы уже дали поддержку, — она вздохнула. — Я буду думать. Может, в нём что-то есть. Но сейчас я жду от тебя терпения, — она махнула рукой. — Хочу поговорить с детьми наедине, прости нас.

Аврора встала. Ей хотелось возразить, запротестовать, но Орла была хозяйкой. Она была тут только из-за деловой репутации.

— Он заслуживает безопасности, — наконец сказала она. — И поддержки.

Орла кивнула, выражение её лица было почти понимающим.

— Если б я могла основывать свои решения на том, чего заслуживают люди...

Аврора пыталась практиковать магию в этот день, но мысли не успокаивались. Она не могла перестать думать о Родрике, о том, что он делал. Родрик схвачен, арестован, пострадал от повстанцев, которым хотел помочь. Родрик там, откуда она бежала.

Она оставила его там, наедине с отцом и боями. Он хотел помочь людям с нею, а она сбежала и оставила ему только надежду.

Хуже всего, что она едва думала о нём. Она не могла представить себе его в опасности или подвергающегося риску. Несколько моментов, что вызывали озабоченность, может, попросить Финнегана написать, но... Она даже не написала письмо.

Как можно быть такой эгоисткой?

Пламя взорвалось вокруг свечи, всё больше вырастая. Она пыталась остановить огонь, сделать его тусклым, но он только разгорался.

Столько усилий и практики, а она ещё не могла до конца контролировать его. В то же время, Родрик помогал. Вот что их отличало.

Если отчёты верны.

Она постучала в дверь Крапивы попозже, слишком расстроенная для практики.

— Аврора, — Крапива открыла дверь, — ты в порядке?

— Ты слышала? — спросила Аврора. — Они думают, Родрик выступил против короля.

— Слышала, — Крапива провела Аврору в комнату и закрыла дверь.

— Расскажи всё, что знаешь. Каждую деталь! Я должна знать правду!

— Сомневаюсь, что знаю больше твоего.

Аврора прошла по комнате.

— Если Орла узнала, то узнал и король, — и реакция короля не будет приятной. — Не понимаю, он работает с повстанцами? Казалось, его ненавидят. Или один? Но с чего начать?

— Не знаю, Аврора. Я хотела бы ответить.

Аврора внезапно заметила, что комната наполовину пуста. Большинство цветов сняли с комода, мантия спрятана. Крапива прислонила вещи к одной стене.

Аврора остановилась.

— Ты уходишь?

Крапива кивнула.

— Ты идёшь, чтобы узнать больше о Родрике?

— Чтобы узнать, правда ли это.

— Когда?

— Завтра утром.

Завтра утром? Так скоро! Аврора устало опустилась на кровать.

— И собиралась мне сказать?

— Да, — Крапива села рядом с Авророй. — Я сама недавно узнала.

— Это опасно? — спросила Аврора. — Если в Петрикоре...

— Нигде, куда я хожу, не безопасно, принцесса. Не беспокойся, — Крапива перебирала волосы Авроры. — Такие прекрасные волосы! Ты не возражаешь, если я их заплету? — Аврора покачала головой, и Крапива принялась перебирать, двигаясь быстро, словно паук.

— Позаботься о Родрике, если сможешь.

— Постараюсь, — мягко ответила Крапива. — Но я шпион, не боец. Не знаю, что могу

сделать.

— Тогда будь в безопасности. Обещай быть в безопасности.

— Только если пообещаешь то же самое.

— Обещаю.

Крапива немного дёрнула её за волосы.

— Лгунья.

Она заплетала корону это Аврора поняла, когда коснулась спирали волос, что выросли вдруг на голове, но Крапива оттолкнула руку.

— Пока нет. Подожди, я не закончила.

Аврора закрыла глаза. Дрожь пробежала по коже головы. Само присутствие Крапивы успокаивало. И она столько сделала. Она ведь спасла Аврору.

— Спасибо, — прошептала она. — за помощь в Алиссайнии. Я не знаю, что бы делала без тебя.

— Ты бы не выжила, Аврора. А хороша живой.

— Я имею в виду не это. Ты мой друг. У меня не было их много, но... ты сделала вещи проще. Спасибо, — она хотела сказать больше, но не могла думать о слова. Она чувствовала улыбку Крапивы, но певица не ответила.

Крапива наконец-то завязала её волосы.

— Ну вот. Ты выглядишь прекрасно.

— Как принцесса?

— О! Куда красивее, — она колебалась, а после взяла сложенный лист бумаги с комода. — Вот, у тебя должно это быть.

Аврора развернула его. Адрес был записан там — а после ещё раз.

— Что это?

— Я нашла Тристана.

Аврора смотрела на неё.

— Ты нашла его?

— Может быть. Я его не видела. Но он должен быть там завтра. Может быть, лучше, если бы я не говорила тебе, но я не могу прийти. Я знаю адрес, и он безопасен, насколько можно надеяться, но гарантий нет. Вот и всё. Считаю, что должна позволить тебе самой решить, что делать сейчас с этой информацией.

— Спасибо. — голос Авроры дрогнул. Это было доверие. Предоставленная информация, без срочности и искажения. — Как ты его нашла?

— Описала появившегося в городе Алиссайнца. Это не самое сложное в моих делах, — Крапива вновь посмотрела на лист бумаги, в голосе чувствовалось предупреждение. — Не могу быть уверена, что это он, что с ним безопасно. Будь осторожна. Но если хочешь знать, почему он тут, можешь найти там ответ.

Аврора вновь посмотрела на адрес. Она должна пойти.

— Что я ему скажу?

— Что захочешь, — Крапива наклонилась вперёд и спрятала свободную прядь волос за ухо Авроры. — Тебе не надо идти, если нет желания. Но если есть...

— Да, — Аврора сложила пергамент и спрятала его. — Спасибо.

Крапива улыбнулась ей.

— Всё будет в порядке, Аврора. Я знаю. Доверяй своим инстинктам. Они сильнее, чем ты думаешь.

Когда Аврора вернулась на следующее утро, чтобы попрощаться, Крапива уже ушла.

Пятнадцать

Адрес привёл её на восточную сторону острова. Океан трепал и путал волосы. Она могла видеть только пену волн. Люди прогуливались вдоль берега, друзья держались за руки, пары шагали в нескольких дюймах друг от друга, иногда глядя в воду с мыслями.

Ряд зданий сбегал от воды, высокий и такой тонкий, что там едва была комната на этаж. Они не выглядели угрожающими, но всё равно ходить там казалось опасным.

Аврора шла по улице, проверяя номера под каждой дверью. Она искала номер 33, но здания закончились на 29. После перескочили на 50 — без объяснений.

Аврора повернулась, чтобы посмотреть на океан, людей, что там шли. Оно было таким мирным после энергии остальной части города. Парень сидел на каменной скамье в нескольких футах от воды. У него были грязные каштановые волосы.

Аврора смотрела на затылок. Она не была уверена, что это Тристан. Она не знала, что в безопасности, даже если он. Но она пришла не затем, чтобы прятаться.

Она пересекла улицу. словно почувствовав её взгляд, парень обернулся. Его глаза расширились от ужаса, и он встал.

— Мышка?

Он выглядел уставшим, чем Аврора помнила, каштановые волосы отрасли. Казалось, сник, посерел. Она медленно подошла к нему, оставляя между ними несколько футов.

— Да, это я, — она не знала, что ещё сказать.

— Что ты тут делаешь?

Ветер отбросил волосы на лицо. Она оттолкнула их.

— Могу спросить тебя то же самое. Почему ты не в Алиссайнии?

Она не могла поверить, что видела его при дневном свете на фоне океана. Она столько забыла с тех пор, как видела в последний раз, память потеряла мелкие детали — понимающая улыбка, гнев в глазах при словах о царе, боль, что она чувствовала, понимая, что людей из-за него казнили, не прошла. И он тут.

— Я думал, что видел Крапиву. Мне надо было кое-что ей сказать, когда я знаю, на кого она работает.

— Она должна была уйти. И я хотела поговорить с тобой, — она позволила себе сделать шаг. Она не будет душой с ним, не в этот раз.

Небольшая группа людей прошла мимо них. Аврора и Тристан стояли молча, пока не оказались вне пределов слышимости.

— Почему ты тут, Тристан? Что с восстанием?

Он опустил на скамью. Поколебавшись, Аврора присела рядом.

— Нет бунта. Больше нет.

— Что ты имеешь в виду? — это не может быть правдой.

— Как думаешь, король отреагировал на случившееся в день свадьбы? Мы не начинали это, но король обвинил нас. Он был так отчаянен, когда давил нас, что люди боролись лишь немного. Угадай — они не хотели разрушать дома и убивать друзей без причины!

— Это не сработало?

— Он ответил тяжело, и всё закончилось однажды ночью. Король напал на людей в домах, согнал даже тех, кого не подозревали в симпатиях повстанцам. Они все мертвы. Он не мог спрятать твою свадьбу в замке, так что это сделал массовый расстрел.

Аврора схватила спинку скамейки, чтобы не упасть.

— Сколько?

— Я не считал точно, — Тристан пожал плечами.

Но Тристан прежде заботился о случайных жизнях? Он был вовлечён в схему, что привела к гибели многих людей, невинных. Аврора видела это. Он не жертва до конца.

— Как ты убежал? Если ты тут, как ты вырвался?

— Я не был дома, я был на крышах, когда они пришли.

Аврора схватила его за руку.

— Таверна... Твоя кузена... Нелл...

— Не знаю. Когда я вернулся, гостиница была в огне. Труд и Нелл не казнили, может, они бежали, но я их не нашёл. Я ничего не мог сделать.

— И ты ушёл?

— Я не мог найти их. Они мертвы или прячутся, но я не смог. Я не мог привести к ним короля, если они живы. Потому ушёл. Нет больше надежды. Нет смысла остаться.

— Мне жаль, — слова Авроры были такими пустыми, но она не знала, что говорить.

— Да, Мышка. Мне тоже.

Она смотрела на волны.

— Ничто не закончилось. Я вернусь. Я что-то сделаю.

Он рассмеялся. Смеялся, правда, без удовольствия.

— Ты не веришь?

— Что ты можешь сделать? Ты прячешься. Ты не знаешь, что происходит. И это твоя вина, да? Ты начала это и сбежала. Оставила свой беспорядок.

— Мой беспорядок? — она боролась с желанием встать и уйти. Она ничего не просила. Она проснулась, и беспорядки сбросили на неё. Она не была идеальна, но кто? Кто мог? — Вас втянули в это, как и меня, Тристан. Это слишком. Есть люди, которым надо помочь, но это слишком.

— Я думаю, мы такие же.

Она смотрела на воду, светлые волосы спадали на лицо. У неё было много вопросов о Родрике, Алиссайнии, но они застряли в горле.

— Зачем ты сюда пришёл? — наконец-то спросила она.

— Самое простое место для жизни. А ты? Ты не похожа на беглянку. Наслаждаешься защитой принца Финнегана? Или шпионка, как Крапивы?

Аврора откинула волосы в сторону и выпрямила спину.

— Он помог мне, — наконец-то сказала она. — Я вернусь, но не могу сделать это одна.

— Ты ещё подождёшь, и некуда будет возвращаться.

Корабль покачивался на горизонте, разбивая бесконечную синеву.

— Как ты ушёл? — спросила она. — Родрик помог?

— Принц Родрик? — Тристан искренне удивился. — Зачем ему мне помогать?

— Слухи. Родрик выступил против отца. Помогает людям выбраться из города. Думала, может, он помог восстанию...

— Нет. Я никогда не видел его. И нет восстания, которому можно помогать. Если он что-то делает, то делает это один.

Аврора не представляла Родрика, что делал что-то один. Но он заботился о людях. Хотел помочь. Может быть, он понял, как.

Что Родрик подумал бы о её плане сейчас? Больше разрушений и ужаса во имя мира? Драконы, магия, огонь. Он бы не одобрил.

Она могла спросить Тристана, что он думает о её плане, полезен ли риск. Он заботился об Алиссайнии, вопреки своим недостаткам. Но она остановила слова. Аврора видела методы Тристана, его ненависть. Он не обнадёжит её.

Тристан ушёл. После всех страстных слов и жертв, рисков, что принял, он сбежал, чтобы спасти свою шкуру. Он потерял право на своё мнение о действиях.

— И что ты будешь делать? — спросила она вместо этого. — Останешься в Ванхельме?

— Я не знаю. Я не знаю, что буду делать.

Она повернулась, чтобы вновь посмотреть на него. Он стал меньше. Он не был Тристаном.

— Ты должен вернуться, — сказала она. — Ты должен помочь.

— И что делать? Что я могу?!

— Не знаю. Пытайся.

Ещё один смех, лёгкое покачивание головой.

— Тебе не нравилось, когда я пробовал. Почему всё изменилось?

Это была правда, которую прежде они не упоминали. Они хотели, чтобы король ушёл, у них была история, но всё закончилось. Она видела в нём только слепоту, а он видел её заостренной, слишком большая честь для понимания. Они могли сидеть на скамейке у океана и часами говорить, но ничего не изменится.

— А ты? — спросил он. — Что Ванхельм делает для тебя?

— Мы думаем, как мне победить, — ответила Аврора.

— И ты станешь королевой?

— И я помогу. Что бы это ни значило, — она встала. — Мне пора. Я не должна тут быть. Приятно было тебя увидеть. Хорошо, что ты здесь.

— Ты тоже... Принцесса.

Она смотрела на него долгим взглядом. Она сомневалась, что увидит его вновь. Он вернётся в Алиссайнию или вновь сбежит, найдёт другую жизнь. И она знала о том, как опасно общаться с повстанцами. За их идеи нет пощады.

Но он был её частью. Он помог ей чувствовать себя менее потерянной в первые дни пробуждения, когда всё было не так. Это было до всего, что случилось между ними.

Не было слов, которыми можно всё выразить. Ничего не устранил этот пробел. И она отступила назад, подарив ему последний взгляд, запоминая черты. И оставила позади.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы понять, что за нею следят. Трое мужчин в шаге от неё, с тех пор, как она покинула главную дорогу, на всё тех же улицах, после в двадцати футах. Город был переполнен людьми, что шли отовсюду, потому этот факт ничего не значил. Но один из мужчин был бледным блондином — редкое зрелище для Ванхельма, и было что-то отталкивающее в их ходе. Они не разговаривали. Аврора видела, что они шли за нею вокруг угла, но спрятались.

Она остановилась у портного, глядя на яркие ткани и платья сквозь окно.

Через несколько шагов мужчины остановились у другого магазина.

Аврора нырнула в магазин, побыла там пару минут, делая вид, что очарована тканями.

Когда она вышла, мужчины были ещё там.

Она пошла быстрее, пользуясь плечами и маленьким ростом, чтобы протискиваться сквозь щели в толпе. Расстояние между нею и мужчинами возросло, но они её ещё преследовали.

Ещё один поворот, ещё одна оживлённая улица. Люди врзались в неё со всех сторон.

Толпа поглотила её, Аврора едва могла дышать, но шла вперёд, скользнув на улочку поуже в последнее мгновение и побежав так быстро, как могла.

Ещё один поворот мимо уличного проповедника, и она была на узкой дорожке с магазинами по обе стороны. Ткань была всюду, вещая о названиях магазинов, люди стояли в дверных проёмах, предлагая хлеб и показывая серьги и браслеты.

Аврора посмотрела через плечо. Мужчины были позади неё и ближе, чем прежде.

Они работали с Тристаном? Нет. Если он хотел поймать её, не ждал бы конца разговора. Либо Финнеган, либо они работают на короля Джона.

Ей нужно знать. И оживлённая торговая улица — лучше для противостояния.

Она остановилась у другой витрины и ждала, что люди остановятся, а после повернулась к ним лицо.

— Что вам надо?

Она ждала, что они будут отрицать, но человек поближе склонил к ней голову.

— Мы тут, чтобы забрать тебя домой, принцесса. Если ты будешь сотрудничать, нам будет проще.

— Принцесса? Не понимаю, о чём вы.

— Думаю, знаешь. Мы за тобой некоторое время наблюдали. Во дворце. Путешествия с принцем. Не лги нам.

Аврора шагнула в сторону магазина.

— Ты не получишь никакой помощи, — промолвил мужчина. — Люди занимаются своим делом. Иди тихо. Прогоуляйся с нами, принцесса, и проблем не будет, да?

— Если королева Орла узнает, что вы тут, пытаетесь увести одного из её людей, то это будет причиной для оглашения войны, — она не знала, как на самом деле, но это казалось реальной угрозой. У неё поддержка Финнегана, и ни один правитель не будет терпеть вмешательство в королевство со стороны.

— Это проблема короля. Я знаю только о чертовски хорошей награде за твоё возвращение. Никто ничего не говорил о том, где тебя можно ловить.

Некоторые из покупателей косились на них, но большинство демонстративно не смотрели. Они стояли с прямой спиной, сосредоточили взгляд на чём-то, голоса становились громче, словно они обсуждали магазины. И никто не вмешался.

Она посмотрела на преследователей, надеясь, что выглядит вызывающе.

— Вы меня не тронете.

Мужчина засмеялся.

— Я так не думаю, дорогая, — он потянулся к её руке. Когда его ладонь коснулась её кожи, что-то в Авроре щёлкнуло. Она отпрянула, и огонь прорвался сквозь бульжники, заставив его содрогнуться. Краснота на выжженном месте появилась, рука его пылала, пальцы вздулись.

Дракон вспыхнул на её шее.

— Это правда, — выдохнул он. — Ты ведьма, — он вновь рванулся к ней, но она уже бросилась вперёд от его руки. Мир расплывался. Она бежала сквозь толпу, свернула на одну улицу, вторую. Шаги крутились за нею, кто-то кричал, но она не обернулась.

Она добралась до ещё более широкой улицы. Провод тянулся вдоль центра, отмечая трамвайный путь, и она бежала по нему, ища звезду, что отмечала остановку, надеясь, что он прогремит по улице, и она уедет в безопасное место.

Аврора завернула за угол, и трамвай оказался впереди. Он был набит людьми, и

последний человек пытался протиснуться на борт.

— Подождите! — она замахала рукой в воздухе. — Пожалуйста! — она побежала быстрее. Водитель устало посмотрел через окно, но трамвай не двигался. Она запрыгнула на борт, врезалась в другого путешественника и бросила бронзовую монету в прорезь.

— Спасибо, — выдохнула она.

Мужчина покачал головой.

— Вы, дети, всегда мечетесь. Приходи вовремя в следующий раз, хорошо?

— Да, — кивнула она. — Спасибо.

Преследователи наблюдали, как уносился трамвай.

Шестнадцать

Аврора торопилась в библиотеку. Гнев и страх почти заставили её задохнуться.

Если Тристан знал этих людей? Если он приманка, чтобы её отвлечь? Нет, он не мог. Он не знал, что она там будет. И люди — не мятежники. Но встреча с Тристаном всё уничтожила, мужчины схватили её посреди дня, как непобедимые, и никто их не мог остановить.

Старая свеча стояла в центре стола, и она схватила её, поднося к глазам. Свет. Она толкнула гнев вперёд, и фитиль вспыхнул пламенем. Гремя от триумфа, она потушила его, зажгла вновь, выпуская гнев и разочарование.

Тем не менее, когда она успокоилась, когда адреналин покинул её, огонь пропал. Нападение лишило её ярости и желания всё сжечь, глотая мысли.

Она не контролировала магию. Магия контролировала её.

Она швырнула свечу на землю, и та упала с громким стуком.

— Ой!

Аврора обернулась. Эрин с книгами в руках стояла в дверях.

— Прости, что побеспокоила, — Эрин стояла там ещё мгновение, а после прошла в комнату. — Я пришла вернуть книги.

— Нет, — Аврора покачала головой. — Ты меня не побеспокоила, просто...

— Просто ты мстила свече? — Эрин улыбнулась. — Надеюсь, тебя рассердил не мой дурак-брат. Уверяю, он того не стоит.

— Нет. Прости. Я не должна была терять самообладание.

- Кто я такая, чтобы говорить тебе, что ты должна и не должна? И если бы ты рассердилась на моего брата, я б не удивилась. Он того заслуживает.

Эрин принялась раскладывать книги на столе. Она притащила четыре фолианта об Алиссайнии.

- История? — спросила Аврора. — Алиссайния?

— Да, мама хотела, чтобы я изучала её подробнее. Наверное, потому что ты тут.

— Я тоже пыталась просматривать, — кивнула Аврора. — Столько пропустила, пока спала...

— Ну, тут нет книг о современности. В основном старая история. Алиссайя. Королева Дездемона, золотой век, — Эрин возилась с книгами. — Мои любимые. Ненавистные женщины. Выброшенные за то, что у них было слишком много власти. Это интересно.

— Да, — кивнула Аврора. — Захватывает.

Эрин вытащила одну из книг и остановилась.

— На самом деле, я хотела спросить. Ты говорила о Родрике, словно любила его.

— Да, — кивнула Аврора. — Он хороший человек. А что?

— Я задавалась вопросом, что тобой руководило. Люди всегда говорят хорошее о принцах, но ты не хочешь за него замуж.

— Я не потому сбежала.

Эрин кивнула.

— Были дискуссии по поводу брачного союза между нами. Думаю, мать более заинтересована в дальнем, в Палире... но после трагедии с принцессой Изабель она может к этому вернуться. Если Финнеган не выстроит союз, то должна я. Потому мне было любопытно...

Аврора смотрела на молодую принцессу, элегантную с её завитками красных волос. Она была девушка из ожиданий Айрис, что могла заставить всех её обожать, говорить мудро и пользоваться своим "навсегда". Может быть, Авроре надо было ревновать, слыша, что Эрин может выйти за Родрика однажды. Но Родрик заслуживает счастья, а с Авророй его не будет. У неё не было к нему ничего, кроме дружбы. Большого она не желала.

— Родрик замечателен. Он будет хорошим мужем.

— Тем не менее, ты за него не вышла.

Аврора открыла книгу и принялась листать страницы, не глядя на слова. Её руки ещё дрожали.

— Я не могла остаться. Я не могла поддерживать Джона в этом...

— Это единственная причина?

Аврора посмотрела на неё снизу вверх. Эрин смотрела на её губы. Заинтриговано.

— Это было странно, — сказала Аврора. — Сначала я считала Родрика... неловким. Что мы не подходим друг другу. Но не думаю, что встречала кого-то добрее. Казалось, он тот, кого я должна любить. Я дура, что этого не видела.

— Ты видела, — покачала головой Эрин, — если судить по словам.

— Но я к нему ничего такого не чувствую. Я люблю его как друга, мы могли бы быть счастливы вместе немного, но я не должна.

— Ты чувствовала, — сказала Эрин. — И если не любила его, а брак мог только навредить королевству, то лучше его отпустить, разве нет? Добрый человек, что заслуживает кого-то, кто не будет его мучить.

— Я его не мучила.

— Тогда ты лучше остальных, если это правда.

Аврора повернула страницу.

— Думаешь, ты будешь его мучить, когда выйдешь замуж?

— Нет, — тихо ответила Эрин. — Нет, конечно, нет. Думаю, есть разница между созданием дипломатического альянса, что ждала всю жизнь, и пробуждения в будущем, чтобы узнать, что трон не твой, а ты выйдешь замуж за нового наследника. Станный поворот. Если ты не против, что я так говорю, — она вздохнула довольно нетерпеливо. — К тому же, я отмечена быть королевой другого царства, не буду отбирать всё у Финнегана.

— Не думаю, что он думает, что ты собираешься его свергнуть, — осторожно сказала Аврора. — Но он думает, что люди предпочитают тебя как королеву.

— Финнеган смешон, — впервые голос Эрин был резок. — Он старший брат и первый в очереди на престол. Это так! Может, если б он позволил людям увидеть свою серьёзную сторону, он бы так не беспокоился, — она остановилась и вновь посмотрела на Аврору, а после покраснела. — Я не должна была этого говорить. Это не имеет значения. Он первый в очереди на престол. Он может раздражать маму, но это ничего не меняет.

Щёки Эрин всё ещё были красны — первый намёк на её неловкость, что только видела Аврора. Но даже румянец её казался милым. Она была похожа на правительницу.

— Ты хочешь быть королевой?

— Если б у меня было право... Но если бы я стала королевой Ванхельма, это бы значило, что Финнеган мёртв или обездолен. Я не хочу этого. И... Царицы никогда не оборачиваются добром, да?

— Это похоже на работу твоей матери.

— Может быть. Но я — не мама.

Аврора не могла согласиться до конца.

— Думаешь, ты была бы хорошей королевой?

Эрин вскинула подбородок.

— Да.

— Я тоже.

— Ты едва меня знаешь. И, конечно, должна быть привязана к Финнегану. Или у тебя есть на него другие надежды?

— Другие надежды?

Эрин склонила голову, всё ещё наблюдая за нею. Аврора видела Финнегана в ней, в изогнутых губах и зелёных глазах. Они были того же оттенка и светились тем же пониманием. Выражение Эрин было немного мягче, но со сталью матери.

— Жаль. Это самонадеянно с моей стороны, — она посмотрела на дверь. — Спасибо, что позволила вторжение. Я оставлю тебя.

Когда Эрин ушла, Аврора вернулась к смятой свече. Но комментарий Эрин задержал её. Разве она не хочет быть королевой? Она хотела счастья Финнегану, предполагала, что он будет королём, но, казалось, прежде не признавала идею, что он не унаследует престол. Она считала Финнегана непочтительным принцем, задумавшимся, мечтательным, отбросившим правила, но король должен быть иным. Отягощённый ответственностью, озабоченный чем-то, кроме себя самого. Его действия диктуются дипломатическими потребностями королевства. Принц Финнеган был привлекателен, но король Финнеган...

Это не важно, какое его будущее. У них был только временный союз. Но мысль о ином будущем не отпускала её. Часть её, которую она игнорировала, желала Финнегана. Хотела, чтобы все остальные обязанности и пристрастия пропали.

Она хотела, чтобы Финнеган был частью её будущего, а не своего собственного. И эта мысль беспокоила её больше всего.

Семнадцать

— Это должно быть удивительно, — промолвил Финнеган, когда они ужинали тем вечером.

Аврора посмотрела на него через стол. Она настолько задумалась, что едва слышала его слова.

— Что должно быть удивительным?

— Всё, о чём ты думаешь. Оно отвлекло тебя как минимум на полчаса.

Она не могла перестать думать о словах Эрин и новом понимании себя. Она хотела спросить Крапиву о мыслях. Крапива внесла бы ясность и не судила. Она лишь толкнула кусок рыбы.

— Я просто скучаю по Крапиве. Надеюсь, с нею всё в порядке.

— Она в порядке, Аврора. Она профессионал, — он положил нож. — Скажи, что не

самом деле тебя беспокоит. Опять угрозы Селестины?

— Нет, — Аврора покачала головой. — Нет. — Она не могла сказать ему истинную причину, почему отвлеклась, не была уверена, стоит ли упоминать Тристана. Она не знала, как он отреагирует. — Некоторые люди ловили меня в городе сегодня. Они хотели схватить меня и продать Джону за вознаграждение. Но я в порядке. Просто не ожидала, что его люди так скоро меня найдут.

— Он послал за тобой стражу?

— Нет. Уверена, ему нужны все верные люди для его защиты, если я слышала правду о событиях в Петрикоре. Но другие готовы сделать за него грязную работу.

Финнеган нахмурился, показавшись более старшим и уставшим, чем прежде.

— Люди становятся безрассудными, если пытаются схватить тебя среди бела дня.

— Тысяча золотых монет — большая награда.

— Я отправлю больше солдат на патрулирование города и осмотр доков, — он подарил ей долгий взгляд, словно думая, а после отодвинул стул. — Давай посмотрим игру. Ничего хорошего. Много драм и романтики. Тебе понравится. Нет смысла сидеть внутри и дрожать.

— Это небезопасно, — медленно промолвила она. — Люди короля Джона...

— Всё небезопасно. И ты жива, да? — он подошёл к ней и схватил за руку, поставив на ноги. — Давай, Рора! Маленький риск — это самое интересное!

Представление было таким, как обещал Финнеган — роман, ошибочные сравнения, враг в маске друга. Песни застряли в голове Авроры, смерть вызвала слёзы на глазах, а после того, как упал занавес, она вскочила с аплодисментами.

— Видишь, — протянул Финнеган, когда они вышли на улицу. — Не так страшно, правда?

— Сносно, — поддразнила его Аврора. — Твои вкусы не так плохи, как я думала.

— Какой комплимент! — он протянул руку. — Мы должны вернуться к безопасности дворца, моя леди?

Аврора колебалась. Ночь была тепла не по времени года, звёзды яркими, а в темноте она чувствовала себя безопаснее. Она не была готова вернуться к заботам.

— Может быть, мы бы походили вокруг немного.

— Я знаю места, — улыбнулся Финнеган.

Она положила руку на сгиб его руки, и они вышли на улицу. Фонари посылали мерцающий свет на каменную дорогу, вдалеке звенел трамвай.

Они шли молча. Аврора слышала далёкий гул разговоров за дверьми, но людей было очень мало за театром. Это отличалось от Петрикора с его ночными фестивалями и многолюдными трактирами.

Впереди заканчивались здания, оставляя гладь трав и деревьев. После толчеи города лес казался широким и мирным. Низкий забор окружал его.

— Это... сад? — спросила она.

— Парк. Нам надо немного зелени на фоне стали и дыма.

Знак висел на заборе. Закрытый парк — от заката до рассвета. Висячий замок сдерживал ворота.

— Он закрыт, Финнеган, мы не можем войти.

— Я принц, ты принцесса. Думаю, правила потерпят.

— Это грубо.

— Никто не узнает. Им всё равно, — они достигли ворот, и Финнеган с лёгкостью

перепрыгнул через забор, протягивая руку. — Боишься?

Она проигнорировала его руку, переступая через забор. Её ноги не были столь длинны, чтобы достичь земли. Она подтянулась на цыпочки, юбки цеплялись за шипы, и, споткнувшись, перебралась. Финнеган со смехом её поймал.

Он потянул её в парк. Несколько деревьев шептали что-то вслед.

Было так спокойно и свободно. Она отошла от Финнегана и раскинула руки. Её гнев на похитителей, страх за Тристана и Родрика... Нет. Она не хотела думать об этом сейчас. Вместо этого она закрыла глаза и потянулась за иными чувствами. Возмущение, что прошло сквозь неё, когда Финнеган улыбнулся и заявил, что ждёт её поцелуя, любопытство, ощущение тяги в животе и сожаление об уходе.

Она схватила искру, маленькую прядь магии, что поняла, и попыталась её раздражить. Уговорить быть в её ладонях. Сжечь.

Теплота скользнула по ладоням, свет всплеснул перед глазами. Она открыла глаза. Небольшой шар пламени завис над руками.

— Впечатляет, — протянул Финнеган.

Свет мерцал, усиливаясь. Она протянула его Финнегану.

— Вот, возьми.

— Если ты хочешь сжечь меня, надо действовать тоньше.

— Возьми, — вновь сказала она, склонила руки, и огонь выскользнул из них, застыв в нескольких сантиметрах от груди Финнегана. Он оставлял тени на его лице, и глаза парня сверкали.

— Спасибо.

Она опустилась в реверансе, и он засмеялся.

— Можешь сделать ещё?

Она могла. Её грудь наполнилась не гневом и страхом, а волнением, что нет мира за пределами парка. Она тянула за нити, позволяя второму шару вспыхнуть над кончиками пальцев. Она освободила его, а потом ещё и ещё, пока воздух не теплился светом, словно вызывала сотни фей, что плясали вокруг.

Один промчался мимо головы Финнегана, и он со смехом увернулся.

— Осторожно. Я действительно не хочу сгореть, если этого можно избежать!

Она тоже рассмеялась. Свет соскользнул с её пальцев, уже зелёный, как у Селестины, что очаровывала её годы назад. Он плыл по воздуху, танцуя вокруг волос Финнегана.

— Стоп, стоп, стоп! — Финнеган помчался вперёд, схватил её за руки и засмеялся, говоря. — Это опасно, Рора.

— Ты не доверяешь мне?

— Как ты мне, — он потянул её к себе. — Как насчёт фейерверка? В небесах!

Фейерверк. Взрыв на ступенях замка, крики толпы, когда они бежали, кровь на пальцах, когда она толкнула Родрика. Столько боли. Она схватила Финнегана и откинула голову назад. А после выбросила воспоминания в воздух золотым шаром пламени. Он рванулся вверх, мимо деревьев, над крышами домов, к звёздам. Затем она дала последний толчок, и он разорвался. Посыпались крохотные струйки пламени.

— Если это увидят, они подумают, что это конец. — промолвила Аврора.

— Пусть. Что они знают?

Аврора склонила голову, глядя на звёзды. Это была тёмная ночь, почти скрылась луна, но звёзды ещё светились.

Она упала на траву. Свет плавал вокруг неё, подпрыгивая, не зная, куда идти. Она схватила Финнегана за руку и потянула его к себе. Он приземлился с глухим оханьем, и она захихикала.

— Ты пьяна, Рора.

— Как я могу быть пьяна? — она завертелась в траве, позволяя ему себя обнять. — Я ничего не пила.

— Пьяна магией. Пьяна собой.

Она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Волосы рассыпались по плечам.

- Неужели думаешь, что я могу это сделать? Контролировать драконов, остановить короля Джона?

— Думаю, ты можешь что-то сделать. Всё.

— Это не так, есть многое, что я не могу сделать.

— Назови пример.

— Не могу выйти за Родрика, — прошептала она. — Не могла помочь Алиссайнии, когда была там. Не могла остановить короля.

— Это не имеет значения.

— Конечно, имеет.

— Почему ты ответственна? Почему не можешь делать то, что хочешь?

- Потому что, — она закрыла глаза, прижимаясь щекой к траве, — не могу.

— Ты можешь сделать что-то, что хочешь, Аврора. Всё, что хочешь.

— А если я не знаю, что хочу?

— Попробуй однажды. Просто чтобы быть уверенной, — она могла слышать ухмылку в его голосе и рассмеяться. Хорошо было смеяться. Хорошо быть здесь.

— Хочешь знать мой секрет? — прошептала она, открыла глаза и могла видеть его, и зелень в нескольких дюймах от неё во тьме. — Иногда я рада, что Джон оказался столь ужасен. Он дал мне повод уйти. Иначе я б вышла за Родрика, и...

— Никогда бы не была тут со мной?

— Да. Моя жизнь была бы их навсегда. Мне нужен был серьёзный повод для ухода. Для пробуждения магии. Желания — недостаточная причина.

— А сейчас? — его голос стал низким. — Думаешь, есть достаточная причина?

— Не знаю, — слова едва слышались сквозь бриз. По телу пробежали мурашки.

"Он не может поцеловать меня, — подумала она. — Я должна это сделать".

Напряжение слишком возросло. Она отвернулась, вновь посмотрев на звёзды.

— Почему ты думаешь, драконы исчезли?

— Потому что мир не мог их держать, — хмыкнул Финнеган. — Драконы — это магия, да? И когда пропала магия, они пропали тоже. Или ушли спать, чтобы дождаться своего времени. И это случилось через тысячи лет, когда мы забыли всё о них.

— Ты не думаешь, что мужественный убийца мог вас спасти однажды?

— Один герой против дракона? Поверь мне, Рора. Мир не мог избавиться от них.

— Но ты думаешь, что я могу заставить их уснуть.

— Думаю, твоя магия может. Не так ли?

Аврора коснулась кулона, позволяя шероховатости крыльев поцарапать большой палец.

— А как насчёт Селестины? Она усыпила меня. Она спланировала это. Может, она часть всего?

— Может. Она должна иметь причину, ты не думаешь?

Она почувствовала внезапное желание сказать ему правду. Она скрывала секреты Селестины слишком долго, позволяя им поселиться в ней и расстроить её мысли. Она хотела, чтобы Финнеган знал.

— Она сказала, что моя мама заключила с нею сделку. И моя мама не выполнила условия, тогда меня прокляли.

Она отказалась повернуться и посмотреть на Финнегана, но чувствовала, что он наблюдает за ней.

— Что за сделка? — спросил он.

Теперь она позволила себе склонить голову. Он был близок, с любопытным, но не требовательным выражением лица.

— Я. Она хотела меня.

— Селестина? Или твоя мать?

— Моя мать. Я не знаю, чего хотела Селестина.

Она почти ждала, что Финнеган вновь перепрыгнет на схемы и идеи. Но он всё ещё почти нежно смотрел на неё.

— Так вот почему у тебя есть эта магия. Ты думаешь, что Селестина хотела использовать тебя, чтобы контролировать драконов.

— Да, — Аврора закрыла глаза. — Возможно. Но что могла предложить моя мама? — пробормотала она. — Как она подумала, что может перехитрить Селестину?

— Может быть, она предложила свою власть. Люди всегда хотят её.

— Но почему искусилась Селестина? У неё и так было предостаточно...

— Может, она увидела, что сила исчезла. Хотела большего.

Было ли проклятие от её желаний? Может быть, мама никогда не смогла бы выполнить сделку? Может, эту сделку выполнить было нельзя.

— Итак, она использовала меня, чтобы разбудить драконов, — промолвила Аврора. — Значит, она могла управлять ими.

— Да, — кивнул Финнеган. — Может быть.

Она села. Было что-то от дракона в ней. И она не была уверена, что хотела знать, что это. Если её магия как у них, если она разрушительна, то ничто не выживет там, где есть её огонь...

Она прижала руку к траве и призвала её расти. Закрутиться вокруг руки, чтобы доказать, что она может не только сжигать, а и создавать. Показать, что она больше, чем подозревала.

Трава не двигалась. Она потянула её пальцами, словно заставляя ответить. Травинки оторвались от земли.

— Рора?

Она придвинулась к Финнегану, слишком близко в темноте.

— Она сказала мне, что я такая же, как она. Что моя магия может только разрушать, вопреки моему желанию. Что будет, если я попытаюсь её использовать?

— Не знаю, — медленно ответил он. — Думаю, ты должна попробовать.

— Но я даже не знаю, кто я.

— Не Селестина. Не такая, как она.

Свободные травинки падали из рук. Она отвернулась, глядя на очертания зданий на фоне ночного неба.

— Такое чувство, что мой выбор ничего не значит — позволить ужасным вещам происходить или пытаться бороться и самой творить кошмар. Я... не знаю, что хуже.

— Ожидание. Когда не в состоянии что-то сделать. Это всегда так.

— Может быть, для тебя. Я не уверена до конца.

Она положила голову Финнегану на плечо и закрыла глаза. Он обнял её, и они сидели в тишине, а её магия всё ещё мерцала вокруг них.

Восемнадцать

Аврора пыталась спать этой ночью.

Это был не только вопрос о доброй версии жестокости, о борьбе или ожидании судьбы. Родрик мог помочь. И если б она ничего не сделала, если б не ушла одна... Она не видела его борьбы рядом с отцом. Но если бы она боролась, бросила вызов королю с драконами... Родрику нужна её помощь, но не означало ли это ещё больше разрушений по пути? Он не хотел, чтобы в его имя сжигали царство.

Люди верили в неё. Полагались на неё. Она не могла оставить их, предать огнём.

Ей нужны были советы того, кому она могла доверять. И хотя она говорила Финнегану в темноте то, что хотела скрыть даже от себя, он не знал войну. Он вряд ли разобрался в этом намного больше, чем сама Аврора.

Но Орла могла знать. Аврора не могла рассказать ей о драконах, но могла показать больше своей магии, о короле, завоевать доверие, и королева расскажет больше о том, может ли привести насилие к миру. Орла могла предложить решение без излишеств. Она была так прекрасно практична, что Аврора не верила, будто она позволит чувствам управлять своими решениями.

Как только встало солнце, Аврора написала королеве записку с просьбой отобедать и передала через слугу. Через полчаса слуга вернулся с другой бумагой с ванхельмской печатью. Пергамент был заляпан чернильными пятнами, и среди всего этого Орла нацарапала приглашение присоединиться к ней в кабинете.

— Я рада, что ты написала мне, — промолвила Орла после того, как слуга ушёл, а Аврора села. — Я хотела поговорить с тобой наедине. Есть много, что ты знаешь. Ванхельм между Алиссайнией и драконами... ежедневные дискуссии и стратегии. Но это роль королевы.

Она смотрела на Аврору, словно ожидая ответа. Та кивнула.

— Так скажи мне, — протянула Орла, — о чём хотела поговорить? Уверена, ты не просто так желала мою компанию.

- О, — Аврора не знала, как реагировать без грубости. — Мне был нужен ваш совет.

— Совет от меня? Разве я не враг твоего королевства?

— Я в это не верю. И даже, если это правда, не значит, что вашу точку зрения не стоит принимать во внимание.

— И какой же ты хочешь совет?

Аврора одёрнула юбку, чтобы не дёргать себя за волосы.

— Кажется, — осторожно начала она, — единственный способ остановить короля Джона — бросить ему вызов. Получить людей там или найти их тут... Мне придётся бороться.

— Ты не должна бороться. Ты могла бы оставить всё так, как есть.

— Могла бы. Но если я хочу что-то изменить, я должна сражаться. Но я не могу перестать думать, что сделаю хуже. Я несу ответственность за ужасные вещи, которых бы не было без моего вмешательства. Но если станет лучше... Это хорошо?

— Аврора, — Орла оперлась локтями на стол и сложила руки. Она смотрела на Аврору

очень задумчиво. — Такие вопросы беспокоят лучшие умы до той поры, пока мы есть. Если ты хочешь услышать от меня твёрдый, убеждённый ответ, боюсь, будешь разочарована. Никто не может ответить на этот вопрос за другого. Может быть, ты неправильно его задаёшь. Дело не в правильном, а в практичном. Какой самый лучший курс действий, при условии, что у всех будет что-то плохое? Итак, первый вопрос — собираешься ли ты вернуться в Алиссайнию.

— Я должна вернуться однажды.

— Зачем? У Алиссайнии есть королева. И король, и принц, и множество людей, что борются за трон. Если ты можешь изменить всё к лучшему, то должна, но можешь ли?

— Я должна. Я хочу это сделать.

— Предназначена? О, моя бедная девочка. Никто не предназначен. Если верить твоей стране, ни одна женщина не может править одна, и уверена, что они считают драконов наказанием за нашу дерзость. А я считаю, что это уместно, и полагаю, что делаю добро для королевства. Я едва сплю, но это хорошо, Аврора. Разрабатывая стратегии, все усилия мы прилагаем к компромиссу. Ты должна понять, что можешь делать лучше сама, а после рассказывать остальным, что они должны делать. Если ты будешь достаточно убедительна, тебе поверят.

Орла внимательно наблюдала за Авророй.

— Я слышала слухи. Сплетни о моём сыне неприятны... Но шепчутся, что у тебя есть магия. Я не считаю это беспочвенным суеверием. Я права?

Прямота Орлы заставила Аврору хоты бы немного ей доверять.

— Да, у меня есть немного магии, хотя я мало в ней понимаю.

— Это к лучшему. Ты не можешь полагаться на магию, составляя план, — Орла постучала пальцами по столу. — Вот правда о магии, Аврора. Она ослабляет людей. Они не учатся, не стремятся, потому что ждут, что волшебство их спасёт. И когда магия терпит неудачу... Что ж, ты видела, во что превратилась Алиссайния. Какова была во времена свободы. Отсталое царство, неспособное выжить. Магия не помогла.

Но Орла ошибалась. Магия была единственным шансом Авроры. Она не могла творить всё сама, но видела, что магия может сделать с жизнью. Если у человека была магия, а у второго нет, маг добьётся успеха.

— Ты не веришь мне. Это Алиссайния в тебе, я думаю. Но учти. Подумай, что случилось с царством без тебя. Даже после проклятия они были счастливы. Горы и память о магии — потому они не искали настоящую защиту, городские стены, достижения — ничто не спасло их от нападения Фалрича.

— Но они выжили.

— Да. Они выжили. Потому что моё королевство помогло им. Алиссайния была нашим соседом и торговым партнёром, а не Фалрич, и могли многое предложить. Они обещали помощь, если у нас будут трудности. Могли бы нам дать доступ к спящей принцессе, если её истинная любовь из нашего королевства. Королевство пало бы без Ванхельма. Мы этого не хотели.

Аврора видела это мнение в дипломатических документах, что показал ей Финнеган.

— Итак, вы сохранили моё королевство, — осторожно промолвила она. — Но почему Джон и Айрис так вас ненавидят? Боятся, что вы потребуете вернуть долг?

— Не совсем. Ты должна знать, что годы после войны не были хорошими для Алиссайнии. Засуха и голод, быстрая смена королей, правитель был всё дальше от

королевской родословной... Потом Фалрич напал вновь. Ванхельм ещё раз предложил помощь за простую цену. Мы хотели включиться в линию королевского трона. Мама вышла бы замуж за сына нынешнего короля. Детям тогда было четыре и семь, но договор составили, и мы их спасли.

— Но брак не произошёл?

— Нет, не так. Мы не предусмотрели возвращение драконов. Они разрушили наше королевство, и когда мы боролись за восстановление, Алиссайния отказала в помощи. Они утверждали, что сами слишком слабы. А потом, когда умер старый Алиссайнский король, совет дворян обездолил его сына, устроил свой переворот, бросил Ванхельм. Учитывая наше состояние, мы не могли отбиваться. Два царства должны были бороться, чтобы выжить, но у Ванхельма было сильное море, и пока Алиссайния слабела, мы выздоровели. Теперь Алиссайния опасается, что мы отомстим. Что пожелаем обещанный трон.

— А вы? — спросила Аврора. — Вы хотите трон?

— Мсть — это пустая трата энергии, — хмыкнула Орла. — У нас есть более важные вещи, чем борьба из-за пятидесятилетнего пренебрежения. Я возобновила торговые договоры между двумя королевствами, когда пришла к власти. У Финнегана был шанс тебя разбудить, хотя ему был всего год, когда мы заключили соглашение, и мы решили, что молодая Изабель выйдет за него, когда вырастет. Нет смысла мстить.

Но Аврора не могла не заметить, что мстить и желать трон — это разные вещи.

— Итак, ты видишь, — протянула Орла, — магия не будет тем, во что ты веришь. Твои опасения неуместны. Борьба не окажется самой большой ошибкой. Они будут верить, что магия не так повредит, как поможет.

Аврора никогда не верила, что магия не повредит. Но слова Орлы не были неожиданными. Магия опасна, да. Но это единственное преимущество Авроры. Она не могла продолжить борьбу без этого.

— Итак, каким ты находишь истинного врага Алиссайнии? — спросила Орла.

— Просветлённым.

— Самый дипломатический ответ, что я слышала. Айрис хорошо тебя научила.

Дверь скрипнула, и слуга вернулся с тарелкой с фруктами и хлебом.

— Ну, — протянула Орла, когда тарелка со стуком опустилась на стол перед ними, — это слишком серьёзно для ланча. Почему б не поговорить о поведении моего сына в Петрикоре? Мне надо немного развлечься.

После этого они говорили о дворе и смешном. Орла рассказала Авроре истории о своём прошлом, о маленьком Финнегане, и Аврора делилась с королевой своими впечатлениями о Ванхельме, насколько подавляющими и вдохновляющими она считала его улицы.

Тем не менее, когда Аврора покинула кабинет Орлы, пообещав встретиться, когда у королевы будет свободная минутка, она могла думать только о том, как Орла отличалась от Айрис. Она была такой уверенной в себе, так любила истину, такая могущественная, что никто не мог её оттолкнуть и бороться с нею. Она правила сама.

И она должна была править Алиссайнией. Оба королевства должны были стать её наследием. Оба королевства должны были принадлежать Финнегану.

Аврора нашла Финнегана у шахматной доски в одной из многочисленных дворцовых комнат. Он держал ладью в нескольких дюймах от доски. Эрин сидела напротив, сложив руки на коленях.

— Не дам тебе нарушать правила! - сказала она, когда Аврора проскользнула в дверь. —

После того, как ты коснулся фигуры, ты должен её переместить. Я не виновата, что ты не подумал! Я права, Аврора? — она повернула голову и улыбнулась. — Он не может обманывать, проигрывая.

— Это не очень по-джентльменски, — промолвила Аврора.

— Ладно, — Финнеган поставил ладью, сбив по пути белую пешку. — Убивай, коль надо.

Эрин подалась вперёд, словно потянувшись за королевой, а после рассмеялась.

— И за шестнадцать лет ты думаешь, что меня легко обмануть, братишка? Я не позволю твоей пантомиме поставить мне шах и мат! — и, проигнорировав ладью, она продвинула пешку.

— Хороший ход, — хмыкнул Финнеган.

— Знаю.

— Ну, ты учишься у лучших.

— И когда их нет, я думаю о советах, как с тобой не надо играть, — она посмотрела на Аврору. — Ты играешь в шахматы?

— Немного. Мне не было с кем практиковаться.

Эрин встала.

— Ты хочешь поговорить с моим братом?

Аврора посмотрела на Финнегана.

— Да, но немного.

— Конечно, — кивнула Эрин. — Пожалуйста, проследи, чтобы он ничего не трогал на доске. Он никогда не гнушался обманом, чтобы победить.

— О, это не значит, что ты должна уходить... — начала Аврора, но Эрин отмахнулась.

— Всё хорошо. Я хочу поговорить с мамой. Скоро вернусь.

Её шаги эхом отражались от стен, когда она ушла.

Финнеган не сдвинулся со своего стула. Его чёрные волосы падали на глаза и скулы. Внизу живота при виде его странно тянуло. Прошлой ночью она была так близко... Рассказала все секреты, которые, может быть, стоило оставлять недосказанными.

— Ты что-то хотела? — спросил Финнеган. — Или просто не можешь пережить день без удовольствия моей компании?

Она подошла ближе.

— Ты никогда не говорил мне, что имеешь право на мой трон.

— Я на многое имею право и не знал, что твой трон — это одно из этого списка.

— Твоя мама мне сказала о договоре. Сказала, что троны Алиссайнии и Ванхельма должны были принадлежать Ванхельму.

— Ну, кажется, я не получу ни один из них. Да? — хмыкнул Финнеган. — Так какое это имеет значение?

— Это важно. Потому что ты не сказал мне. Ты притащил мне все дипломатические отчёты об Алиссайнии за последние сто лет и не сказал мне.

— Я принёс всё, что смог найти, Рора. Мы ещё не всё просмотрели. Я не скрывал этого.

— Ты должен был знать. Ты сказал, что у нас есть общее наследие, что должно принадлежать нам с тобой, но ни слова об этом.

— Если ты думаешь, что я думал о праве на тебя... Ты бы не доверилась. Также не сделала вид, что доверилась. У тебя было достаточно правильного с Родриком, нет? Я хотел бы получить желаемое на своих условиях. Как думаешь, я вообще забочусь об истории,

сверяю действия? Ты когда-то так считала?

— Не знаю. Всё ещё пытаюсь понять тебя.

— Дай мне знать, когда сделаешь, — он взял ладью, прокручивая её в пальцах.

Звучало как отговорка, и Аврора отвернулась. Но она остановилась, подойдя к двери и сжав дверную ручку.

— Я хочу тебе верить. Я верю. Но ты говоришь то, что кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Она вышла из комнаты прежде, чем он успел ответить. Но в ту ночь бумага просунулась под её дверь.

"Правда в том, что ты делаешь, — написал Финнеган. — Так почему бы не попытаться сделать что-то хорошее?!"

Девятнадцать

Похоронный колокол был таким безобидным, когда он пришёл. Письмо в руке Финнегана. Беспокойство, что даже он не мог скрыть. И грязь на бумаге, что пересекла море.

— Я получил письмо от Крапивы, — сказал он, без предупреждения входя в библиотеку. — Ты должна хотеть его увидеть.

Аврора подняла голову. Она искала дипломатические документы, доказательства сказанного Орлой, но ничего не нашла.

— Что это? — она подошла к Финнегану. — Она узнала о Родрике?

— Нет. О нём никаких сведений, она писала ещё до столицы. Но послала это.

Он протянул изношенную бумагу Авроре. Она была толстой, края погнулись от дождя, и Аврора развернула его.

Это был поисковой постер, как и многие, что видела Аврора. Аврора была на нём царственной и командующей. Король обещал уже две тысячи монет за неё.

Она была покрыта записями. Несколько разных людей писали оскорбления на бумаге, лбу, заполнили каждый свободный дюйм. Предательница, писали они. Убийца. Шлюха. И несколько раз подведённое ведьма.

Она крепче сжала бумагу, сминая слова. Убийца. Ведьма.

— Они так обо мне думают?

Она не должна удивляться. Она знала, что король о ней говорит. Но видеть это своими глазами, ненависть людей, брошенные, как истина, слова...

Она думала, что они нуждались в ней. Ждали её поддержку. Она так не думала.

— Письмо было? Объяснение?

Финнеган поднял два небольших листа бумаги. Она взяла их, но слова были закодированы.

— Что она говорит?

— Дела пошли хуже после твоего ухода. Никто не хочет оставаться в столице. Крапива говорит, что ходят слухи, будто магия вернётся после твоей смерти. Она не говорит, что их начал король, это считают все. Вот что в конце концов значит пророчество.

Аврора закрыла глаза.

— Конечно, они так говорят. Конечно, — они считали, что Аврора их спасительница, разбуженная волшебным поцелуем. После истории легко поверить.

Она смяла плакат в комок в кулаке.

— Не каждый поверит, — вздохнул Финнеган.

— Но недостаточно. Достаточно, чтобы писать это.

— Ты ждала, что все будут на твоей стороне?

— Не знаю, — она бросила смятый плакат на стол. Может, ждала. Она столько времени потратила, беспокоясь о них, планируя, принося себя в жертву. Конечно, они должны хотеть её помощи и возвращения. Но нет. Пока она тревожилась, её возненавидели. — Пусть думают, что хотят.

Финнеган положил ей руку на плечо.

— Хорошо, что ты пришла сюда, — он промолвил это так тихо, что она едва слышала его. — Они бы тебя порвали на клочки, если б ты осталась.

Она смотрела на мятую бумагу. Она даже не могла назвать это ложью. Она была с врагами Алиссайнии тут, разве нет? Она была ведьмой.

— Они правы, — прошептала она. — Они во всём правы.

— Нет.

— Да. — Она подумала о Петрикоре, Тристане, Айрис, реверансах и улыбках, обвинениях в предательстве, маленькой девочки, что умерла от вишни, взятой из рук Авроры. Поцелуи с обещанным принцем, когда смотрели сотни. Люди болели за неё, а потом повернулись против неё, как только смогли. И гнев, что горел внутри неё, лишал огонь контроля. Она сглотнула. — Ты не понимаешь. Если б я выпустила всё, что чувствую, я бы сожгла город.

— Почему нет?

— Почему нет?! Почему бы не уничтожить весь город, убить в нём людей?

— Уничтожь короля. Сожги замок и проклятие. Или игнорируй их и делай то, что хочешь. Пользуйся магией. Ничто не мешает тебе, кроме себя самой.

— Нет. Я так не могу.

— Аврора, — мягко промолвил Финнеган. Он держал её за плечи, был всего в нескольких сантиметрах и убрал волосы с её лица. — Я знаю, что ты ищешь способы помочь Алиссайнии, но ты не должна. Не должна возвращаться. Ты слишком хороша для них. Почему бы просто их не отпустить?

— Потому что я не могу.

Но когда она лежала в постели в ту ночь, глядя на потолок, она начала сомневаться. Она не могла остановиться, представляя плакат, ненавистные слова разным почерком и презрение. Она так долго пыталась угодить людям в её королевстве, и так они реагировали, когда она не смогла соответствовать их ожиданиям. Она волновалась о магии, беспокоилась о причинённом вреде, а они называли её убийцей.

Она пыталась выйти за Родрика за их надежды, а её называли шлюхой.

Они хвалили и любили её, надеясь, что она вернёт в мир магию, и она отшатнулась от идеи, что боялась того, что магия сделает, уверенная, что не сможет воскресить мечты. Но теперь она была магией, и они отшатнулись от неё, оскорбляли, обвиняли во всех своих бедах.

История Алиссайи вернулась к ней. Они не доверяли колдунье, что могла сделать так много силой мысли. Им никогда не будет достаточно. Она сжала руки. Ногти впились в ладони.

Она прежде не была для них ничем, кроме истории.

Аврора выскользнула из постели и вернулась в комнату для попыток. Заполнила ненавистью всё, дыхание было бешеным и отчаянным, гордая решимость о том, кем она

может быть, вопреки всем желаниям и ожиданиям. Она сжала в груди силу, тянула нити, по кусочкам, пока свечи и камин не горел, пока огонь не пылал в руках и не пропадал от дыхания, пока пламя не кружилось вокруг неё, не тронув и один волосок. Сила была безумием. Нерушимой. Она посылала её и тянула обратно, гнев, печаль, волшебство заполняли каждый дюйм, пока она не почувствовала, какая это огромная часть её дышит, как кровь стучит по венам.

И, сжигая магию, она поняла, какой должна быть. Как могла воспользоваться магией, помочь и освободиться.

Просто история.

Она вошла в комнату Финнегана, когда солнце начало восходить. Он лежал без рубашки, и грудь мерно поднималась во сне.

— Финнеган, — сказала она тихо, и он испуганно проснулся. — Я готова.

Он моргнул, всё ещё сонный, сметая волосы с глаз.

— К чему ты готова?

— Давай найдём драконов.

Двадцать

Волосы Финнегана торчали в разных направлениях. Он провёл по ним ладонью, словно успокаивая, и уставился на неё.

— Что?

— Ты был прав. О драконах, об Алиссайнии. Я должна использовать их для атаки короля. Они будут меня ненавидеть. Я должна. Я должна заставить их ненавидеть.

— Рора, о чём ты?

— Они ненавидят меня. Уже ненавидят. Хотят мою силу, но боятся её. Боятся, что не смогут контролировать меня. И я не смогу это поменять. Никогда, — нет, если история Алиссайи правдива. — Так что мне нужны драконы. Я избавлю вас от них. А после отправлю их в Алиссайнию и всё остановлю. Остановлю короля.

— И станешь страшной королевой?

— Нет, — сказала Аврора. — Ничего тогда не изменится. Родрик, он уже помогает. Если он будет королём, я согласна. Они могут ненавидеть меня, а он будет героем.

— И что? Пусть они тебя убьют? — Финнеган выбрался из постели и встал перед нею.

— Я могу исчезнуть, — улыбка, казалось, заполнила всё тело Авроры. — Как Алиссайя. Родрик не будет меня преследовать. Я не буду Спящей Красавицей, я оставлю ответственность и буду делать то, что хочу.

Финнеган вновь провёл рукой по волосам.

— А как же Селестина? Её план?

— Она хотела этого. Хотела немного. Но ты прав. Даже если она меня создала ради связи с драконами, она меня не контролирует. Я использую магию ради добра, даже если люди меня за это возненавидят. Это всё, что я могу.

Финнеган рванулся вперёд, схватив её. В один головокружительный момент она подумала, что он её поцелует, но он лишь рассмеялся.

— Ты удивительна, Рора! — а после он подхватил её на руки и закружил, а она смеялась в восторге, цепляясь за него.

— Ты тоже удивителен, — сказала она, когда он поставил её на землю, и она чувствовала мгновение, что всё изменится, как тогда, когда целовал её — или она поцелует его, и они будут смеяться и мчаться дальше.

Но Финнеган отошёл и схватил рубашку со стула.

— Я свяжусь с Лукасом и мы отправимся на ту гору сегодня. На источник драконов, — он застёгивал пуговицы. — Дай мне пару часов, девушка-дракон, и мы посмотрим, что можно сделать.

Они ушли в тот же день. Подготовку к длительной "прогулке" в руины было нелегко скрыть от Орлы, но Финнеган распланировал всё за несколько дней. Он подготовил ложь о библиотеке на краю острова, чтобы проверить магию Авроры. Предлог на пару дней, прежде чем их хватятся.

Лукас предоставил им пакеты с водой и пищей, спичками для освещения в выжженных пустынях, одеяла для холодных ночей, карты и компасы для навигации. Плащи были водонепроницаемыми, он говорил о покрытии смолой на случай, если нужно будет плыть. Они собрались, поддерживали друг друга и могли отделиться от группы, но у Авроры было меньше, чем у остальных, она не несла дрова.

— Может тебя слишком тянуть, — Лукас улыбнулся. — Ты ещё должна ходить.

— У меня есть опыт в ходьбе. Несколько недель.

— Хорошо, — кивнул Лукас. — Он тебе понадобится. Но нет смысла утруждать дело.

Лукас не забыл Аврору, но его отношение не изменилось. Теперь он говорил с нею, как с полудевушкой-полумифом, захватывающим дополнением к его исследованиям драконов. По словам Финнегана, не заняло много времени убедить вновь путешествовать в руины с ними. Он хотел увидеть, как можно управлять драконами.

На этот раз Финнеган купил лодку, пользуясь Лукасом как посредником для тайны сделки. Они переплыли реку и спрятали лодку в здании на берегу.

— А если её увидят? — спросила Аврора. — Если сожгут?

— Тогда ты пошлешь сигнальные ракеты, — фыркнул Финнеган. — Так что постарайся не умереть по пути.

Вскоре они покинули разрушенный порт и шагали по руинам. Запекшаяся земля под ногами однажды была дорогой, но все обозначения пропали. Ни деревьев, ни кустарников, ни сорняков между грудками камней. Ничего, кроме пепла, пыли и смерти. Несколько холмов и скал разрезали ландшафт, и трупы городов разбросаны были сгоревшими частями на солнце.

В отдалении маячили горы. Аврора видела проблеск движения у вершины, словно кружился дракон, но это могло быть её воображением. Скоро она будет там.

По расчётам Лукаса, поход должен занять пару дней. Они планировали идти большую часть дня, пока не встретят широкую и медленную реку. Тогда пойдут вдоль реки на север, придерживаясь берега, пока не достигнут поворота на юго-запад. К северу реки, говорил Лукас, территория драконов. Драконы жили и к югу, они вообще жили всюду, но были у гор, как говорила легенда, где спали на сухой земле, что тянулась на запад.

Если бы они шли прямо через руины, то дошли бы туда в два раза быстрее. Но без реки, что направит и защитит их, все исследования ведут к смерти. Несмотря на опасность путешествия, Лукас настаивал придерживаться здравого смысла и идти по пути реки.

Лукас хотел добраться до горы благополучно, избегая драконов столько, сколько можно. А тогда дело Авроры. Никто не знал, на что похожа гора, но Аврора представляла пещеру, где можно дойти до центра и драконов, а потом... Она не знала. Она не знала, скольких сможет контролировать.

Может быть, безопаснее начать с контроля одного, потом двух, пока она не достигнет

предела. Она усыпит драконов, потом ещё, пока не останется столько, сколько ей надо для Алиссайнии.

Это не было сильным планом, но как она могла представить, как дело пойдёт с драконами? Она доверится инстинктам, как и раньше. Когда она увидит их, то будет знать, что надо делать.

Они дошли до реки, когда солнце уже поднималось. Она была шире улицы, и вода неслась мимо, перепрыгивая через камни и громко спадая вниз. По бокам росли тростники, сгибались внутрь, словно кланяясь речному богу.

— Там есть заброшенный домик, — сказал Лукас. — Мы отдохнём вечером, перегруппируемся. Это будет последнее безопасное место на некоторое время.

Дом был щедрым словом для маленькой груды щебня, что их ждала, но одна стена стояла у реки, крепкая и не сгоревшая. Остальные не были так хороши, но приюта в поле зрения не было, и Аврора сомневалась, что в они отыщут что-то получше в дикой природе.

Они прошли там, где когда-то была входная дверь. На первом этаже оказалась всего одна комната, хотя стены просели и осыпали землю щебнем, и она казалась достаточно стойкой. Горшки висели над камином, стол был опрокинут среди комнаты.

— Должны проверить наверху, — промолвил Финнеган. — Убедиться, что тут безопасно.

— Дракон тут не поместится, — промолвила Аврора

— Дракон — нет, а вот преступник да. Кто его знает, кто примет это за хорошее место для отдыха.

Лестница привела к чердаку, что наполовину разрушился от пожара и времени. Щебень и плиты падали с крыши, остатки кроватной рамы ещё были в пепле. Что-то сидело на краю кровати, низко к земле, невозможное для темноты. Сердце колотилось, когда Аврора сотворила пламя в руке, посылая свет в комнате.

Это был скелет. Он прислонился к разрушенной стене. Аврора смотрела на него, и тот отвечал взглядом пустых глазниц, упрекая за неведомые преступления.

— Люди не хотели уходить отсюда, — от слов Финнегана Аврора подскочила, и огонь погас. — Думали, что в безопасности около воды, потому остались. Никто не в безопасности.

Она прежде никогда не видела скелеты. Её жизнь за несколько недель переполнилась смертями давно ушедших членов семьи и друзей, но она никогда не видела их трупы, всё оборвалось в один миг.

— Тут безопасно, — промолвил Финнеган. — Зажги огонь внизу, будет холодно.

Они все собрались вокруг камина. Огонь Авроры согревал лица и колени, ночной холод ползал по спинам. Лукас приготовил перекус с солёного мяса и хлеба, что они взяли из города, но Аврора едва попробовала. По коже бегали мурашки, словно скелет всё ещё смотрел из тени.

Финнеган сидел рядом, и его локоть толкал её каждый раз, когда он двигался. Аврора не придвигалась, но и не отстранялась.

Его рукав задел её голую руку, и желание поцеловать его пронзило её.

Лукас наклонился к огню. Пламя освещало его глаза. Он казался так стар, как она поняла тут. Он видел приход драконов. Он видел изменения.

— Лукас, — промолвила она, — вы можете рассказать, как вернулись драконы? Что вы помните об этом?

Лукас придвинулся ближе к огню.

— Они появились из ниоткуда, и у нас не было защиты. Люди не думали, что они существуют, и они сожгли всё в пепел. Никто не верил в рассказы выживших. Дракон сжёг город? Скорее пожар вышел из-под контроля, и оставшиеся в живых сошли с ума от горя. Или чувства вины. Прошло время, прежде чем люди приняли реальность.

— А вы приняли её? — спросила Аврора.

— Я подозревал это с самого начала. Из того, что читал, слышал, я знал, что они существовали, и полагал, что они вернулись. Должно быть, я был одним из первых, кто увидел их и выжил, чтобы об этом рассказать. Я был молод и глуп, потому искал их. Чтобы доказать, что слухи — это правда. И нашёл.

Аврора наблюдала за пламенем, пытаясь представить его. Человек, что пытался сделать миф былью.

— Что вы чувствовали, — она посмотрела на него, — когда впервые увидели?

Лукас уставился в огонь. Свет метнулся по его лицу, выделяя линии и белки глаз.

— Это было ужасно, — сказал он. — И страшно, — но, как он говорил, словно сам себя убеждал.

Если б он чувствовал то, что чувствовала она, когда впервые увидела одного, живого, словно ничего не существовало больше в мире?

— Вы радовались когда-то? Думали... пытались увидеть?

— Нет, — он ответил так резко, что Аврора едва не подпрыгнула, положив руки на колени. Лукас ещё смотрел на огонь, но хмурился, и морщины рассыпались вокруг лица. — Смерть, визг... оно того стоит?

— Я сожалею... Я не думала...

— Нет, — пробормотал Лукас. — Я тоже, — он испустил глубокий вздох. — Мне надо отдохнуть. Потушите огонь, прежде чем уснёте.

Огонь мерцал, пока он говорил. Лукас вытянулся в нескольких футах от них, повернувшись спиной.

— Я была неосторожна, — тихо шепнула Аврора Финнегану. — Просто интересно...

— Не удивляйся. Я тоже задавался этим вопросом.

Она беспокойно накручивала ткань блузы на палец.

— Не жалеешь, что пришла сюда?

Она думала о костях над головой, костях, которыми станет сама, завтра, через сто лет или когда-нибудь. Которыми уже была бы, если б мир был прост.

Может быть, проклятье дало ей подарок. У неё была возможность жить в то время, которое она не должна была увидеть, стать друзьями с Родриком, заигрывать с Финнеганом и выследить драконов среди развалин, что были полны жизни, прежде чем она умрёт. У неё столько возможностей за морем, даже когда королевство грозило порвать её на части. Она не представляла, где в мире есть безопасность.

— Нет, — сказала она. — Я там, где хочу быть.

Но когда они легли спать, ей казалось, что она чувствовала драконов и биение их сердец.

Она ждала, чтобы выскользнуть наружу и увидеть их сияние в тёмном небе, но не посмела уйти. Щепотка здравого смысла говорила ей нет и заставила остаться. Она должна ждать.

Но они зывали к ней долго после того, как она закрыла глаза. И она могла думать

только о завтрашнем дне. Завтра она вновь их увидит.

Двадцать один

Финнеган разбудил её рано утром, коснувшись нежно рукой к плечу. Она села, потянувшись, и почувствовала, как затекла спина.

— Сегодня вверх по реке, — промолвил Лукас.

— Надеюсь, у вас есть убежище, — сказал Финнеган. — Сомневаюсь, что есть что-то подобное, когда мы подберёмся к драконам.

— Тогда как будем спать вечером?

— Осторожно, — сказал Финнеган. — С часовыми. Когда приблизятся драконы, поплывём.

Аврора никогда не плавала в своей жизни.

— Хорошо, — кивнула она, забрасывая рюкзак на плечи.

Прогулка на север оказалась утомительной, гора так медленно росла на горизонте, словно они топтались на месте. Аврора скользила руками по камышам, когда они проходили мимо, и чувствовала мурашки на коже.

Драконы в небе были большими. Аврора могла разглядеть места, где крылья сталкивались с телами, когти на лапах. Она видела, как они рассекали воздух.

Один из драконов приземлился достаточно близко, чтобы слышать рокот, что почти сбил Аврору с ног. Она смотрела на восток, где дракон махал крыльями, хвост молотил со стороны в сторону. Он смотрел на неё. Даже с расстояния она чувствовала его взгляд, что прорезал сердце.

Аврора сжимала кулон и представляла, что чувствовала жар драконьей крови, что светилась в нём.

Пока они шли, Аврора думала о том изорванном плакате и словах на бумаге. Они называли её ведьмой. Видели бы они, насколько она похожа на ведьму сейчас...

Их группа остановилась на берегу реки, когда наступила ночь, как можно ближе к воде, чтобы не свалиться в грязь, и Аврора развела огонь.

— Я буду часовой, — сказала Аврора, когда они скудно поужинали. — Я всё равно не смогу уснуть.

Она почти ждала возражений, но Финнеган кивнул.

— Разбудишь нас, когда что-то услышишь, — сказал он. После согласия принца Лукас уже не мог протестовать. Они с Финнеганом растянулись на твёрдой земле, завернувшись в одеяла, и Аврора призвала огонь. Они не хотели обозначать своё место для драконов среди ночи.

Аврора завернулась в своё одеяло, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Сотни звёзд мерцали над нею, нескончаемо рассыпая свет, сколько она могла видеть, и она склонила голову, глядя на каждую. Она ждала, что ночь будет устрашающе тиха, тишине пролезет в неё, но даже пустыня наполнилась звуком, как только стало достаточно тихо, чтобы слушать. Ветер щекотал уши, и она могла слышать мягкий плеск реки, как только та касалась камней, мягкое дыхание Лукаса и Финнегана. Это был другой вид бессонницы — она поджала ноги и смотрела на реку. Это была нереальная тишина. Мир дышал вокруг неё.

Река отражала луну, создавая второе небо, размытое и искажённое. Она сжимала кулон, вода пальцем по гребням крыльев дракона. Финнеган вновь завозился, одеяло упало к ней. Несмотря на то, что он молчал, она знала, что он не спит.

— Драконы видят в темноте? — прошептала она.

— Не знаю, — отозвался Финнеган. — Не проверял, — одеяла зашелестели, когда он сел. — Они могут осветить себе дорогу.

— Да, это правда, — Аврора прижала большой палец к лапе дракона, словно он сидел на её руке и собирался лететь. — Ты не уснул.

— Не смог. Могу последить, если хочешь.

Она тихо рассмеялась.

— Ты боишься?

— Чего бояться? Съедения драконом? Это не для меня, — он придвинулся ближе. Его рука легла на её, пальцы скользили между костяшками. Она не знала, как он нашёл её в темноте. Она могла видеть очертания его лица, форму носа, но не знала, улыбается ли он.

Аврора отвернулась, глядя на звёзды, ища горизонт без драконов. Красные прожилки на небе.

— Есть одно, что я не могу понять. Вообще. Почему меня разбудил Родрик? Я не люблю его, как истинную любовь. Он меня не любит. И даже если это истинная любовь, почему Селестина мне её дала? Зачем подбирать вещь, что меня разбудит?

— Может, она лгала. И было что-то ещё.

— Но тогда что? Удача? — она положила подбородок на колени. — Думаю, да. Это делает вещи такими простыми. Хорошую спасительницу будит истинная любовь, они живут долго и счастливо. Люди представляют себе моё спасение, а я не знаю, что делать. И если это не настоящая любовь, мы не подходим друг другу, и меня так легко представить злодейкой. Ведь я не человек. Часть истории, — она сжалась, повернувшись к нему и столкнувшись коленями. Она силилась рассмотреть выражение его лица в темноте. — Помнишь бунт в подземельях, в Петрикоре? Тристан. Думаю, Крапива говорила тебе о нём, — но Финнеган молчал. — Я думала, он мне нравится. Что он мой друг, потому что... Потому что был добр ко мне, шутил, был далеко от замка, всем, чем должен быть. Но... я создала его в голове. На самом деле он сильно отличался от того, как я думала. Хотел использовать, как и все остальные.

— Так ты обо мне думала?

— Нет. Я ненавидела тебя при встрече, — такой высокомерный, уверенный, что всё о ней знает. — Лучше сначала ненавидеть, а потом понять, что он не так уж плох.

— Не так уж плох? Ты слишком добра ко мне, Рора.

Она похлопала его по плечу, заставив немного отшатнуться назад.

— Я серьёзно, Финнеган. Я тебя знаю. Нет иллюзий, — слишком просто быть честной тут, в темноте, когда она не могла видеть его выражение лица, они прижались друг к другу и сжимали руки.

Финнеган не был её истинной любовью. Он взобрался по пыльной винтовой лестнице, прижался губами к её губам, пока она спала, в надежде, что их будущая любовь разбудит её. И судьба отвергла её. Он не был её героем, её спасителем.

Но это не означало, что она не могла его выбрать. Мысль при возможности, что предоставит Финнеган, пронзила её. Никаких обещаний и суждений. Просто они.

Теперь Финнеган отвернулся, глядя в небо. Смотрел ли он на красное? Видел драконов на краю света?

Завтра драконы будут под её контролем. Предательство Алиссайнии, помощь врагу... Или предательство Джона, которого она ненавидела. Эта сила, пламя, будет её. Если она захочет, она получит королевство.

Пока не придёт кто-то, кто её свергнет. Пока недоверие не разожжёт бунт.

— Я рада, что я враг, — голос царапал её горло. — Никогда не хотела править на троне.

Финнеган посмотрел на неё, и она чувствовала, как жгли его глаза, вопреки тому, что было темно.

— Тогда чего ты хочешь?

Правда была слишком далеко, одно простое слово не сорвалось в темноте.

— Не знаю. — вместо этого промолвила она. — Я просто провела всю свою жизнь, показывая людям, какая я — как они хотели. И они меня возненавидели. Хочу пространство для себя. Сделать что-то.

— У тебя будет. — сказал Финнеган. — Когда всё закончится, будешь делать то, что хочешь.

Она обнаружила, что кивнула. Её свободная рука сжимала подвеску дракона — неожиданный подарок.

— Финнеган... — она задержалась, не зная, что хочет сказать, не зная, хочет ли говорить вообще. Она посмотрела на землю и поняла, что её бедро прижимается к его. Отпустив кулон, она положила руку ему на колено.

Всего, что она хотела — невозможного, нечёткого огня, жизни с полу сформированной мечтой. И Финнеган. Невозможный, замечательный, подлый Финнеган, что она знала его так мало, но не могла сбежать, не могла перестать думать и быть рядом, кто давал ей острые ощущения каждый раз, когда просто смотрел. Она не должна быть с ним, она знала. Не должна желать его. Но обязанности так запутались за последние пару недель, и всё, что она знала — инстинкты, её часть, что хотела шептать секреты в темноте, кричала на неё придвигаться ближе, прижаться к нему и позволить раствориться в нём.

Её сердце билось так сильно, что она чувствовала его повсюду.

Всё говорило остановиться, но Финнеган говорил идти. Борьба. Ярость. Слёзы. Поцелуй. Свобода.

Почему она должна останавливаться?

Она наклонилась ближе. Его волосы щекотали нос, прядь коснулась уголка губ. Она колебалась, оставаясь в паре миллиметров. Его свободная рука сместилась, притягивая её.

Она вновь подвинулась, рука скользнула вверх, чтобы не упасть, на шею. Новые пряди щекотали кожу, скрываясь где-то, и она запустила в них пальцы, едва смея дышать.

Финнеган склонил голову к ней, и его нос почти коснулся её, пальцы впились в её колено — слишком властно, но он не сдвинулся, чтобы поцеловать её.

Её губы коснулись уголка его губ, слегка промахиваясь мимо цели в темноте. Она хихикнула, не в силах остановиться, вновь сдвинулась в сторону, потянула его к себе. Один поцелуй, быстрый и лёгкий. Неприхотливый. Она отстранилась. Его дыхание согревало её губы. Её рука легла ему на плечо, и она вновь поцеловала его, настойчивее, пока его руки не коснулись её волос, вторая не сжала спину, и она прижалась ещё ближе, уверенная в том, что расстояния слишком много, чтобы она воспламенилась, и надо было остановиться. Она никого не целовала вот так, отчаянье и неопытность переросли в что-то жаркое, неуклюжее, жестокое и вечное.

Дракон на её шее пылал красным.

Двадцать два

Рассвет запускал пламя по небу. Аврора почти не спала — она часами целовала Финнегана, забыв мир, и он наконец-то улыбнулся и сказал, что она должна спать. Он был

часовым, и она позволила ему думать, но лишь закрывала и открывала глаза, переживая их разговор, и могла видеть его взгляд в темноте. Воспоминания о поцелуях расплылись, и она чувствовала их на каждом дюйме кожи. Она никогда не хотела оставлять этот момент, даже если это означало никогда не спать. Она наспала уже на пару жизней.

Но она не дала Финнегану знать, что не спит. Она нуждалась во времени на воспоминания, а так же действия, пережить всё вновь, зажечь в памяти. Время изменилось, и когда она наконец-то села и положила подбородок на колени, Лукас не проронил ни слова.

Она встала. Кивнув Лукасу, зашагала прочь, вдоль речного берега. Ей надо был момент наедине. Чтобы поймать дыхание.

Они столкнутся с драконами сегодня, но она не боялась. Ей было хорошо — оказаться среди драконов ради убеждения, как и с поцелуями в темноте. Опрометчиво, но верно.

Она опустила пальцы в воду, смакуя холод.

Когда она вернулась в лагерь, Финнеган не спал, и все их следы присутствия пропали. Финнеган и Лукас разговаривали вполголоса, но когда Финнеган увидел её, то улыбнулся. Это была смесь нежного взгляда в библиотеке и волнения, что сияло каждый раз при разговоре при драконах. Аврора ответила на взгляд. Труднее было встретиться с ним и их поцелуями при солнечных лучах вокруг. Казалось, она принадлежала теперь память тьмы, и вид Финнегана напоминал, что и ему тоже. Она стеснялась, и кости словно вдруг стали больше тела.

Она закинула мешок на плечи.

— Давайте идти, пока не слишком поздно.

Они час шли молча, даже не комментируя смерть в воздухе.

Полуденное солнце сияло над головой, когда земля потянулась вверх, склоняясь под ногами. Дышать стало трудно.

Они поднимались на гору в тишине. Ноги Авроры ныли от усталости, но она заставляла себя оставаться спокойной, шагать сразу после боли. Руины тянулись ниже.

Тогда земля вновь потянулась вниз, окунаясь в сердце горы.

— Ну, — сказал Лукас, когда они остановились на краю спуска, всматриваясь в темноту. — Вот.

— Вы бывали тут прежде? — спросила Аврора.

— Однажды. Только один раз.

Она глубоко вздохнула, позволяя жару наполнить лёгкие. Она всё ещё чувствовала пыл ночи, руки Финнегана на талии, кулон, что горел на коже. Девушка-дракон, как он называл её вновь и вновь, шепча на ухо, позволяя скользить по коже. Она не боится.

— Вы можете подождать тут. Это будет безопаснее для меня одной.

Финнеган рассмеялся.

— Значит, разойтись — это теперь хорошая идея? Если что-то пойдёт не так, когда ты будешь одна, ты погибнешь. Мы с тобой.

— Тогда помните. Драконы мои.

Её прогулка стала такой неуклюжей, набирая обороты. Сзади слышались мужские шаги.

Пещера становилась темнее, пока они шли. Солнце заглядывало во вход, но Аврора ничего не видела в пещере, ничего не слышала, словно камни всё впитали.

Аврора протянула руку, думая о поцелуях в темноте. Она вызвала небольшой шар пламени, бросая свет на стены. Она видела теперь черты породы и контуры лица Финнегана, когда он шёл рядом, но всё вне света казалось ещё темнее. Более угрожающее. Пламя

неопределённо мерцало, и она хмурилась, удерживая магию.

— Рискованно, — промолвил Лукас, — тут показывать свет.

— Это всегда рискованно, — промолвила Аврора. — А так мы хоть что-то видим.

Они выбрали путь по скользким камням — вниз, вниз, вниз. Тогда дорога скрутилась и раскололась. Она не видела дно туннеля, потому выбрала левый, менее крутой.

— Ты можешь послать свет вперёд? — голос Финнегана был чуть громче шёпота.

Как только она попыталась толкнуть свет, он ослаб, отзываясь жжением в груди. В парке всё было так легко, но она не могла держать под камнями. Она покачала головой.

— Я пойду первой.

Финнеган схватил её за свободное запястье, но не остановил.

Тепло бросилось к ним. Аврора вздрогнула, когда дракон рванул вверх по туннелю красной, его глаза горели, как угли. Он остановился в нескольких футах от Авроры. Он прижимал крылья к телу, чтобы поместиться в пещере, но Аврора знала, что он ещё маленький, в сравнении с тем, что она видела. Его голова покачивалась взад-вперёд, он смотрел на них с полуоткрытым ртом, и свет Авроры отбивался от клыков.

Он мог уничтожить их в одно мгновение, сжечь, не оставив следов существования, но несколько секунд смотрел на них с любопытством, словно спрашивая, зачем они пришли.

— Девочка... — шепнул Лукас.

Дракон повернул голову на звук его голоса, и его губы изогнулись.

— Привет, — мягко, успокаивающе промолвила Аврора. Она сделала шаг вперёд, поддерживая огонь в воздухе. — Здравствуй. Посмотри на меня.

Дракон посмотрел на неё, остановился, словно пытаясь разгадать. Аврора встретила его взгляд, и дрожь ужаса и волнения промчалась сквозь неё. Огонь вырос.

Финнеган крепче сжал её руку, но Аврора отстранилась. Дракон посмотрел на неё, его хвост ударился о стену, но Аврора вышла вперёд, протянув руку.

— Привет. Привет... Мы не причиним вреда. Мы не собираемся причинять тебе боль, — дракон дюйм за дюймом опускал голову, пока Аврора не ощутила его горячее дыхание на своей коже. Свет в руке утих. Она едва заметила. Она думала только о величии существа. Она знала глубоко в душе, что она не причинит ей боль. Очарование — она им, он ею.

Она коснулась пальцами носа дракона. Чешуя была гладкой и прохладной, как будто дракон источал столько тепла, что не оставил ничего для кожи.

Финнеган потерял значения. Также как и Лукас. Хаос в Алиссайнии, ненависть ожидания — ничего не было важным, когда она водила рукой по морде, загипнотизированная ощущением линии чешуек.

— Привет, — повторила она. Дракон смотрел на неё.

— Осторожно, Аврора, — промолвил Финнеган.

Дракон подвинулся, глаза остановились на Финнегане. Руки Авроры гладили нос, пытаясь вернуть внимание. Но оно сосредоточилось на Финнегане, незваном госте.

— Спокойно, — промолвила она, но он не слушал. Мышцы напряглись. Кулон на шее горел. Она отступила назад.

— Аврора, — повторил Финнеган.

Дракон закричал.

— Аврора!

Ногти царапали горло. Аврора обернулась в шоке, когда Лукас схватил кулон и дёрнул.

— Вот так, — цепь лопнула, Лукас бросил его в воздух.

Дракон вновь взревел. Его крик потряс стены пещеры, всё пошатнулось. Он смотрел вверх, но на Финнегана. Хвост ударился о камень.

— Финнеган, осторожно! — заорала Аврора, забыв о волшебстве. Финнеган прильнул к земле, и порыв пламени пронёсся над ним в стену. Всё пылало.

— Финнеган! — она рванулась вперёд и схватила его за руку. Он поморщился, и его кожа была слишком жаркой, горячей, красной, опаленной огнём.

Вода летела в воздух, и дракон вздрогнул. Лукас стоял перед ним, держа пустую флягу в левой руке — и тянулся уже за другой.

Аврора не могла найти магию, не могла собрать нить, не могла даже думать о том, что происходило или что должна делать. Она сжала руку Финнегана и потянула его по склону от обезумевшего существа. Лукас уставился на дракона и побледнел.

— Беги, — сказала она, толкая Финнегана в сторону Лукаса. — Уведите его отсюда!

Лукасу не надо было повторять дважды. С силой, которую Аврора не дала бы старику, он потянул Финнегана вверх и помчался к выходу их пещеры.

— Аврора, — повторял Финнеган, бормотал и кричал, но она повернулась к нему спиной, столкнувшись с драконом. Она не могла думать и дышать, сердце гналось, но дракон был очарован, был спокоен и ручной, и она могла думать только о том, чтобы его привлечь. Она потеряла контроль, и Финнегана чуть не сожгли, он мог умереть, все умрут, если она не восстановит его.

— Стой! — закричала она. — Стой! Я не причиню тебе боль!

Дракон продолжал реветь, корчиться, но не сжимал челюсти и не дышал огнём.

Она должна контролировать. Успокоить, и они все будут в безопасности. Но она не знала как. Он не слушает её, она не могла двигаться. Она могла только смотреть и заставлять себя дышать.

Слишком много — страх за Финнегана, взгляд дракона, её неудача, всё лишало шанса думать, схватиться за идею, чувство, вытащить магию.

Она сделала шаг назад, нога поскользнулась. Ещё шаг, не отрывая глаз от дракона, уверенная, что вот-вот упадёт и будет смята.

Дракон сдвинулся назад, сжимая крылья над головой.

Аврора побежала. Она бежала быстрее, чем когда-либо, ноги скользили по земле, там, где споткнулись Финнеган и Лукас. Она бежала, а за нею летел дракон, хвост грохотал о стены, крылья металась, набирая размах. Аврора влетела в Финнегана и Лукаса, пользуясь силой, чтобы прижать их к земле, и над ними пронёсся дракон, его челюсти извергли пламя в открытое небо.

Они лежали неподвижно. Сердце Авроры чувствовало, что хочет вылететь. Она села, сжала кулон в руке, уставилась на Финнегана во тьме. Она ничего не видела, когда дракон пропал, не могла найти силы, чтобы вызвать свет. Паника поднималась в ней. Финнеган пострадал. Финнеган сгорел, она не смогла его удержать.

— Аврора, — голос Финнегана пронзила боль. — Аврора, ты в порядке?

— Я в порядке. Мы должны вытащить тебя отсюда. Нам надо двигаться, идти...

— Паникуешь, маленький дракон? — кашлянул Финнеган. — Сейчас не самое лучшее время.

— Ты можешь стоять? — спросила она.

— Думаю, да.

Они с Лукасом подняли его на ноги и повели, шатаясь, к выходу. Финнеган тяжело опирался на Аврору, его рука схватилась за плечо. Свет был неимоверно далёк.

Когда они вышли из пещеры, яркость солнца сожгла глаза Авроры. Она смотрела вперёд, не глядя на Финнегана, пока они не взобрались на внешний склон и не упали на груды камней, тяжело дыша.

А потом она посмотрела. Одна сторона Финнегана, которую она держала, выглядела прекрасно. Пыльный, поцарапанный после падения, но здоровый. Но правая половина лица почернела, ожоги пробежали по руке, растопили рубашку и прижали к животу.

— Финнеган...

Лукас положил Финнегана на землю в защите скал. Он провёл пальцами по краю ожога.

— Крем. В пакете, — промолвил Лукас.

Аврора развязала сумку и порылась внутри. Руки тряслись.

— Это его вылечит?

— Нет, — Лукас выхватил банку, как только она достала её, зачерпнул крем пальцами. Финнеган зашипел от боли, когда Лукас протёр его ожоги. — Но это поможет. Мы должны вернуть его в Ванхельм. Сейчас.

— Это два дня ходы!

— Мы можем сделать это за день, — сказал Лукас. — Если пойдём прямо. Не вдоль реки. Но у нас нет безопасности и виды. Если дракон нас найдёт...

— Плевать, — сказала Аврора. — Нет выбора.

Ничто не жило от огня дракона. Это говорили ей руины, когда она скользила по ним в горы.

Солнце опалило кожу на спине Авроры, но они шли шаг за шагом, игнорируя крики драконов, всё, кроме ноги, потом ещё, через сожжённые деревни, пустоту, тени и шёпот ветра. И медленно Ванхельм приобретал форму, тусклые здания тянулись к небесам.

Двадцать три

Стемнело, когда Финнеган заговорил.

— Стойте, — сквозь зубы прошипел он. — Мне нужен отдых. Минута, — они опустились на землю, прижимаясь спинами к полурасплавленной стене.

— Как далеко мы от Ванхельма? — спросила Аврора.

— Доберёмся около полудня.

Полдень. Солнце едва поднялось. Они не могли тащить Финнегана ещё шестнадцать часов. Он не мог идти, его кожа чернела и жгла. Они не вернутся во дворец с ним.

Но у них нет выбора. Они добьются успеха.

— Тебе больно, Аврора? — спросил Финнеган.

Каждый дюйм её болел, но она покачала головой, заставив себя улыбнуться.

— Я хорошо. Здорова. Просто беспокоюсь о тебе.

— Ты так странно держишь руку...

Дракон был в её кулаке. Он впивался в кожу.

— Мой кулон. Я забыла... — она всё забыла в панике. Она посмотрела на Лукаса, двигаясь так внезапно, что шея заныла. — Ты сломал его. Бросил на землю.

— Да. Дракон вышел из-под контроля. Я думал, он собирался тебя убить.

— Так зачем сломал мой кулон?

— В нём кровь дракона. Я подумал, что если выброшу, дракон пойдёт за ним, и мы сбежим.

Она посмотрела на кулон. Серебряная цепочка сломалась и бесцельно висела на ладони. Она не верила ему. Его слова звучали разумно, но дрожание в голосе и слишком высокий темп предполагали ложь. Независимо от рассуждения, он её не защищал.

— Мне нужна будет новая цепочка, когда вернёмся, — она не понимала, что ещё можно сказать.

Финнеган рассмеялся, но это больше походило на стон.

— Я дам новую. Ты заслужила это после сегодняшнего успеха.

— И кто теперь плохой лжец?

— Тем не менее, ты, Аврора, всё ещё ты, — Финнеган рывком встал на ноги, морщась от боли. — Лучше идти. Не хочу пропустить обед по возвращению.

Небо было огромным и тёмным, освещённым несколькими звёздами и луной, но Аврора видела, что очертания Ванхельма росли с каждым шагом, когда они приближались.

Она не осмелилась создать свет.

— Если б у тебя была магия воды, — промолвил Финнеган. — Это бы помогло.

Она заставила себя улыбнуться.

— Я могла бы потушить дракона, — но он не ответил, и она попыталась представить, что означала бы магия воды. Спокойствия, полный контроль. Всё, что надо.

Они достигли Старого Города за пару часов до полудня. Ноги Авроры дрожали, когда они шли через развалины. Лодка всё ещё была в безопасности, и Аврора и Лукас отнесли её к реке. Аврора была уверена, что силы закончатся в любой момент, что она рухнет на колени и не будет двигаться, но решимость победила. Они поместили Финнегана в лодку и поплыли к городу.

Она старалась не смотреть на его раны, не думать о том, сколько прошло времени с момента их получения, даже его попытки смеяться и шутить уже прошли. Она смотрела на город, а не на горизонт, что похитил её дыхание, когда она впервые увидела её.

Лодка ударилась о док, и Аврора выскочила, крича, размахивая руками из последних сил.

— Принц! Принц обожжён! Вы должны помочь! — люди появились отовсюду, словно ждали её крика. Они приходили на клич, пока не прибежала королевская стража.

Они поспешили прочь, и она осталась на тротуаре, пыльная и истощённая, глядя ему вслед.

Толпа сжималась вокруг дворца.

"Да, принц... Я слышал, что он ранен. Что мёртв. Что это драконы".

Аврора протолкнулась и пошла по ступенькам. Стражник слева открыл дверь без единого слова.

— Финнеган, — горло сжалось. — Он...

— Он внутри, — сказал стражник. Не уточнил. Даже не посмотрел.

Она споткнулась в дверях. Горничные и стража бежали через прихожую, крики раздавались эхом из лабиринта комнат слева.

Она схватила горничную за руку, сильнее, чем хотела, и пошатнулась.

— Где Финнеган? Отведи меня к нему!

— Он в своей комнате, моя леди, — горничная повела её по лестнице вдоль верхнего коридора. Ноги Авроры дрожали от боли и оцепенения. Она чувствовала, словно плывёт над землёй.

Два стражника стояли снаружи двери Финнегана.

— Никто не может войти без разрешения королевы, — промолвил один.

Аврору не остановит стража. Не сейчас.

— Я должна увидеть Финнегана. Убедиться, что он в порядке.

— Не без разрешения королевы.

— Но где королева? Отведите меня к ней! Я должна его увидеть! Должна...

— Я тут, — Орла вышла из комнаты Финнегана. Она была бледна, волосы спадали на лицо, губы стали красны.

Аврора хотела приблизиться, пройти в дверь, но ноги не двигались.

— Финнеган, — повторила она. — Он в порядке? Он...

— Не знаю. Маловероятно.

Аврора пошатнулась. Она положила руку на стену, чтобы не упасть.

— Что вы имеете в виду? Он умирает?

— Он был обожжён драконом, Аврора. Как думаешь, ему хорошо? Никто после этого не выздоравливает!

— Но...

— Но что? Вы думали, что бессмертны? Что бегать на экскурсии безопасно?

Не совсем. Она знала, что это рискованно, но Финнеган казался таким уверенным, так что идея истинной опасности была невозможной. Это только романтическая опасность, что заставляла сердце биться, дарила захватывающие истории, но, в конце концов все были без потерь.

— Не понимаю вашу глупость. Как можно быть такими бессмысленными?

— Мне жаль... мне очень жаль... Я не хотела... — Аврора не могла говорить. Она не знала, что сказать.

— Сожаление ничего не значит, если ты не можешь помочь. Полагаю, твоя магия не может быть использована, или ты бы его исцелила.

— Нет, — голос Авроры дрожал. — Я не знаю, как ему помочь.

— Тогда убирайся с глаз моих!

Аврора не двигалась.

— Вы дадите мне знать? — спросила она. — Если он... Любое изменение...

Орла посмотрела на неё.

— Я кого-то пошлю, — наконец-то выдавила она.

— Спасибо, — Аврора не хотела уходить, но не могла вечно стоять в коридоре, глядя на запёртую дверь. Она повернулась, чтобы идти, но остановилась. — Он думал, что поступает правильно. Что помогает Ванхельму.

— Тогда он ещё больший идиот, чем я думала, — сказала Орла. — Иди.

Шаги Авроры были слишком громки, когда она ушла.

Она могла проникнуть в покои Финнегана через дверь библиотеки. Никакой стражи, что её увидит. Она остановилась, почти готова повернуть к лестнице, но смысл? Она не могла помочь. Как говорил Финнеган, её магия — пламя. Она не умела лечить.

Но Селестина умела.

Селестина знала, что делать. Она спасала жизни, да? У неё есть лекарство.

Аврора протиснулась в свою комнату и прижалась спиной к двери. Ей нужно решение, способ помочь Финнегану без ведьмы. Но она недели потратила на огонь. Она даже не знала, есть ли у неё силы, кроме пламени и света. А Финнеган не мог ждать. Он умирал.

Он доверял ей, доверял магии, и она ничего не могла сделать.

Безумие ли гнало остальных к Селестине сто лет назад? Мысль, что она поможет. Что она может что-то сделать.

Никто не выигрывал в сделках с Селестиной. Аврора — живое тому доказательство. И она знала, какая будет цена Селестины. Союз. Аврора на её стороне.

Но Финнеган будет жить. Он был единственным человеком, что видел её силу и гнев, но любил при этом. С ним она могла быть собой. Настоящей. И если он умрёт, люди скажут, что это его вина, что он умер от эгоизма и безрассудства. Они не признают, что он хотел помочь.

Аврора споткнулась на опухших ногах. Селестина была слаба, обезумела от столетия истощающейся магии. Если Аврора может выбрать сделку, она её перехитрит, возьмёт желанное, а после прогонит, как прежде...

Она могла предложить Селестине услугу, ещё одну каплю магии, что-то маленькое и конкретное. И получить больше, чем жизнь Финнегана. Если она поговорит с Селестиной, поторгнется, ведьма позволит выскользнуть чему-то, что можно использовать. Селестина подумает, что Аврора слаба, но Аврора будет слушать. Будет сильной.

И она должна заботиться, поможет ли Селестина? Народ Алиссайнии её ненавидел. Они презирали её. Её союзники умерли или пропали, королевство горело, называя её предательницей. Шлюхой.

Почему она должна жертвовать единственным светом в своей жизни ради них? Они того не сделают.

Она не могла позволить Финнегану умереть. Селестина была единственным ответом, что у неё был.

И она знала, что близка.

Библиотека была пуста. Аврора рывком закрыла шторы, блокируя солнечные блики и суету на улице. После вызвала пламя, рассеивая свет и тень по комнате.

— Селестина, — сказала она. Тяжёлые шторы поглотили весь звук. — Селестина! — повторила уже громче. — Я знаю, что ты слышишь! Мне нужна сделка!

Ничего не случилось. Самоосознание скользило по спине Авроры. Но Селестина хотела её мольбы. Она будет смотреть. Она не может проигнорировать.

— Селестина!

- Ты практиковалась, — Аврора повернулась. Селестина стояла позади неё, пальцы танцевали вокруг одного из огней Авроры. Она выглядела сильнее, чем прежде, выше, волосы стали толще. Они окружали её лицо в форме сердца, краснотубая улыбка походила на рану. — Впечатляет. Но со мной ты узнала бы больше, — она подняла руку, и огни Авроры умерли. — Бедная девочка. Я же тебе говорила. Сказала, что ты пожалеешь, что отвернулась. Но ты не верила, и вот мы тут, — она подошла ближе, скользя пальцами по шее Авроры. — Финнеган умрёт без магии. Ты знаешь.

— Что мне сделать?

— Ты знаешь, что так дела не делаются. Скажи мне желание, скажи, что хочешь, и мы увидим.

— Спаси его! — воскликнула Аврора. — Излечи от ожогов, сделай так, что он будто не горел! Пожалуйста!

Селестина склонила голову.

— А в ответ? Что ты мне дашь?

— Ещё часть магии, — сказала Аврора. — Как тогда.

Селестина рассмеялась. Звук был сладким и острым.

— Ну, Аврора. Ты думаешь, что это всё, чего стоит жизнь твоего принца?

— Союз.

— Зачем мне торговаться? Ты и так моя. Если Финнеган умрёт, ты потеряешь последнего друга. Королева Орла тебя тут не будет держать, обвинит в смерти сына. Король Джон не даст тебе жить, Родрик не защитит. Если Финнеган умрёт, ты приползёшь ко мне, крича о мести. И я не буду торговаться за то, что и так могу получить, если не вмешаюсь.

— Так чего ты хочешь?

— Лишь немного. Я хочу, чтобы ты вернулась в горы и столкнулась с драконом. Взяла его сердце и принесла мне.

Аврора пыталась дышать изо всех сил. Она была права. Все теории о Селестине, возвращении драконов, планах... Она была права.

— Принеси мне сердце дракона, принцесса. Положи в мои руки, и я сохраню твоего драгоценного принца, — она погладила линию челюсти Авроры длинным пальцем. — Что же? Боишься взять сердце живого существа, что убило десятки тысяч людей, чтобы спасти своего принца? Ты слишком хорошая?

Нет, она не слишком хорошая. Она уже торговалась с Селестиной. И если б сделала это, то дала бы Селестине желаемое. Способность контролировать драконов, как Аврора.

Но Селестина попросила отдать в руки. Формулировка в сделках имеет значение. Аврора положит сердце в руки Селестины и выполнит сделку. Селестина не говорила, что надо позволить его держать.

— Почему не берёшь сама, если сильнее, чем я?

— Я не могу, — сказала Селестина. — Это должна быть ты.

Слова на стене комнаты. Только её. Она права. Она была права.

— Если я сделаю, Финнеган будет жить?

— Он будет жить.

— Не просто жить, — сказала Аврора. — Он будет здоров, как прежде. Дракон ничего не поменяет в нём.

— Он не изменится, но будет помнить.

Если Аврора поместит сердце дракона в руки Селестины, ведьма будет ими управлять. Но Финнеган будет жить.

И Аврора могла обмануть Селестину. Она могла выполнить сделку и забрать сердце. Использовать его сама. Использовать связь с драконами, чтобы сжечь Селестину. Сердце может у неё не работать. Ведьма ошибалась о драконах и прежде, так с чего взяла, что может взять сердце? Может, она не использует его, даже взяв в руки.

Но Аврора не могла быть уверена.

— Что ты собираешься делать с этим? — спросила она.

— Это не часть нашей сделки и не твоя беда.

— Я хочу больше. Если я даю тебе сердце, мне нужны ответы. Честные.

— Ты назвала цену, — сказала Селестина. — Но я щедра. Я отвечу на три вопроса. Хорошее число, да? Три вопроса, жизнь твоего драгоценного принца, и всё за сердечко. Мы договорились?

Аврора закрыла глаза. В темноте она почти чувствовала запах обугленной кожи Финнегана. Она чувствовала его руки на талии, губы на губах, жизнь в душе. Выбор для себя. Она скорее сожжёт Петрикор, прежде чем позволит одной из немногих хороших вещей в

своей жизни умереть.

— Да. Договорились, — Селестина сжала её запястье, притянув её так близко, что Аврора могла чувствовать дыхание ведьмы на щеке.

— Хороший выбор, — шепнула она.

Двадцать четыре

Аврора хотела уйти сразу, но бессилие тянуло её вниз, и она нуждалась в силах, если собиралась выжить. Она должна использовать день, чтобы отдохнуть и подготовиться.

Её пакет ещё требовал дополнения за два дня безостановочного путешествия, и она потребовала на кухне свежий хлеб и воду. Ноги были покрыты волдырями и кровоточили, потому она завернула их в бинты, пытаясь повторить действия Крапивы недели назад. Если бы Крапива была тут... Она б знала, что делать.

Она отыскала ещё одну цепочку в шкатулке на туалетном столике, но та была короче, и дракон лежал на ключицах. Он гремел при каждом движении.

Она отправилась до рассвета на следующий день, одетая в свежую тунику и брюки, завернув волосы в пучок. Её кинжал покоился на поясе и касался бедра при каждом шаге.

Док был пуст, если не считать пару рыбаков, что поставили лодки на день. Лодка ждала там, где они её оставили, прикреплённая к станции кем-то верным, когда Аврора убежала. Она подошла к ней, и никто даже на неё не покосился.

— Девочка!

Лукас перешагнул через станцию за нею.

— Что ты делаешь? Собираешься идти одна?

Она схватилась за верёвку, что привязывала лодку к причалу.

— Я должна. Должна это сделать.

— Туда? Ты погибнешь. Как это поможет Финнегану?

Она посмотрела на него. Его плечи были напряжены — почти агрессивно. Рука инстинктивно потянулась к кулону.

— Я хочу вернуться в горы. Посмотреть, как мы и планировали. Это всё, что может помочь.

— Я понимаю порывы, девочка, но это не поможет.

— Может быть, — кивнула Аврора. — Я попробую, — она смотрела на него. — Что вы тут делаете? Собирались пойти в руины?

— Я был, — своим спором он бросал ей вызов. — Я думал, будь у меня больше информации, я б нашёл лекарство. Но я эксперт, девочка. Я знаю, с чем имею дело. Ты не можешь идти.

Он лгал. Он знал о её силе, знал, на что она способна. Во всяком случае, она была в руинах в большей безопасности, чем он. Он что-то скрывал.

— Вы меня не остановите. Оставайтесь с Финнеганом. Ему нужны эксперты.

Лукас покачал головой.

— Я не могу помочь ему сейчас. И если не могу остановить тебя, полагаю, лучше идти вместе. Две пары глаз лучше одной, а Финнеган не простит, если с тобой что-то случится, — он уверенно развязал узел.

Она должна отказать. Ей не нужны новые сложности. Но ей надо двигаться быстро, Лукас хорошо знал дорогу. Она не поможет Финнегану, заблудившись. И ей было любопытно. Что он собирается делать? Он видел её пламя. Знал, что не может причинить боль. Так что он так скрывает, что хочет узнать?

— Хорошо, — кивнула она. — Поехали.

Они шли по развалинам в тишине, следуя по пути, который они выбрали в прошлый раз. Мир был тих, словно королевство затаило дыхание. Или, может быть, Аврора была слишком сосредоточена на боли Финнегана, и в панике не замечала ничего вокруг. Теперь воздух был полон драконов. Их путешествие прерывали крики и тени. Каждый раз, когда они оставляли города и шагали по открытой местности, они бежали, ныряя, как только драконы на пару дюймов снижались.

Впервые Аврора боялась драконов. Она не могла контролировать одного в горах. Что не так, почему нет? Она могла попасть в ловушку.

Но нет. Селестина хотела сердце дракона и нуждалась в Авроре, чтобы получить его. Это означало, что она права насчёт связи с драконами по крови. Она потеряла контроль в горах, но это не повторится.

Они с Лукасом не разговаривали. Аврора думала о том, как иметь дело с Селестиной и бороться с Лукасом. Он был сложен. Селестина может не желать говорить с Авророй, пока он там, и Аврора не знала, как улизнуть от него среди развалин для частной беседы.

Может быть, она могла использовать его в свою пользу. Его присутствие может отвлечь Селестину. Но Селестина его убьёт, если он будет угрожать ей или её схеме.

Она прокручивала план в голове. Она позволит Селестине коснуться сердца, взять в руки, а после превратит в ничто. Если у неё есть сходство с драконами, если у них одна кровь, она может подключиться к магии сердца и сжечь его изнутри. Селестина останется ни с чем, но сделка будет выполнена.

Это не было хорошим планом. Но было единственно верным.

И она получит три вопроса. Три честных ответа от ведьмы. Достаточно большое число. Она могла спросить о проклятии, матери, магии и драконах, прошлом Селестины. Она могла узнать, что хотела Селестина, что намерена делать. Но она не могла вместить столько нюансов в три вопроса.

Ей нужно узнать больше о планах Селестины. Но были и другие вещи, что она должна знать. Жертвовать ли шанс на ответ для помощи людям, что её ненавидят?

Она не знала.

Они дошли до деревни, наполовину целой, когда опускалось солнце. У некоторых зданий ещё были крыши, небольшое озерце ждало их посреди центральной площади. Аврора опустилась на землю и зачерпнула воду. Вкус пепла присутствовал, но было прохладно. Звёзды блестели, пламя сияло на небе.

— Мы должны остановиться, — Лукас казался запыхавшимся. — слишком опасно идти сегодня, и тут самое безопасное место для отдыха до утра.

— Нам надо идти так быстро, как мы можем, — всё тело Авроры болело, но она не могла остановиться. — Финнеган не может ждать.

— Лучше подождать ночь, чем не вернуться вообще.

— Можем отдохнуть час. Но я пойду дальше, с вами или одна.

Лукас опустился на землю рядом с нею, выпуская вздох.

— Это рискованно, — промолвил он.

— Как и быть здесь.

Она позволила своим пальцам скользить по воде, когда они сидели, глядя на небо. Драконы были вокруг, сверкали в поле зрения.

— Они были тем, что вы ожидали? — спросила она. — Драконы. Вы изучали их много

лет, прежде чем вернулись. Они были такими, как вы ждали?

— Нет.

— А чего вы ждали?

— Я не ждал, что они будут убийцами, — сказал Лукас. — Не ждал, что уничтожат королевство. Знал, что драконы убивают и жгут, это нетрудно, но есть разница между знанием и принятием. Я не знал, пока не увидел первое сожжённое село. Эти существа не могут быть такими же после увиденного.

— Нет, думаю, нет, — зуд пробежал по ногам Авроры, и ей надо было идти, покинуть город и закончить начатое. Она вскочила на ноги. — Можете сидеть тут, если вам нравится, но я иду.

Лукас встал без слов, и они вновь пошли по руинам.

Солнце взошло, и гора выросла перед ними, пока не стала единственным, что Аврора видела, пряча небо, заполняя мир. Несколько драконов обходили зазубренную вершину. Аврора поднималась, ноги ныли, и валуны скатывались вниз по склону гор.

Тогда земля склонилась в сторону, и пещера поглотила их, глуша звуки. На этот раз Аврора не создавала свет. Они будут идти вниз, и драконы осветят путь.

Может, это земля тряслась, предупреждая, что к её спине что-то слишком близко. Может, испуганное восклицание Лукаса, тяжелое дыхание на ухо, прошёптанное "мне очень жаль", когда он наклонился. Может, ожидание холодного блеска стали, когда он прижал к горлу. Боль разрезанного подбородка, и магия хлынула из неё.

Лукас закричал. Нож выпал из его руки, покраснев. Он свалился на землю с грохотом, и Аврора толкнула его, пытаясь отбросить, а второй рукой потянулась за своим. Свет мерцал между ними, освещая испуганное лицо Лукаса.

— Что ты делаешь? — прошипела она.

— Я должен. Если б ты понимала...

— Что? Старания убить меня?

— Мне жаль. Я не могу пустить тебя туда.

— Почему? — выплюнула она. — Потому что это слишком опасно.

Её кулак сжался вокруг кинжала. Она сделала шаг вперёд, заставив Лукаса прижаться к стене.

— Почему та напал на меня?

— Ты не понимаешь, — он посмотрел в туннель. Его тело тряслось. — Вы с Финнеганом два дурака. Драконы уничтожили большую часть королевства. Кто знает, что они сделают, если ты им помешаешь? Что делать, если ты научишь их пересекать воду? Я не могу позволить тебе сделать это...

Далеко внизу зарычал дракон.

— Таким образом, ты пришёл сюда, чтобы убить меня? — её рука с кинжалом дрожала. — Почему не ударил на причале?

— Надеюсь, что ты повернёшь назад, — сказал Лукас. — я не хочу этого делать.

— Ты сорвал мой кулон. Ты думал, это нас остановит, знал, что испугает дракона. Это твоя вина. Ты причинил Финнегану боль.

— Нет, — сказал он, не дрогнув. — Ты.

Но она не отступит. Она сделает это.

— Иди, — сказала она, указывая вниз в туннель кинжалом. — Ты можешь продолжить путь.

Двадцать пять

Путь уменьшался, стал настолько узким, что не более трёх человек могли идти бок о бок. Теперь она поняла, почему они столкнулись только с одним драконом, пока спускались. Большинство просто не прошли бы. Должно быть много туннелей, сто путей в сердце горы, широкие ходы, где летали драконы.

Они повернули за угол, и Лукас остановился так внезапно, что Аврора почти врезалась в него. Она отклонила руку в последний момент, едва не задев кинжалом его спину.

Туннель заканчивался огромной пещерой, полной тепла и камня. Стены сверкали драгоценными камнями, а потолок был настолько высок, что Аврора едва видела его, и драконы смотрели своим горящими глазами. Их вопли эхом отражались от стены к стене, усиливаясь в сотни раз.

На мгновение всё, что она могла делать, это смотреть, принимая зрелище. Столько драконов. Столько огня.

Она прошла в центр пещеры, вокруг сталагмитов, что блестели, словно магию заключил камень. Она провела по одному рукой, почти ожидая, что её ладонь обожжёт. Он был грубым на ощупь и вызывал дрожь.

Она вытянула шею, наблюдая за тенями вокруг сталактитов.

Ну же!

Воздух наполнился теплом, и магия Авроры вспыхнула в ответ, заставляя голову кружиться. "Иди сюда", — подумала она, посылая магию и шар пламени вокруг.

Позади неё взревел дракон. Аврора повернулась, и он лежал на земле, шея извивалась, и сверкал глазами.

Аврора сделала шаг вперёд. Ей не будет больно, она знала. Они похожи, огонь и кровь, и магия Селестины в жилах. Драконы не причинят ей боль.

Она протянула руку ладонью вверх. Тепло коснулось кожи.

Она посмотрела на грудь дракона, ища слабость, намёк на то, как забрать сердце. Но не могла нанести вред существу, что было столь страшным и благоговейным. Она не могла вытащить её сердце и отдать ведьме.

Дракон наблюдал за нею.

Но никто не смотрел на Лукаса. Он схватил запястье Авроры, выворачивая его, пока она не выронила кинжал. Она вскрикнула, зажигая магию, но Лукас уже схватил оружие. Он полоснул её, но она отпрянула. Кончик ножа разрезал кожу, и кровь окрасила красным тунику.

Лукас вновь рванулся вперёд с кинжалом — и он был выбит. Дракон поднялся на задние лапы. Его крик сотряс каждый камень в пещере. Он повернул голову, глаза смотрели на рану Авроры. Голова откинулась на Лукаса. Тот отшатнулся, роняя кинжал. Аврора знала, что он убьёт её. Кровь пробудила что-то в существе, и он сожжёт их.

Она двигалась инстинктивно, в страхе за Финнегана, за неё, потребность ответа набухла внутри и вела вперёд. Свободная рука схватила за грудь дракона и потянула — кровь пела вместе, кулон с драконом горел достаточно горячо, чтобы крылья отпечатались на коже.

Рука соскользнула, задевая гладкие драконьи чешуйки, а после глубже, в чистое тепло, пульсируя, корчась и лаская кожу. Она подавила крик. Её рука выхватила костёр. Она рванула его, и крик разрезал воздух.

Она держала сердце, не больше её собственного. Жестокая краснота, сияние во тьме.

Дракон смотрел на неё. Она оглянулась. И почувствовала грусть в глазах, словно свою.

Он смотрел на неё, боль прожигала вены так сильно, что она почти оттолкнула сердце, почти бросила Финнегана, почти оставила все ответы в этой пещере и позволила смертельному существу жить. Дать ему свободу, что желала себе.

Но мгновение закончилось, и дракон начал тлеть. Воздух, как и прежде, горел от тепла, из ноздрей поднимался пар, но треск и жжение от его масштабов опалило воздух. Дракон открыл пасть, но вышел лишь сдавленный вопль. Его масштабы, мощные крылья, пещеристые глаза засветились красным, потом чернотой, словно горящая бумага, пламя вырвалось наружу, пока он не был поглощён своим теплом. Кожа и чешуя распалось, огонь чернел и падал на землю, и тепло освобождалось.

Аврора побежала. Она сжимала сердце и мчалась, карабкалась вверх, спотыкалась на камнях, и сердце билось в такт с её собственным. Остальные кричали, не смертью, как первый, а гневом и ненавистью. Аврора побежала быстрее. Она обернулась и увидела, что Лукас следует позади. За ним огромный дракон превращался в шар пламени и дыма, что росло и освещало пещеру, и Аврора видела трещины в потолке. Первый грохот — и она помчалась в узкий коридор, заставляя себя мчаться вверх по склону, в ужасе, что огонь поймает их, что дракон сожжёт, пока они бегут.

За спиной закричал Лукас.

Она выбралась из пещеры и упала на землю, камни изрезали колени. Она остановилась в нескольких футах от пещеры, скрытой в тени валуна. Выбросив вперёд свободную руку, тем самым останавливая падение, мелкие камешки впивались в кожу. Аврора смотрела на сердце в руке. Оно было таким маленьким, почти нежным, словно лопнуло бы от одного нажима. Столь хрупкое, чтобы держать это огромное существо. Но она чувствовала его биение. Рука была выжжена дочерна.

Она задрала тунику, чтобы посмотреть на рану в боку. Меньше, чем она ожидала, кровь уже свернулась. Болезненно, но не опасно для жизни. Было и хуже.

Аврора пошатнулась, не обращая внимания на боль в коленях. Если Лукас выбрался, он пойдёт один. Может быть, он ждал, что она уйдёт. В любом случае, идти отдельно будет безопаснее. Возможно.

Она спускалась по склону. Гора грохотала под ногами, и она могла ещё слышать крики драконов. Земля бросалась к ней быстрее и быстрее, она скользила по камням, пытаясь добраться до земли, призрака деревень, бежала и бежала, пока крики не оказались в милях от неё.

Селестина ждала её в деревне у подножия горы. Ведьма стояла рядом с растопленной стеной, обрамленная чёрной сажой и белым камнем. Она взглянула на сердце в руке Авроры и улыбнулась безумной, захватывающей улыбкой, что соответствовала голоду её глаз.

— Ты сделала это! — сказала Селестина. — Я знала... — она сделала шаг вперёд, хватая сердце, но Аврора отступила назад, прижимая его к груди. Она чувствовала биение. Дико думала о Финнегане, как его сердце билось в груди, когда они целовались тут. Тем не менее, это был свирепый, упорный, ужасающий ритм.

— Я могу взять это, — сказала Селестина. — Взять и оставить твоего драгоценного принца умирать. Мы договаривались.

— Ты сказала, что ответишь на вопросы, если я принесу сердце, — сказала Аврора. — Я принесла. Вопросы и Финнеган до сердца, затем его получишь. Сделка есть сделка.

— Да. Сделка есть сделка. Задавай вопросы.

Тепло сердца убивало её, делая смелой. Три вопроса. Селестина обещала. Только три, и

столько надо узнать. Ей надо быть осторожной.

— Ты разбудила драконов.

— Это не вопрос.

— Ты сделала зелье на моей крови.

Селестина только улыбнулась.

— Моя кровь имеет магию, потому что сделала с помощью магии и... — она почти спросила, но поймала вопрос, закусив губу. Улыбка Селестины усилилась.

— Ты только выясняла, чем отличается твоя магия. Должна признаться, считала тебя умнее. Я сказала тебе всё, что надо знать. Но ты споткнулась о принца, задавала вопрос, почему твоя магия может стать таким подарком. Ты должна была знать, что из-за меня, принцесса. Всегда из-за меня.

— Ты слаба. Ты не могла получить без меня сердце. У тебя нет магии без меня.

— Я не слабая, не так. Ты полагаешься на меня, чтобы спасти принца. Но я не колдовала прежде в Ванхельме. Нет магии в воздухе, нечего извлечь... Теперь у меня есть кровь и магия. Я благодарна. Но ты не получишь больше ответов, терзая меня заявлениями. Три вопроса. Задай их.

Пальцы Авроры сжались вокруг сердца. Она могла придумать сотни вопросов, но надо быть осторожной, чтобы получить знания от каждого слова.

— Почему тебе нужно драконье сердце?

— Я хочу то, что должно быть моим, Аврора. Хочу волшебство. Я лишь тень себя прежней, и драконы... они дадут мне магию, как твою. Магию, которую никто не отнимет.

Аврора закусила губу. Она не могла вернуть Селестине силу. Не могла. Но Селестина лишь рассмеялась.

— Не смотри так страшно. Я не собираюсь причинять тебе боль. Я хочу вернуть то, что имела. Хочу дать людям магию, что её жаждут.

— И использовать во вред.

— Магия всегда вредит слабым. Люди не в состоянии видеть пути в желаниях. Люди думают, что могут просто так получить мечты. Твоя мать была одной из них.

— И я теперь.

— Нет, — сказала Селестина. — Не ты. Ты похожа на меня, Аврора, и я хочу тебя в союзницах.

Если Селестина желала Аврору, то имела планы на неё за пределами сердца дракона и возвращения магии. Но какая польза от Авроры будет после того, как Селестина получит всю власть, о которой мечтала?

Она должна знать, что задумала Селестина относительно Авроры.

— Что ты хочешь, чтобы произошло, когда я присоединюсь к тебе?

Селестина склонила голову, и её улыбка слегка угасла.

— Хочу тебя в союзницы. Вот и всё. Это всё, на что я с самого начала надеялась. Никто мне не нравился, Аврора. А теперь есть ты. Я знала, вместе мы будем великолепны. — она скользнула ближе, пробежавшись пальцами по волосам Авроры. — Надо было время. Тебе следовало увидеть настоящий мир. Каждый чего-то хочет от тебя, и все в конце концов будут против. Но как только ты увидишь правду, то будешь думать и чувствовать, как я. Я хочу тебя в союзницы, чтобы сделать тебя той, кем ты должна быть. Никто не будет тебя контролировать.

— Ты будешь контролировать.

— Нет. Почему я? Ты увидишь вещи, как я их вижу. Если не сейчас, то скоро. Увидишь, — и она шагнула вперёд, протягивая пальцы к сердцу. Всё в ней бесилось от неуравновешенности, воля на губах и наклон головы, она была так убедительна. Она думала, что Аврора присоединится к ней. Из-за проклятия. Из-за той жизни, что для неё сплела Селестина.

Аврора боролась с желанием отступить, вздрагивая. Драконы кричали над ними. Пусть они придут. Пусть сожгут. Она не отступит.

— Что предложила мама вместо меня? — спросила Аврора.

— О, милый ребёнок... Она предложила тебя.

Сердце Авроры билось в такт с драконьим.

— Что?

— Обещаю тебе, это правда. Она попросила ребёнка и обещала, что это будет мой ребёнок. Она продала тебя, когда обеспечивала твоё существование. Твоя мать думала, что может меня перехитрить, потому что не сказала, когда отдаст. Она думала отложить этот момент и защитить тебя. Сказала, что ребёнок может принадлежать мне, но не говорила о том, чтобы забрать из замка. Считала себя настолько умной, чтобы указать на то, что ни один человек не может принадлежать другому, и у нашей сделки не было реальной цены.

— Она не предавала тебя, просто была умнее.

— Нет, принесла на тебя проклятье. Я бы воспитала тебя в своей башне истинной ведьмой, если б она позволила. Но она не сделала. Физически я не могла переместить тебя из замка, так что прокляла, чтобы получить желанное, наградить твою мать за заносчивость. Теперь я благодарна ей. Твоя мать дала мне сладкую возможность вырастить вторую себя. Всю власть, предательство, ненависть... сильнее девочки, что росла со свободой, разве нет?

— Но ты сказала, что от проклятья меня разбудит поцелуй истинной любви. Это вряд ли хороший способ для того. Чтобы раздавить меня.

— О, Аврора, ты так наивна! Разве ты не поняла ничего, когда проснулась? Истинная любовь бессмысленная. Ты бы могла любить Родрика. Любила бы его, если б тебе его не навязали, но у тебя не было выбора, на твоём счастье лежала безопасность королевства. Но любовь была клеткой, мешала жить, а ты хотела жить... нет, ты не могла его полюбить. Могла, но мир убил это, — улыбка Селестины усилилась. — Без проклятия ты бы его не встретила, а с проклятьем не полюбишь. Как странно работает магия.

— Только потому, что ты так сделала.

— Может быть. Полагаю, есть много людей, которых ты могла любить эти годы. Многие люди тебе подходили. Некоторые, возможно, даже целовали тебя. Но я не проклинала тебя, чтобы дать счастье, принцесса. Я проклинала тебя страдать от любви, что обречена до её начала. Именно это и есть истинная любовь, Аврора, не заигрывание с иностранными принцами и огнём. Твоя мать дала мне шанс научить тебе, дала шанс научить тебя стольким вещам...

Это не может быть правдой. Её мать не могла продать её Селестине, отдать жизнь при первом дыхании создания. Но Селестина обещала правду, и Селестина была женщиной своего слова.

— Моя мама бы не торговалась за жизнь жизнью, — сказала Аврора. — Это бессмысленно.

— Отчаянные люди совершают отчаянные поступки. И если королева не может иметь ребёнка, если люди против неё, если ходят слухи, что её стоит сместить ради королевства...

Она могла убедить себя, что сделка того стоит.

— Но...

— Ах, ах, — Селестина провела по губам Авроры. — Три вопроса, Аврора. Я выполнил сделку. Давай сердце, если не хочешь смерти принца Финнегана.

Она не могла дать Селестине власть. Она не могла дать ведьме её силу.

Но Финнеган ещё умирал во дворце, и если Аврора не поможет Селестине, если не станет соучастницей её плана, один из тех, кто заботился о ней, будет страдать и умрёт.

И что она защищает? Королевство в огне? Короля, что хочет убить её, убил свою дочь, пытаясь сделать это? Смешал власть хуже, чем бороться в одиночку, зачем продолжать этот хаос?

Да. Да, это хуже. Но когда она думала о Финнегане, об оскорблениях на плакате, то понимала, что не поможет. Её собственная мать её продала. Все предали её, ненавидели, использовали. Почему б не принять решение для себя?

И Селестина сказала, что вылечит Финнегана, если Аврора вложит сердце в руки. Он нужен ей в руках. А потом уничтожит. Она остановит её.

Она в это не верила. Но это возможно. Возможно.

— Я могу взять его, — сказала Селестина. — Не сомневаюсь, что за секунду...

Аврора медленно ослабила хватку. Она держала его трясущимися руками, и Селестина схватила его с голодным взглядом в глазах. Аврора выпустила сердце, часть тепла покинула её, ярость и сожаление поменялись местами. Селестина прижала сердце к губам, целуя, лаская его. Потом укусила, разрывая мышцы, окрашивая губы краснотой. Аврора ахнула, хватаясь за магию, за способность жечь. Сила мерцала вне досягаемости, и Селестина сделала ещё один укус, кровь размазалась по её лицу, глаза сверкали. Инстинкт Авроры говорил забрать сердце у ведьмы, пока не стало слишком поздно, но Селестина пожирала его, и кожа светилась красным, как и кожа дракона, которому принадлежало сердце.

Аврора схватилась за сердце. Пальцы коснулись клочка хрящей, и она выдернула его, кровь пролилась на её обожжённые пальцы.

Один момент сердце было в руке, в нескольких дюймах от кровавых губ Селестины, а после Аврора поместила его в свой рот, пытаясь сохранить от ведьмы, отчаянно пытаясь восстанавливать контроль.

Это был не ожидаемый вкус. Рот сторел изнутри, тепло наполняло силой, что переливалась в горло и лёгкие, кровь накрыла губы. И Аврора содрогнулась. Ведьма улыбнулась, и её зубы были красны от крови и магии.

— Ты будешь жалеть, — промолвила Селестина. — Но это неважно.

— Финнеган, — голос Авроры охрип. — Ты обещала ему помочь. Обещала.

— Да, — сказала Селестина. — И, в отличие от твоей матери, держу свои обещания, — она подошла ближе, останавливаясь в нескольких дюймах от Авроры, рот был липок от крови. — Есть идеальное для тебя. — она протянула руку и прижала окровавленный палец к губам Авроры. Она подалась немного вперёд, и Аврора испытала больше крови драконов, металла и пламени, а после подвинула палец. Губы Авроры покалывали, где была кожа ведьмы. — Поцелуй, я думаю, — сказала Селестина. — Иди к нему, целуй и думай, как хочешь его оживить. Если хочешь это сделать, он будет жить. Пока что, по крайней мере.

Аврора прижала пальцы к губам.

— Поцелуй истинной любви? — спросила она.

Селестина рассмеялась.

— Это просто поцелуй, моя дорогая.

Двадцать шесть

Ноги Авроры тряслись от изнеможения, когда она добиралась до города. Солнце зашло и взошло, и Аврора плелась дальше, переставляя ноги, пока не добралась до дворцовой двери, а потом лабиринта комнат, в библиотеку, до лестницы, вокруг и вокруг, как и Финнеган в её башне несколько лет назад, как Родрик, пока она спала.

За комнатами Финнегана она слышала голоса людей. Орла и кто-то ещё. Может, врач. Она не могла разобрать слова.

Его дверь открылась без звука. В комнате было темно, шторы не пускали свет. Аврора вызвала маленький шарик, убеждаясь, что может контролировать волшебство и быть с ним нежной. Пламя мерцало и танцевало, словно пойманное ветром, но не росло и не тухло.

Она провела светом по комнате. Кровать Финнегана была завалена одеялами, но голова виднелась, чёрные волосы спутались во сне. Аврора пересекла комнату, касаясь стопами плюшевого ковра. Она оставила пыльные следы, когда шла, грязь и пепел сыпались дождём с её одежды.

Вся правая сторона лица Финнегана была покрыта толстым белым кремом и посыпана зеленью, но Аврора чувствовала запах горелой плоти. Хлопья чёрного на коже.

Один поцелуй. Он будет в порядке. Он должен быть в порядке.

Она положила руку ему на плечо.

— Финнеган, — прошептала она. — Финнеган, проснись.

Он застонал, но не двигался.

— Финнеган, ты должен проснуться. Давай. У нас есть дело, помнишь? Ты не можешь от меня отказаться.

Он вновь застонал, но открыл глаза.

— Рора... Ты не видишь, я сплю?

— Уже полдень. Время просыпаться, — она села на край кровати. Матрас прогнулся под её весом, и она придвинулась к принцу.

Он подарил ей короткую улыбку и поморщился от боли.

— Ты соблазняешь меня, девочка-дракон?

— Не очень, — она потянулась вперёд, сжимая рукой край одеяла. — Я не должна.

— Ты умная, вот почему ты мне нравишься.

— Я буду тебя целовать, впрочем. Хорошо?

— Прошло пару дней, а словно вечность.

Она заставила себя улыбнуться. Потом наклонилась ближе, касаясь губами его губ. Один мягкий поцелуй. Его губы были горячими на вкус, словно взрыв драконьего пламени, но после поцелуй углубился, тепло угасло, превращаясь в что-то успокаивающее, как прохладный дождь в душный летний день. И она отогнала мысли от пламени, от неистовых поцелуев в пустыне, от ухмыляющихся колдуний с кровавыми губами. Она думала о Финнегане и его объятиях, его лице, остром волшебстве, что протекало сквозь неё. Она думала, что лежит с ним в парке, и зелень в его глазах, когда он говорил, что она всех покорит...

Она отстранилась, чувствуя его дыхание на щеке.

— Что это было? — спросил Финнеган.

Она провела пальцами по его скуле. Кожа была холоднее на ощупь.

— Поцелуй, — сказала Аврора. — Что ты думаешь?

— Магия. Ты использовала магию.

— Да, чтобы тебе стало лучше.

— Не веришь, что я могу сам?

Она вновь поцеловала его, как в руинах, и ничто в мире не имело значения, кроме них. Он скользнул пальцами по её затылку, провёл по волосам, и она схватила его за плечи, едва в состоянии оставить клочок пространства между ними. Финнеган был там. Он принадлежал ей в это мгновение и потом.

Когда она вернулась наконец-то в свою комнату и уснула, сны наполнились пламенем.

Аврора проснулась от вкуса пепла. Она моргнула от солнца на стене. Ноги болели. А потом она вспомнила. Кровь на языке. Мышцы на зубах. Красные губы Селестины и смея ведьмы, и её "дорогуша".

Она убила дракона. И отдала Селестине его сердце.

Аврора выбралась из постели и схватила таз. Полила на себя, мышцы кричали, а глаза жгли. Села на корточки. Кислота сжигала горло.

Её правая рука была черна.

Она согнула пальцы. Они не болели, но были цвета руин. Сорочка, что она сняла, прежде чем упасть, после поцелуя с Финнеганом, была в пятнах, но это не имело значения. Ожоги Финнегана заживали под её пальцами, и этого было достаточно.

Селестина сдержала своё обещание: Финнеган будет жить.

Она быстро оделась, натягивая синее ситцевое платье, а после попыталась распутать узлы в волосах. Солнце стояло высоко в небе — день прошёл с тех пор, как она упала. Целый день. Она должна выяснить, что делать. А она спала.

Кто-то постучал в комнату. Ручка повернулась, прежде чем она ответила, и Финнеган вошёл в комнату.

— Аврора. Мне казалось, тут кто-то ходит. Ты долго спала, — его чёрные волосы всё ещё были спутаны ото сна, но ожоги пропали, кожа была так гладка, как и прежде, за исключением шрама на подбородке.

— У тебя шрам, — сказала она.

— Тебе не кажется, что он меня красит?

Она пересекла пространство между ними и прижала кончики пальцев к коже. Теплота пульсировала, словно пламя дракона. Это не ожог... похоже на порез.

Она провела по нему. Шрам следовал по линии челюсти, где она коснулась его после поцелуя.

— Расстроена из-за потери моего совершенного лица?

— Нет, конечно, нет, — но она не могла оторвать взгляд от шрама.

— Ни единого комментария, что моё лицо никогда не было совершенным. Ни одной попытки успокоить меня, что шрам — это не плохо? Я разочарован!

Она не ответила.

— Итак, что ты сделала.

Она отвела взгляд.

— Магия. — прошептала она. — Я нашла заклинание.

— Странно. Ты не могла помочь мне во время прогулки в город, а исцелила поцелуем в стенах дворца.

— Я паниковала. Дракон, твои травмы... Не могла сосредоточиться. Потом, когда вернулась, нашла книгу. Прости, что так долго, но я сделала всё, что могла...

— Книга? — Финнеган положил руку ей на запястье. — Какая?

— Не помню, — она отодвинулась. — В библиотеке.

— Ты собираешься научиться лгать или перестать лгать? Ну, — он наблюдал за нею, а шрам сиял обвинением.

— Я должна была помочь тебе, — она потянула свои волосы. — Не знала, что делать.

— Польщён, что ты так высоко оценила мою жизнь. Что ты сделала?

— Не могу сказать. Не могу.

— Я слышал, что Лукас пропал. Вы вдвоём пропали, но ты вернулась. Что с ним?

Она не могла ему лгать. Она чувствовала незаконным признаваться в убийстве.

— Да. И нет. Он не вернётся.

— Аврора. Что ты сделала? — Финнеган положил руки ей на плечи и посмотрел в лицо, словно там был ответ. — Ты вернулась в горы? Нашла что-то? — он посмотрел вниз и замер. — Аврора, твоя рука. Что случилось?

— Дракон, — она потянула его прочь. — Почему это важно?

— Потому что важно. Как дракон мог тебя сжечь? Я беспокоюсь, Аврора. Не обвиню, даже если ты Петрикор сожгла. Ты знаешь.

Она сделала. И не могла сказать ему. Ей надо пережить свои чувства без Финнегана, понять, что случилось. Отпустить их, словно ничего не было.

Сожги их всех, маленький дракон.

— Я спасла тебя. Всё, что можно знать.

— Я узнаю, Аврора. Ты знаешь это.

— Тогда и поговорим.

Он засмеялся.

— Хорошо, Аврора. Спасибо, что ты сделала. Спасибо.

В порыве она рванулась вперёд и поцеловала его.

— Я рада, что ты в порядке, — сказала она. Селестина не нарушила слово. Один поцелуй, как и прежде. Или почти такой.

— Я рад быть в порядке.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его вновь.

Крик пронзил воздух. Аврора метнулась к окну.

Огонь мчался по небу. Драконы.

Двадцать семь

Аврора и Финнеган пробежали через двор на улицу. Пламя опалило брусчатку. Дракон ушёл, но Аврора чувствовала его тепло за несколько улиц от них.

Ещё одна тень упала на дорогу, и Аврора с Финнеганом отпрыгнули. Толпа росла на улице, некоторые люди ради защиты ныряли в здания, другие изо всех сил убегали на улицу.

Среди криков басили голоса:

— Покайтесь, покайтесь!

Четверо. Она чувствовала это, хотя не понимала откуда. Четыре дракона пересекли воду.

Пушечное ядро пронеслось мимо. Оно врезалось в здание за ними, рассеивая куски материалов по улице. Арбалеты и катапульты стреляли с крыш. Но никакое оружие не может убить дракона. Может, пушки задержат их, но не порешат.

Лукас говорил не мешать драконом. Умер, пытаясь её остановить. И они напали на город.

— Я должна остановить их, — она сделала шаг вперёд, но Финнеган схватил её за руку, оттягивая обратно.

— Они тебя убьют.

— Нет. Не убьют. Я единственная, у кого есть шанс.

Финнеган оглянулся, его лицо побледнело и он кивнул.

— Что надо делать?

Небо горело красным над ними.

— Отведи меня в самое высокое здание в городе.

Они мчались по улице, мимо выжженных камней и испуганных людей. Даже бульжники светились жаром под их ногами.

— Принц Финнеган! — закричал кто-то. — Что нам делать?

— Идите в воду и отправляйтесь в доки.

— Но они пересекли воду! Они...

— Они летели над ней, — Финнеган даже не замедлился. — А не в ней. А вода — лучшее оружие против огня, о котором я только слышал.

Ещё одна тень пересекла путь, ещё одна волна зноя. Дракон изверг огонь, сжигая соседнее здание. Он сел на крышу на фоне пламени. Один огромный зелёный глаз уставился на Аврору и, споткнувшись, она остановилась.

— Аврора...

Пушечное ядро врезалось в здание в нескольких футах от когтей дракона. Он закричал и взлетел, вертя шей и ища источник нападения.

— Самое высокое здание! — воскликнула Аврора. — Сейчас!

Они свернули на другую дорогу, более узкую, чем первая. Несколько человек прижались к стене, словно тень могла их спасти. Одна женщина рыдала, держась за колени. Её нога почернела.

— Может тебе... — начал Финнеган, но Аврора покачала головой. Независимо от того, какую магию дала ей Селестина, она была уверена, что та ушла. Она могла спасти одного.

Одно здание возвышалось впереди. Оно было наполовину выстроено изнутри металлическими опорами и лестницей, что льнула вверх, вокруг него. Знак висел над входом, глася об опасности. Аврора бросилась на лестницу и сорвала знак.

Дракон пролетел мимо, хвост врезался в сторону здания. Башня покачнулась, Аврора упала на колени, металл врезался в кожу. Финнеган тоже упал, касаясь руками её спины. Потом схватил за плечо, потянув её и встав на ноги, поднимая и её тоже.

Дракон зарычал. Вода врезалась в его бок, заставляя шипеть. На нескольких крышах солдаты перезарядили катапульты бочками. Дракон бросился на солдат, оскалив зубы, но в его грудь ударило с ужасным хрустом, взрыв воды отбросил его назад, челюсть врезалась в хвост. Аврора вздрогнула.

Дракон изо всех сил пытался восстановить равновесие, но второй удар запустил его в сторону соседнего здания. Он отскочил от крыши и решительно замолотил крыльями, но меньше, чем другие драконы, которых видела Аврора, и не мог сам. Его изо всех сил атаквали, и он полетел в сторону мимо крыш, кожа шипела, прежде чем он был снова поражён и камнем упал.

В тот момент, когда он ударил о реку, холодок пробежал по спине Авроры, словно она упала в лёд. Она задохнулась, схватилась за перила, чтобы удержаться в вертикальном положении. Вода полетела вверх по улицам. Даже высоко в воздухе она добралась до

Авроры.

— Один внизу, — промолвил Финнеган.

— Он маленький. Этого недостаточно, — а если бы бросание воды на драконов было бы достаточным для их смерти, Ванхельм давно бы это сделал.

В верхней части здания была неравномерная гладь металла, дерева и камня, что-то твёрдое, что-то покрытое досками, что пенились под ногами. Аврора схватилась за перилами, ветер сбивал волосы с глаз. Далеко внизу, на западе, река шипела и волновалась, когда дракон продолжал бороться и плакать. Второй зверь теперь сидел на вершине здания, голова свисала ниже ног, и он рычал, сжигая улицу. Третий и четвёртый кружились, склонялись в небе, ожидая нападения.

Когда Аврора посмотрела на них, мир успокоился. Крики исчезли, и она знала лишь тепло, что существа выжигали перед нею. Она чувствовала их глубоко в груди, где горела магия, словно их гнев был частью её, и она была частью их.

Она чувствовала это. Ярость, голод, желание, что толкало их вперёд, желание чего-то неясного, безымянного, недостижимого. Желание. Бьющееся рядом сердце, крошечное, сбивчивое, сильное, и она почти чувствовала кровь на губах. Сила, ярость, огонь.

Драконы остановились. Их головы повернулись в сторону.

— Стойте, — её голос был тих и ровен. — Стойте. Идите домой.

Драконы не двигались. Не атаковали и не отступали. Аврора чувствовала любопытство в себе, что скользило по рёбрам. Любопытство девушки, дракона и пламени, той же крови и сердца, что они потеряли. Они слушали её, но Аврора знала, что её контроль не силён. Они слушали, потому что они хотели слушать.

Один из них щёлкнул челюстями, и его глаза были черны, как выжженная плоть. Язык скользнул по зубам.

— Нет! — закричала Аврора, и огонь плясал вокруг её ног. — Иди домой!

Она не двигалась, не дрогнула. Смотрела на них, Финнеган стоял близко к её плечу, воздух пылал вокруг.

— Иди! — закричала она. — Или я вырву и твоё сердце!

Существа ещё наблюдали за нею. Тогда один слетел со здания, срывая крышу. Он сделал несколько кругов, уворачиваясь от бочек и камней с огромной лёгкостью.

Что-то привлекло взгляд Авроры. Вспышка светлых волос, знакомая и страшная. Она повернула голову, уже зная глубоко в душе, что увидит Селестину, и ведьма будет улыбаться, опустится в реверансе и издевательстве. Но когда она повернулась, никого не было, кроме знака на камне в знакомой форме дракона.

Дракон остановился над ними, поднимаясь на несколько футов с каждым ударом крыльев. Аврора смотрела на него. И он смотрел. А после, сжав челюсти, повернулся и полетел на восток над водой. Остальные следовали за ним, разрывая криками воздух.

Аврора смотрела, как они уходили, пока они не превратились в точки на фоне утреннего неба.

— Ты сделала это, — промолвил Финнеган.

Она упала на колени, и вся сила ушла. Руки тряслись.

— Нет. Это не только я. Есть ещё что-то...

Селестина. Она тут. Она вмещалась, развязала драконов, спустила их сюда. Огонь, эта атака, он ничего не значил. Смеющаяся попытка показать, на что она способна после помощи Авроры. Теперь драконья кровь лилась по венам Селестины.

Она лгала о своих намерениях. Она обо всё лгала.

— Аврора, — шепнул Финнеган. — Что ты сделала? Как ты мне помогла?

— Я заключила сделку, — она заставила себя продолжать ему в глаза. — Мне пришлось.

— Что за сделка?

— С Селестиной. Она сказала, что даст мне магию для такого спасения, если я вернусь в руины и принесу ей сердце дракона.

— И ты это сделала, — это был не вопрос.

— Я получила сердце. Убила дракона, дракон умер... он не может держать огонь и сгорел изнури. И когда Селестина взяла сердце, она... она ела его. Словно поглощала его магию, — и рассказала ей многое, сказала, кем она должна быть. — А потом дала магию для твоего спасения. С поцелуем, потому что она жестока и... безумна. Она безумна, Финнеган, абсолютно. Я не знаю, что она будет делать, но я всё равно помогла ей и...

Он оборвал её поцелуем. Губы обожгло — он так неистово притянул её к себе, что она едва дышала. Она прижалась к нему, пальцы впились в его плечи, и на мгновение они вновь были в руинах, запертые от остального мира, от всех остальных её забот. Давление росло в груди, кулон дракона пылал у горла, потребность была такой сильной, что она была готова всё поглотить.

— Если она вновь придёт к тебе, — его дыхание касалось её лица, — ты должна сжечь её в ничто.

— Она сильнее меня. Она всегда будет сильнее меня.

— Не всегда. Не вечно.

— У неё есть драконы.

— Если ты не заметила, то у тебя тоже.

Двадцать восемь

Толпа собралась вокруг упавшего дракона. Солдаты вытащили его из реки цепями, и он теперь распластался в реке, а крылья бились с энергией умирающей мухи.

— Отойдите, — сказал солдат, когда они приблизились. — Это опасно.

Аврора проигнорировала его. Она подошла ближе, её рука потянулась к кончику его крыла — холодного и липкого.

— Это боль, — сказала она.

— Хорошо, — кивнул солдат. — Но он остановится, когда обсохнет.

Финнеган подошёл ближе, осторожно, избегая головы дракона.

— Что вы с ним будете делать?

— Мы ещё не приняли решение, Ваше Высочество. Думали заковать под водой, но нужно одобрение вашей матери, и это займёт некоторое время...

— Нет, — Аврора выпустила крыло дракона и повернулась к нему лицо. — Вы не можете это сделать, — она могла чувствовать боль дракона, как память о ранах, что никогда не заживали до конца. Они не могли приковать его под рекой, заставляя страдать и тлеть, пока дракон не исчезнет. Дракон без огня. Должен быть другой путь.

— Кто ты такая, чтобы указывать мне, что делать, — фыркнул Солдат.

— Я та, кто остановил их, — тихо и ясно сказала она. Это не было ложью. — И вы будете слушать меня.

— Ты остановила их? — Орла подошла к ним. Её лицо было выжженным истощением, но выражение оказалось резким и тревожным. — Нам надо поговорить наедине. — Орла

повернулась к солдату. — Держите толпу подальше от него, а воду под рукой. Я вернусь и оглашу решение.

— Никакого неуважения, Ваше Величество, — промолвил второй солдат, — но надо убить его сейчас, пока он не поправился.

Она покачала головой, отворачиваясь и уклоняясь от разговора.

— Вы не можете убить дракона.

— Можно попробовать...

— Нет. Нельзя. Делайте работу и слушайте меня, — она махнула Авроре и Финнегану приказывая следовать за нею. Потом зашагала прочь.

Аврора провела рукой по краю крыла дракона, чувствуя тонкую власть под ним. Уже сейчас он начинал нагреваться.

"Не двигайся", — подумала она, смахивая слова с его кожи. Она вернётся.

— Ты взяла сердце дракона.

Орла опёрлась на стол. Её длинная чёрная коса спадала на плечо, лицо было покрыто сажей. Она словно прижимала Аврору к земле, сжимала её тело. Говорила, словно не могла поверить словам Аврора.

— Да.

— С помощью магии.

— Да.

— А теперь пятьдесят человек мертвы, — повторила Орла. — Пока пятьдесят. Уверена, будет больше, пока мы осмотрим повреждённые здания, и столько раненных... — она посмотрела на Финнегана, что был в нескольких шагах от Авроры. Эрин сидела с прямой спиной в углу, её рыжие волосы стекали до локтей. — Надеюсь, мой сын хорошо воспользуется своей жизнью. Она дорого стоила.

Аврора закрыла глаза. Пятьдесят человек умерло из-за неё. Умерли, потому что она не могла отпустить Финнегана. Стоимость её эгоизма.

— Ты должна остановить это, — Орла смотрела на обугленную руку Авроры. — Ты говоришь, что без сердца дракон умер, а человек мог контролировать их. Это наша надежда. Ты получишь ещё одно сердца, и мы используем драконов как защиту от нападения.

— Нет, — Аврора больше не могла пускать эту силу в мир. Селестина уже получила сердце дракона. Что случится, если таких будет больше? Что случится, если у остальных будет магия? — Я больше этого делать не буду.

Брови Орлы взмыли вверх. Она долго смотрела на Аврору, словно слов не было.

— Ты не будешь? Не спасёшь огромное количество жизней?

— Или уничтожу их. Мы не можем предсказать, что случится, если я заберу сердца. Это может усилить Селестину.

— Ведьма уже почти разрушила мой город. Имеет ли значение, когда она получит больше власти, если у неё и так столько, а у нас появится шанс бороться с нею?

— Если забрать сердца у всех драконов, — медленно промолвила Эрин, — ведьме нечего будет контролировать.

— Вы хотите, чтобы я их уничтожила?

— Нет, — твёрдо сказала Орла. — Но с сердцем или пятью, с тобой, мы можем их контролировать. Они станут полезны.

— И хотите, чтобы я вам дала эту власть?

Она была в долгу перед ними. Она пустила драконов через воду, вдохновила нападение

на город. Орла помогла Авроре, защитила её, и вот её благодарность.

Но драконы — не оборонительные силы. Что сделает Орла с этим пламенем? Все королевства будут её бояться. Они склонятся перед нею. И хотя Орла казалась справедливой, потребности её королевства были выше всего. И выше Алиссайнии.

Аврора помнила разговор, когда Ванхельм заявлял права на Алиссайнию. Она не хотела мстить. Но ничего не сказала о планах на трон.

Аврора хотела ей помочь. Хотела доверять. Но, как принцесса, ведьма, ещё кто-то с обязанностями, от которых она так сбегала... Нет, нельзя рисковать.

— Мне жаль, но я не могу.

— Ты не можешь? — Орла недоумённо смотрела на неё. — Не можешь остановить драконов от атаки на мой город? Они ушли, но вернуться. Мы должны быть готовы.

— Вы будете. Я помогу. Но не могу дать вам драконов.

Губы Орлы сжались в тонкую линию.

— Вы с Финнеганом начали это. Вы оба вели себя неразумно. Это ваша ответственность — исправляйте.

— И моя обязанность защитить Алиссайнию.

Финнеган сделал шаг вперёд.

— Она сделала всё, что могла, мама, — сказал он.

— Не говори за чужой спиной, — хмыкнула Орла. — Будем надеяться, что она согласится с этим. Если б ты был королём, ты б не начал этого. Ванхельму не нужен принц, что ставит под угрозу город ради своих нелепых капризов.

— Я пытался защитить, — сказал Финнеган. — Драконы много лет приближались. Надо найти способ от них защищаться.

— Вместо этого на нас напали.

— И мы сражались.

— Недостаточно хорошо. И если ты не исправишь этого, не понимаю, как могу позволить стать тебе королём.

— Угрожаешь лишением наследства?

— Я говорю тебе, что лучше сделать правильный выбор. Как твоя сестра.

— Это несправедливо, — голос Эрин был мягок. — Не знаю, что сделала бы я.

— Ты бы в первую очередь не начала всё это.

Аврора содрогнулась.

— Я не буду этого делать. Это не имеет ничего общего с Финнеганом и Эрин. Только моя вина. И я не поменяю своё мнение.

Орла смотрела на неё с отвращением.

— Тогда иди.

Аврора кивнула, уступая гневу Орлы, и вышла из комнаты.

Она была в Вахнельме слишком долго. Она контролировала магию, как только могла, узнала всё, что могла. И она злоупотребила их гостеприимством.

Если она уйдёт, Селестина последует за нею, как и тут. Это безопаснее для всех — уйти.

Аврора поспешила в свои комнаты. Волосы пахли дымом, ноги пульсировали, мир стал туманным после нескольких бессонных ночей, но она принялась собирать вещи.

Шаги эхом раздались в коридоре. Ей не нужно было смотреть, чтобы знать, что это Финнеган.

— Ты пришёл сюда, чтобы переубедить меня?

Шаги остановились.

— Нет, — сказал Финнеган. — Я знаю, что нет.

— Откуда знаешь?

— Ты ужасная лгунья, помнишь? Я читаю твоё лицо, как книгу. — Тишина. — И у меня есть новости, — его голос был слишком лёгок и спокоен. Плохие новости.

— О драконах?

— Об Алиссайнии.

Она повернулась и посмотрела на него. Он стоял в руках с пергаментным свитком.

— Что это?

Он вошёл внутрь и прикрыл дверь.

— Письмо для меня, когда я был ранен. Страж отдал мне его. От Крапивы.

— Что она говорит?

— Тебе не понравится.

— Тогда скажи быстрее.

Финнеган раскрыл письмо, но говорил, не глядя на неё.

— Джон арестовал Родрика. Всё королевство узнает скоро, но Крапива говорит, что узнала прежде из надёжного источника. Он обвиняет его в государственной измене.

Измена. Аврора боялась этого прежде. До сжигания Финнегана, драконов и Селестины. При всех опасностях она забыла о Родрике. Его поймали.

И Джон сжигал людей за измену. Он сжигал и за преступления поменьше.

Мысль была слишком большой и страшной, после всего, и она схватилась за детали, за что-то, на чём можно было сосредоточиться.

— Достоверный источник? Что это значит?

— Кто-то в замке, я думаю. Ты слышала? Родрика обвинили в государственной измене.

Она слышала. Но что сказать?

— Думаю, слухи были правдой.

— Может быть, — кивнул Финнеган. — Он был связан с тобой, и король не считал это разумным, решил, что сын — слишком большая угроза.

Аврора потянулась за пергаментом, словно знала смысл кода Крапивы, могла вытащить какую-то информацию с этой страницы, но Финнеган не отдал.

— Это не всё, — сказал он.

— Что ещё может быть?

— Он утверждает, что арестовал тебя. Вас будут судить вместе, но вердикт уже есть.

Аврора закрыла глаза, но это не уняло зуд в голове.

— Кто-то у него притворяется мной?

— Крапива так думает.

Вполне возможно, король блефовал. Но зачем рисковать, если можно использовать любую блондинку с улицы? Она — история. Каждая может сыграть роль.

— Когда? Когда суд?

— Семь дней с этого момента?

Долго ждать после того, как схватили, чтобы устроить шоу. Он делал это нарочно, чтобы вытащить её, спасти Родрика и невинную девочку, что он схватил? Или затягивал, чтобы получить от Родрика признание, наибольшую выгоду от обещанного сожжения принцессы?

— Я должна вернуться. Сейчас.

— Ты будешь с ним бороться?

— Да, я должна.

— Для Родрика?

— Конечно, для Родрика. Он хороший. Он мой друг, — она могла заключить сделку с Селестиной, чтобы спасти Финнегана, и даже не пыталась помочь Родрику после его доброты, когда сбежала и ушла, оставив помогать Алиссайнии одному. — Он должен жить и быть королём — так будет лучше, — у неё были нужные ответы, она контролировала магию, в ней было драконье сердце. Она готова, как никогда.

— Каков план? — спросил Финнеган. — После всего моя мать не поможет.

— У меня есть то, что она хочет. Она меня слушает, — Аврора никогда не была хороша в переговорах, но не могла отступить сейчас. У их королевств длинная история глупых сделок и невыполненных обещаний.

Она не может быть королевой, но может помочь. Она воспользуется этим, что бы оно ни значило.

— Что касается короля, я могу с ним бороться, — уверенность пылала в ней. Она была убеждена и знала, что делать. — У меня есть ты. Моё волшебство. И у меня есть дракон.

Двадцать девять

— Это мои требования, — Аврора посмотрела на Орлу, пытаясь вести с королевой переговоры, как с равной. — Я возьму захваченного дракона в Алиссайнию и свергну короля, думаю, это будет выгодно для нас обеих.

Орла изогнула брови.

— И захватишь трон себе?

— Я ничего не захвачу. Джон убивает моих людей, своего собственного сына за общение со мной. Может быть, Родрик будет королём, может кто-то другой, может, я буду править. Независимо от того, это единственный путь.

— И ты ждёшь, что я дам тебе дракона? Откуда мне знать, что ты не повернёшь на моё королевство?

— Можете отправить со мной солдат. Сколько хотите. Помогите победить Джона. Как только это будет сделано, я помогу справиться драконами. Всё, что надо.

Орла скрестила пальцы под подбородком. Её выражение лица было нечитаемым.

— Как я могу доверять тебе?

— Вы должны. Я единственная, кто может помочь.

— Если ты пойдёшь, — промолвила Эрин. — Как мы остановим драконов, если они нападут? Мы будем беззащитны.

— Не думаю, — покачала головой Аврора. — Драконы пойдут за мной. Селестина послала сообщение. Она не атакует, пока меня нет.

— Ты не можешь знать.

— Нет, не могу. Но верю в это.

Орла обошла свой стол, не отрывая глаз от Авроры.

— Я дала тебе убежище. Ресурсы. Уверена, ты у меня в долгу.

— Я ценю всё, что вы для меня сделали. Ценю. И простите за проблемы, что причинила. Но в первую очередь я должна думать об Алиссайнии. Если хотите союз — соглашайтесь.

- И что вдохновило тебя изменить решение? — спросила Орла. — Час назад ты говорила мне, что никогда не поможешь.

— Я несколько дней провела в руинах и боролась с драконами. Мне нужно было время

подумать.

— Время придумать схему, ты имеешь в виду, — но Орла казалась умиротворённой. — Хорошо. Возьми дракона и несколько солдат. Но я хочу сердце дракона взамен. Договорились?

— Да, — кивнула Аврора. — После того, как я разберусь с Джоном и вы мне поможете, я дам сердце дракона, — ложь почти застряла у неё в горле, но она оттолкнула от себя сомнения. Финнеган говорил, что она кошмарная лгунья, но она должна оставаться правдоподобной. Должна заставить Орлу думать, что пошла на сотрудничество. У неё не будет никакой поддержки.

Она чувствовала, что Финнеган наблюдал за нею, и знала, что видел правду. Она не могла убить ещё одного дракона. Не выпустит эту власть.

Орла протянула руку, и Аврора пожала её.

— Договорились, — промолвила Орла.

— Договорились.

— Ты лгала моей матери, — вполголоса прошептал Финнеган, когда они шли к докам. — Впечатляет.

— Думаешь, она знала?

— Если б знала, не заключила бы сделку, — он посмотрел через реку. — Итак, мы собираемся перевести этот дракона через океан?

Она остановилась.

— Ты правда собираешься ехать со мной?

— Моя мать неправа. Лучший способ защитить Вахнелъм — увезти тебя. И ты меня не теряешь, Аврора. Я хочу посмотреть, как всё это закончится.

— И дракон? Он вообще не влияет на твоё решение?

— Последняя попытка использовать их для помощи Ванхельма не была хороша. Я пытаюсь получить себе одного, — он схватил её за руку, притягивая к себе. — Я не собираюсь предавать тебя, Аврора. Не сейчас.

Она склонила голову, чтобы посмотреть на него.

— Я верю тебе, — и она говорила правду. Она действительно ему верила.

Дракон всё ещё лежал в доках. Солдаты приковали его к земле, и он пробуждался. Каждые пару минут он бил хвостом или крыльями, заставляя людей хвататься за воду. Аврора подбежала тогда, когда хвост вновь рассёк камень.

— Освободи её, — приказала она самым командным тоном, каким могла. — Королева Орла приказала отпустить его со мной.

Солдаты смотрели на Финнегана, что протянул бумагу с королевской печатью.

— Тут всё. Мы возьмём небольшую лодку, солдаты последуют во второй. И... Что думаешь, Аврора? Прикуём дракона цепью, чтобы он мог следовать позади?

— Нет, — Аврора положила руку на нос дракона. Его глаза следили за её движением с ленивым мерцанием. Она ещё могла чувствовать связь, дополнительное биение в груди, приглушённые гнев и желание. Тоску. Он останется с нею, и она пробежала пальцами по носу дракона. Они призваны быть вместе.

Второе сердцебиение согласно шептало.

— Не надо. Он полетит.

— Мисс, я не думаю...

— Я не мисс. Я принцесса Аврора, наследник Алиссайнского престола, и королева

сказала помочь мне. Хотите бросить ей вызов? Я слышала, она не терпит дураков.

Мужчина смотрел на неё долгим взглядом, а после поклонился.

— Как скажете, моя леди.

— Впечатляет, — шепнул Финнеган ей на ухо. Гул слова заставил её содрогнуться.

— Что я могу сказать? Я рождена, чтобы быть королевой.

Аврора стояла на лодке и смотрела на Ванхельм, пока он не пропал с виду. Дракон кружил над головой. Он вновь кричал и бил крыльями, но Аврора смотрела вверх, и он затихал. Его тепло тлело над водой, он оставил часть себя на берегу. Но жар внутри Авроры, пылающий в её сердце... Он был свирепее всего, биение сердца усиливалось с каждой милей от берега, словно она вела дракона, а её сердце держало его жизнь.

Наступила ночь, и дракон кружил, освещая небо. Ни одно огненное дыхание не сорвалось от него. Он только летел вокруг, словно ожидал своего приземления.

Финнеган ждал её в каюте.

— Я не знаю, смогу ли я, — прошептала она, остановившись в двери. В темноте было легче признавать правду.

Финнеган откинулся на кровать.

— Ты можешь сделать, что хочешь, девочка-дракон. Я с самого начала это знал.

— Я не знаю, хочу ли. Если я его убью... Я буду так же плоха, как он. Да?

— Иногда ты должна творить кошмары. Иногда это единственное правильное решение.

— Это не должно быть правдой.

— Не должно, но это так.

— Селестина... — она замолчала, подыскивая слова. — Она сказала, что я гожусь лишь для разрушений. Может, она права. Может, она хочет этого.

— Может, — кивнул Финнеган. — Разве что собирается тебя остановить?

Она думала о Родрике, пламени, голоде в глазах Селестины, когда та смотрела на неё. Из шёпота драконов и власти в неё вливались силы.

— Нет. Она не победит.

Путь в Петрикор казался бесконечным. Они шли день и ночь через леса вокруг деревень, чтобы добраться до столицы до смерти Родрика. Толпы собирались там, где они шли, люди приходили посмотреть на солдат и дракона, открывая от удивления рты, и глаза расширились от страха. Никто не пытался говорить с ними при его присутствии. Они знали, кто она, и Аврора спрашивала, боятся ли они дракона и думают, что она ванхельмка, пугающий враг вторгся? Она чувствовала себя в ловушке прежде, ненавидела их отчаянное спасение, но было хуже. Она была существом из кошмаров, что пришли порвать их на кусочки.

Аврора держала в груди огонь дракона, но контроль не имел значения. Пока они шли, они миновали сгоревшее поле, целые деревни, разорванные на куски и обращённые в пепел. Бесконечные путешественники хромали на дорогах, шли к столице или от неё. Нигде после исчезновения Авроры не было безопасно.

Аврора поглотила вину. Ещё один пожар, один бой, и всё будет иначе.

Может быть, к тому не придёт. Страх драконов силён. Кто может столкнуться с ним?

Они не встречали Алиссайнских солдат. Либо король Джон решил не сражаться, либо вернул людей для охраны столицы.

Путешествуя за пределами Петрикора, они остановились у края леса, чтобы поесть и отдохнуть. Деревья нависали над ними, перешёптываясь с ветром, и Аврора придвинулась к

огню, пытаясь сосредоточиться на разговоре с Финнеганом и стараясь не думать о том, что принесёт следующий вечер. Мужчины поймали оленя на ужин, и он казался прелестным после дней старой пищи, но она едва смогла съесть кусочек.

Дракон летал над ними, паря в небесах. Он окреп подальше от воды, и Аврора вновь чувствовала тепло его кожи, гнев и желание. Она собрала каждую частичку воли в себе, чтобы контролировать его, но это было проще — мысли казались синхронными.

Стражник откашлялся.

— У вас посетитель, Ваше Высочества, — промолвил он.

Финнеган встал, его рука сжалась вокруг рукояти меча.

— Мы захотим его увидеть?

— Она утверждает, что да, — стражник обернулся. — Ведите! — двое мужчин шагнули вперёд, держа женщину. Крапива. Её руки были в их руках, но она стояла с достоинством царицы, и коса упала на правое плечо.

— Финнеган, пожалуйста, скажи им отпустить меня.

Финнеган махнул рукой, и стража отступила. Аврора поспешила к Крапиве, но определённая остановила её в последний момент в нескольких дюймах от неё. Крапива улыбнулась и провела пальцами по волосам Авроры.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Насколько могу. Рада тебя видеть.

— Я тоже, — она скользнула на землю у огня, и Аврора села рядом. — Я скучала по тебе.

— Для Крапивы это почти уверение в бессмертной любви, — Финнеган не сел. — Почему ты тут. Не то чтобы я был не рад видеть твоё красивое лицо, но мы договорились встретиться в Петрикоре.

— У меня есть информация. И вас было просто найти, — она говорила и смотрела в небо.

Аврора схватила её за руку.

— Родрик? Он в порядке?!

— И да, и нет. Он с девушкой в подвалах замка, ждёт суда. Но это не имеет значения, они всё равно будут признаны виновными.

— Ты уверена? — спросила Аврора.

— Да, принцесса. Костёр уже строят. Король хочет показать, как преданно бережёт трон. Он сделает шоу, что к предателям надо относиться одинаково. Говорит, твоя смерть оборвёт проблемы королевства, закончится проклятие Алиссайнии, вернётся магия или нет.

— И все верят?

— Не все, но многие. И их достаточно — желающих. Отчаянные верят в невероятное.

— Итак, они признают в другой девушке меня?

Крапива кивнула.

Аврора прижала колени к груди и подумала о самозванке. Девушке, заключённой в тюрьму, совершенно невинной.

— Кто она?

— Её зовут Элиза. Она на тебя похожа. Маленькая, светлая, красивая. Ветер развеет её, но она похожа. Я думаю, она дочь кого-то непонравившегося благородным, что приходят во двор. Люди её не узнают, ведь она и родители были убиты за какую-то измену.

— До или после, как он решил, что она станет мной?

— После того, как ты бежала. Но прежде, чем её арестовали. Никто её не защитит, никто не верит, что это не ты, если не хочет беды короля.

— И каковы источники у тебя? — спросил Финнеган. — Слухи.

— Не полагаюсь на слухи. Мне это сказала королева.

— Королева? — Аврора сжала руку Крапивы. — Ты говорила с Айрис?

— Да, — кивнула Крапива. — Она недовольна, что её муж арестовал сына, достаточно несчастна, чтобы говорить со мной и помочь тебе так, как помог Родрик.

— И она нам поможет? — спросил Финнеган.

— Не совсем. Она может предложить только информацию. Но это полезно.

— Что она тебе сказала?

Крапива подняла с земли палку и принялась рисовать в пыли. Большой круг городских стен, поменьше для замка, дороги и площади между ними

— Городские стены патрулируются, ворота закрыты. Так что вы не пройдёте там без внимания короля. Вы не сможете добраться до Элизы и Родрика до суда, они вот тут под усиленной охраной, — она ткнула палочкой в замок. — Вы можете добраться до них, когда их выведут из замка, но если не хотите убить армию стражи, лучше всего во время процесса. Все в городе вынуждены присутствовать во дворе, дракон отвлечёт их.

— Хорошо, — кивнула Аврора. — Хочу, чтобы это было незабываемо, — она посмотрела на пылевую карту. — Но если мы доберёмся до суда? Если он придёт бороться с нами?

— Это не проблема. Королю надо зрелище, как только можно больше. Самозванка-принцесса прорезает королевство, чтобы спасти его сына-предателя. Он хочет, чтобы видели твою беспомощность.

— Он для этого отказался от стратегии?

— Это его стратегия. Шоу, Аврора. Ты знаешь. Ему нужен вид. Он хочет, чтобы люди видели поражение. И достаточно высокомерен, чтобы не сомневаться в этом.

— А люди? — спросила Аврора. — Как думаешь, меня поддержат?

— При осуждении Родрика были волнения, но все боятся говорить, повстанцы пропали. Но они могут сплотиться. И я видела Тристана. Он поможет, чем может.

— Тристана? — он не смог помочь ей. — Он в Вахнельме. Я видела.

— Он решил вернуться. Кажется, решил, что всё же есть надежда.

Она была рада слышать. Она не одобряла его методы, но Тристан не казался Тристаном без веры в нём.

— Но почему он мне помогает?

— Вы оба хотите избавиться от короля, принцесса. А у тебя есть армия и дракон, так что шансов больше.

Блики пламени плясали на лице Крапивы, вытягивая его. Аврора вздрогнула. Если б она стала достаточно жестокой для Тристана? Или он просто нуждался в плане?

Крапива встала.

— Я должна вернуться в Петрикор. Буду смотреть до завтра.

Аврора кивнула и пожелала ей спокойной ночи, но, хотя свернулась под одеялом, не могла спать. Предвкушение пронзало её, завтрашний день вытеснял мысли. Она видела смерть Родрика. Финнегана пронзал меч, а город горел.

Дракон, парящий над ними, и их магия как единое целое.

Она не могла теперь потерпеть неудачу. Завтра всё покажется. Они покажут всё, что

смогут.

Тридцать

Крапива ждала их на пути к Петрикуру, когда солнце садилось на следующий день.

— Король перенёс судебный процесс, — промолвила она вместо приветствия. — На вечер. Его стража ловила городских, когда я ушла.

Вот как. Она будет сражаться с королём, и всё падет.

— Сколько времени у нас есть? — спросила она.

— Я не уверена, — хмыкнула Крапива. — Час или два, это максимум. Король может откладывать до той поры, пока не доберётся до ворот, или ускорит назло, как только увидит, что подходите. Его трудно понять.

— Тогда поспешим, — выдохнула Аврора, — прежде чем у него появился шанс.

Деревья простирались над головами, воздух потяжелел. Они шли молча в окружении людей Финнегана.

Стены города появились перед ними. Дорога была пряма, проходила прямо через лес, чтобы они могли видеть вход в город ещё за милю до него самого. Каждый шаг привлекал внимание. Металлические копья преградили путь. Солдаты выравнивали стены. Арбалеты направились на дорогу.

Когда они оказались в пределах слышимости, стражник поднял руку.

— Стойте!

Аврора остановилась и посмотрела на солдат.

— Идите к нам! Мы тут, чтобы остановить короля, мы не ссорились с вами!

Её дракон зарычал в согласии. Он пролетел над нею пару кругов, щёлкая зубами в направлении людей на стенах. Авроре потребовалась вся сила воли, чтобы контролировать его и охладить пламя в его горле.

— Убирайтесь! — закричал один из стражников, направляя арбалет в её сердце.

— Идите к нам, или я атакую!

Стрела пронзила воздух. Аврора поглотила её пламенем. Она смотрела на солдата, что напал на неё, запоминая его лицо.

Она не могла угрожать, сохранив всё.

— Прожги путь, — прошептала она. Этого хватит. С рыком дракон выпустил струю пламени. Ворота зажглись. Металл расплавился мгновенно, даже камень изменился от тепла. Стража бросилась в сторону, и Аврора сосредоточила волшебство на оружии, превращая его в пламя в их руках.

Стража кричала, отбрасывая арбалеты, а Аврора ощутила триумф. Она руководила огнём.

Но ближайший вход в город был заблокирован пламенем дракона.

— Мы не можем ждать, — промолвила она. — Не можем ждать, пока камень остынет достаточно, чтобы пройти. Я выберу другой путь.

— Я пойду с тобой, — ответил Финнеган. — И Крапива.

— Хорошо. Но солдаты будут тут, — они отвлекут их, по крайней мере. Она посмотрела на дракона — тот кружился, размахивая крыльями. Оставлять его рискованно. Как далеко она будет его держать, пока он вырвется на свободу и выжжет весь лес в прах? Но он хорошо отвлекал, и если он будет лететь над нею, то о неожиданности можно забыть.

Её выступление будет играть ключевую роль. Она не узурпатор. Она не шпион, не убийца из пыли. Она принцесса, и они узнают, когда она вернулась.

— Я изменила своё мнение. Ты с Крапивой останешься с солдатами. Не могу взять тебя с собой...

— Аврора...

— У тебя нет магии, ты не можешь сражаться один. Твоё присутствие заставит меня выглядеть слугой Ванхельма. Я предстану перед королём одна, с магией и драконом. И больше никого.

— Аврора...

— Будь в безопасности, Финнеган. Увидимся, когда всё закончится, — и, прежде чем он успел отреагировать, возразить или попроситься, она повернулась и бросилась в лес. Она следовала по кривым городским стенам, пока не добралась ежевики и знакомых деревьев. Там она сбежала недели назад.

Она не колебалась, пробираясь в город.

Ни одного живого существа не было. Ни паники, ни страха, ничего, кроме пустых улиц, теряющихся в тени стен.

Она смотрела на восток в сторону ворот. Дым вился вверх, почти любовно. Пламя пускало оранжевые языки в потемневшее небо. Дракон схватил крышу башни у ворот, обернув хвост вокруг шипов и камня. Она позовёт его скоро.

Но криков в городе не было.

Аврора побежала.

Впереди она видела свою башню, замок, таверну и нетронутый хаос. Крики дракона отражались эхом, но она не могла его больше слушать — как гремел голос короля, как проповедники требовали покаяния от Ванхельма.

— Не бойтесь пламени, трусы!

Аврора воспользовалась ящиками, чтобы взобраться по низкой крыше, и пошла ближе. Костёр горел на вершине лестницы, дерево свалили выше, чем большие двери замка. Король Джон стоял впереди с золотой короной, нанося удары по воздуху длинным, украшенным драгоценными камнями мечом. Сталь пускала блики.

Квадратная площадь была набита людьми. Стража стояла вокруг, образуя стену из плоти и стали. Мало кто обращал внимание на короля. Они смотрели в сторону огня, криков дракона, некоторые пытались отступить, но никто не покидал площадь. Им не позволят.

— Не бойтесь их! — вновь крикнул король. — Эти предатели, монстры проникли в замок, завербовали моего родного сына! Теперь они тут, чтобы спасти его от нашей справедливости, но им не удастся! Мы не прощаем предателей и угрозы! Алиссайния сильна!

Айрис стояла в нескольких шагах от мужа. Её чёрные волосы спадали назад, платье и лицо были серы. Родрик был по ту сторону костра, с солдатами. Его волосы выросли с тех пор, как она в последний раз видела его, спутались у глаз. У него на челюсти был синяк, одежда грязная и порвана, но он стоял с прямой спиной без следа страха на лице. Рядом стояла белокурая девушка, волосы были серебристо-белыми и тонкими, как паутина. Она казалась тоже грязной и уставшей, но стояла неподвижно и смотрела в толпу. Каждый её дюйм кричал неповиновением.

— Две недели назад мой сын был пойман с мятежниками и предателями города! Заговор от имени самозванки-принцессы! — Аврора крепче сжала край крыши. — Мой сын спровоцировал беспорядки, город пал в руины! Он провёл восстание, что убило столько наших близких! Моя отцовская слепота мечтала об ошибке, но теперь он привёл наших врагов по воде, чтобы сжечь нас, но мы сожжём их сначала! И первой будет принцесса-

самозванка!

Стража потащила блондинку вперёд. Она сопротивлялась, каблуки вонзались в камень, руки упирались. Она была похожа на Аврору, но недостаточно. Мало кто правда поверит, что они — один и тот же человек. Если им не заплатили за это.

Но толпа ещё отвлекалась на крики дракона.

— Эта ведьма проникла в наш город! — кричал король. — Она издевалась над нами и нашими надеждами! Мы покажем ей, что делаем с людьми, что предают нас! Она сторит, и начнётся новая эра Алиссайнии!

Несколько человек в толпе закричали в знак одобрения, но это был не тот ответ, который ждал король. Слишком многие смотрели на дракона, слишком испуганные для этого мгновения.

Стража потащила псевдопринцессу к костру.

Аврора встала. Она почувствовала жар дракона в воздухе, пламя ласкало стены. Она протянула руку, дёргая нити внутри себя, второе сердце. Ну же. И дракон послушался.

— Стойте! — закричала она.

Толпа повернулась. Арбалеты щёлкнули, указывая на её грудь. Король Джон протянул руку, и солдаты, что тащили девушку, остановились. Джон улыбнулся.

- О, у нас есть ещё претендентка! Сколько ложных принцесс собирается послать Ванхельм?

— Нет. Как глупы вы, люди, надеясь, что меня забыли? — она сделала шаг вперёд. Арбалеты дёрнулись, но не выстрелили. — Вы хотели принцессу? Она есть. Престол мой. Мой несколько поколений, до вашего рождения. Потому остановитесь. Немедленно.

Джон рассмеялся.

— А если нет?

Аврора сжала кулаки, и крыша взорвалась за нею, плиты полетели в воздух. Толпа закричала.

Дракон взревел, падая с неба, крылья бросали тень. Толпа увеличивалась, люди падали, прятали детей. Он врезался в стену стражи, но некоторые убежали на улицу. Другие вскинули мечи. Паника смяла площадь, тела колебались. И зрители неподвижно стояли, широко открытыми глазами глядя на дракона, не в состоянии отвернуться.

Аврора не сводила глаз с короля.

— Ты думаешь, что можешь так нас победить? — хмыкнул он. — Занять трон силой?

— Почему нет? Ты ж занял.

Кто-то забрался на крышу слева от Авроры. Она повернулась, воспламеняясь, готовая к бою, ожидая увидеть оружие, указывающее на сердце.

Это был Тристан. Их взгляды встретились и переметнулись на толпу.

— Король вам лжёт! Это принцесса Аврора! — крикнул Тристан. Все, кто смотрели больше секунды, это понимают! И если король лгал, зачем? Если он готов убить невинную девушку и своего сына, что он сделает с нами?

Люди не слушали. Они ещё боялись дракона, упирались в стражу. Арбалет выстрелил. Болт полетел в толпу, и крики потянулись к страже. Человек поднял меч, готовясь завершить путь.

Тристан спрыгнул с крыши и исчез в толпе. В момент отвлечения внимания кто-то ударил атаковавшего стражника. Он уставился на кинжал в груди, словно не знал, что делать, а потом упал на колени. Солдаты рядом тоже обнажили мечи, надвигаясь на толпу,

кто-то указывал на короля.

— Стойте! — закричала Аврора. — Мы не причиним вреда! Не навредим никому, кто отвернётся от короля!

Дракон щёлкнул челюсти, запах крови и хаоса бился пульсом. Аврора чувствовала пламя.

Она должна закончить.

Она прыгнула с крыши, дракон следовал за нею. Колени приземлились неудобно, и она вскочила. Толпа открыла дорогу, то ли от страха, то ли от поддержки, то ли от огня, Аврора не знала. Но она бежала через площадь, ноги двигались так быстро, словно она летела мимо стражи, по лестнице, на платформу, где всё началось, где брачная арка стала костром.

— Ты маленькая ведьма, — сказал король. Он поднял свой меч и замахнулся. Аврора увернулась, воздух потрескивал вокруг неё. Он вновь замахнулся, крича страже, но все они остановились в бунте. Аврора зажгла лезвие Джона. Оно засветилось белым, и король с криком отбросил его. Когда она подхватила его, тот пылал под пальцами, и она указала королю на грудь.

Тот засмеялся.

— Ты не убьёшь меня. Не сможешь.

— Ты не знаешь, на что я способна.

Он потянулся к мечу. Она отняла его, лезвие пошатнулось во пламени. Он споткнулся, спина ударилась о камень, ноги попали к костру.

Меч коснулся его подбородка. Аврора чувствовала шёпот второго сердца, призывающего её.

Она смотрела на бунтующие толпы.

— Стойте! — повторила она, и дракон зарычал с нею, посылая пламя в небо. — Стойте! — воздух задрожал, когда она кричала, все замерли, каждый человек. Они смотрели на неё.

Магия. Неожиданная, неконтролируемая магия. Она не просто пламя. Она могла влиять на людей, как Селестина. Контролировать их.

Сколько магии было в ней?

Она хотела спокойствия и мира, но не подчинить их своей воле, не волшебную клетку.

— Прекратите это! Я принесу справедливость королевству, и будет магия. Будет лучше. Но это надо остановить!

— Убей его! — закричал голос из толпы, а после ещё, ещё, пока паника и кровожадность не хлынули к помосту. Убить короля.

Её неглубокий вдох содрогнул кончик меча. Он попытался схватить её, контролировать, убить. Он столько убил... Собирался убить Родрика, своего сына. Он заслужил смерть. Но её рука дрожала. И меч дрожал. Сможет ли она забрать жизнь даже такого? Замарать руки кровью, даже такой жестокой, как короля?

— Не надо.

Она подняла голову. Родрик сбежал от стражи. Он был худым и измождённым, но спешил к Авроре с решительным выражением лица.

— Родрик...

— Не убивай его, Аврора.

— Я должна. Это должно закончиться.

— Закончится, — он кричал громче, голос раздался эхом над толпой. — Запри!

Испытай! Пусть платит за содеянное! Но ты не убийца, Аврора, не монстр. Не делай этого!

Она была монстром. Дракон огня, дракон крови. Вот кто она. Но она колебалась, и меч задевал горло короля.

— Давай, принцесса. Не будь как он.

Никто не наблюдал за королём. Он схватил край меча и толкнул его. Рукоять врезалась в живот Авроры, и она отпустила её, задыхаясь. Джон вытащил нож из ботинка, а после схватил Родрика, прижимая кинжал к горлу.

— Я король! — он едва шептал. — Вы меня не остановите! Вы меня не можете победить! Я...

Он захрипел. Кровь хлынула по губам, соответствуя красноте рук. Его хватка на груди Родрика ослабла, и он оттолкнул его. Король рухнул на колени. Кровь текла по груди. Он упал вперёд, ударяясь в камень.

Королева Айрис стояла за его спиной, сжимая маленький кинжал. Её платье было в крови.

Она смотрела на мужа, удивлённая содеянным. А после подняла глаза, покраснела и кивнула.

Толпа затихла. Они смотрели на возвышение, шокированные магией.

— Родрик? — Аврора положила руку ему на плечо. Она была удивлена его твёрдости. Он жив. — Ты в порядке?

Принц смотрел на её руку.

— Думаю, да. Не ожидал тебя увидеть, — он обнял её за плечи, притягивая к себе. Её руки упали ему на грудь, а после обняли за талию. Защитить. — Ты в порядке?

— Да. Да, — она отстранилась. — Слышала, ты поддержал восстание.

— Восстание — слово отца, — Родрик опустил голову. — Я помогал людям. Всё стало хуже после твоего ухода. Нет еды, много смертей... Кто-то должен что-то делать. И мой отец... Что ж, ты видела моего отца, — он посмотрел на небо. — А как понять дракона?

— Это займёт время, но он не ванхельмский. Они тут, но мои. Следовали за мной.

— Что именно...

Магия потрескивала в воздухе, и Аврора почувствовала прилив тепла, ярости, и тоски, что едва не задушила её. И знала, что увидит, прежде чем повернулась, знала до того, как огонь порвал площадь.

Орда драконов падала с неба.

Тридцать один

Твари облетали замок, рык разрывал воздух. Один испустил вспышку пламени, и западная башня рухнула от тепла.

— Ванхельм, — промолвил Родрик. — Атакует.

— Нет, — прошептала Аврора. — Нет, не они.

— Аврора?

Она побежала к краю помоста, пытаясь установить связь с драконами. Если б она могла найти, успокоить, сманить с неба... но драконы распалились и тонули в мести и ярости.

Её дракон был там, отдельно от остальных, рычал, но не пылал, не атаковал... пока нет.

Родрик побежал за нею.

— Если это не Ванхельм, то кто? Аврора?

— Это Селестина, — ещё один дракон упал на площадь, пламя помчалось по камням. — Это моя вина.

— Селестина? — Родрик содрогнулся от второго порыва огня. — Ведьма? Она мертва.

— Нет. Не мертва.

Она побежала вниз по ступенькам, но не видела ничего, кроме огня. Она не знала, где скрывалась Селестина. Не знала, где искать. Крики гремели над головой.

Если б она была Селестиной, жаждала Аврору, то где б она её ждала?

И она поняла.

Она посмотрела на замок, ища свою башню. Зелёный свет плясал у окна. Крики драконов искажались, заменённые далёким смехом и пением, что посылали по спине Авроры странную дрожь.

Аврора побежала. Свет плыл перед глазами, кружился вокруг волос, манил вперёд. Она обогнула пылающий костёр, стражу, вбежала в дверь.

— Аврора!

Шаги Родрика громыхали за нею.

— Оставайся тут! — закричала она. — Веди людей к реке! Я остановлю это!

— Как? Куда ты идёшь?

Она проигнорировала его. Она бежала быстрее, чем могла, рвалась по коридорам, руки сбивали со столов вазы, пока она не добралась до дверей башни. Она всё ещё была открыта. Она мчалась вперёд, мимо стен по пыли, пока не ворвалась в спальню. Комната была тоже пуста, но камин открыт, свет сверкал над пеплом.

Селестина ждала в комнате выше. Она сидела на стуле, поворачивая колесо пучками пальцев. Воздух светился.

— Жаль, — молвила Селестина, — что нечто столь прекрасное, как ты, всю жизнь было заперто в башне. Эта прялка принесла тебе свободу. Не думаешь? — она повернула голову, чтобы посмотреть на Аврору, и улыбка была широка и голодна, как драконья.

— Останови их, — голос Авроры был хриплым. — Останови драконов.

— Остановить? — Селестина склонила голову. — Но сюда их привела ты.

— Я не...

— Не ты? Ты не брала сердце дракона?

— Я не призывала их сюда.

Селестина рассмеялась, и для порядка щёлкнула.

— Ты глупа, Аврора? Ты привела их сюда. Ты. Я сказала, что ты пожалеешь, что съела кусок сердца. Они тянутся к тебе. Они тянулись в Ванхельме и сейчас. Следуют за тобой.

Аврора подошла ближе.

— Нет. Я видела тебя в Ванхельме, когда драконы напали.

— Я помогла тебе в Ванхельме. Ты пыталась прогнать драконов, но ведь они не слушали... Бедняжка, боролась за контроль магии, так мало зная о связи с драконами. Ты слишком слаба, чтобы справиться, а я предлагала помощь. У нас есть эта связь обеих из-за тебя, и я умею управлять, могу помочь.

— И что ты сейчас делаешь? Помогаешь?

— Наблюдаю. Смотрю, что ты будешь делать. Чтобы увидеть, какова ты после всего этого.

Но Селестина должна была лгать. Это бессмысленно.

— Ты привела драконов обратно. Ты использовала мою кровь, хотела, чтобы моя магия...

Смех Селестины явно был издёвкой под крики драконов.

— Ты так готова сложить всё зло к моим ногам. Полагаю, это должно льстить. Разве тебе льстит думать, что твоя кровь разбудила драконов, что ты их часть? Я не будила их. Как я могла? У меня не было магии в Ванхельме, а у драконов есть свой ум. Они проснулись, Аврора, потому что пришло время пробуждения. Я воспользовалась обстоятельствами.

— Но ты писала в руинах...

— Я была слаба. Так мало магии в Ванхельме... Я видела потенциал драконов и легенды, но без магии не могла взять сердце себе. Мне нужна была ты. И ты проснулась, я хотела этого. Хотела показать, каков ты зверь. Так что подумай, Аврора, прежде чем судить меня.

— Но моя связь с ними, моя магия огня...

— У тебя нет магии огня, есть волшебство. Ты была слишком недалёкой, чтобы использовать его для чего-то, кроме огня. Драконы заинтересовались тобой, потому что в тебе есть магия. Ты ввела себя в заблуждение, думая, что их контролируешь и можешь использовать, как инструмент, ты хотела, чтобы это было правдой.

Селестина встала и скользнула к ней.

— Ты могла бы исцелить принца сама, знаешь. Я не давала тебе силу. Просто сказала это сделать. Если б ты только меня послушала, дорогая. Если бы присоединилась ко мне, когда я просила... Подумай, как бы всё поменялось.

Сердце Авроры колотилось. Воздух вонял кровью и жжёной плотью, и драконами, и кровь мчалась с яростью, что не могла быть утолена разрушениями.

— Чего ты хочешь? Мы можем заключить ещё одну сделку...

Селестина рассмеялась.

— О, сладкая... Разве ты не ненавидела свою матушку пару недель назад за переговоры со мной? И теперь хочешь этого?

— Если ты знаешь, как остановить драконов, останови их.

— Не думаю, что это так, — промолвила Селестина. — Ещё нет. Разве люди не хотели магию? И они заслужили наказание за отношение к тебе. Пусть помнят, какой грозной может быть магия.

Аврора отступила назад, касаясь связи с драконами. Если б она могла усмирить ярость, успокоить драконов, прогнать их...

Ногти Селестины впились ей в руку.

— Разве ты не понимаешь, Аврора? Ты не можешь остановить. Не должна хотеть. Ты сделала, что хотела, что должна. Ты так старалась быть хорошей, играть в маленького героя, и посмотри, где ты оказалась. Ты не хороший герой этой истории. Тут нет героев. Ты отвратительна, моя дорогая. Простая. Подобная. Я.

— Ты не знаешь меня. Я не такая, как ты, — но она вспомнила её слова Финнегану пару недель назад. Если б выпустить все чувства, она сожгла бы город.

— Но это ты, — Селестина сжала руками лицо Авроры, прижимая её волосы. Голос был нежен. — Как думаешь, я не хотела быть хорошей когда-то? Не хотела быть любимой? Но я узнала, что это нереально. Они будут презирать тебя за власть, даже когда будут нуждаться в ней. Ты была счастлива, прикидываясь злодейкой, нет, Аврора? Быть ведьмой, которую боятся, если это поможет? Слишком наивно признавать, но не всё чёрное бело. Слишком упрямо думать, что я когда-то не приходила к этому выводу, — она приладила волосы Авроры. — Я хотела, чтобы они меня любили, и ты хотела. И они предали меня, как тебя. Они прогнали меня, боялись меня, ненавидели меня, когда я сделала для них всё.

Её ногти впились в голову Авроры.

— Трон должен быть моим. И я вынесла решение. Я была единственна, кто могла дать им желания, а они боялись меня.

— Что ты говоришь? — прошептала Аврора. — Что...

— Ты знаешь, — промолвила Селестина. — Должна знать. Я Алиссайя, Аврора. Всегда была ею.

Нет. Алиссайя умерла сотни лет назад. Все это знали. Все. Она не была Селестиной. Не была злой.

Селестина провела по волосам Авроры.

— Ты не хочешь верить. Знаю, знаю. Но это правда. Я их спасла. Они плели обо мне мифы, но не хотели меня. Не хотели моей власти, — её голос ускорился, поднимался, безумная улыбка растянулась на лице. — Они сделали меня изгоем. Тем не менее, я была их королевой тогда. Они прибежали ко мне, под моими разными именами, молили о магии. Умоляли заключить сделку. Они любили меня, по-своему, и боялись. О, я была королевой. И буду. Буду с тобой. Наши истории одинаковы. Мы принадлежим друг другу. Мы можем дать Алиссайнии магию, что она желает, вместе. Дать то, что им нужно. Заставить поклоняться. Даже если они возненавидят нас за это.

— Я не хочу этого, — прошептала Аврора.

— После того, как тебя бросили? Пытались убить, назвали ведьмой, шлюхой? Они пытались убить тебя и тех, кого ты любишь. Просили магию и боялись за неё тебя. Разве я не заслужила твою симпатию, Аврора? За свои страдания? За то, что они сделали со мной?

— Ты прокляла меня. Ты забрала мою жизнь.

— Я дала тебе жизнь. Уколола палец, и ты была свободна. Увидела дракона, целовала принца и чувствовала истинную силу. Это был подарок, Аврора. Разве я плоха? — её голос был мягким. — Того хотела твоя мать. Такую заключила сделку. Ты видишь, как сложна магия. Какие плохие последствия у ведьм. Мы даём люди желания, и вещи выпадают так, как выпадают, — она впила ногтями в щеку Авроры. — Поверь мне, Аврора. Я забочусь о тебе. Я могу научить тебя многому. Мы спасём королевство от драконов. Вот что я хотела сказать. Я хочу вернуться на своё законное место. Народу нельзя доверять, Аврора. Они нужны нам. Ты будешь славной королевой.

Слова пронизывали мысли Авроры. Так просто. Так привлекательно.

— Я прекращу это, как только ты согласишься. Научу остановить это. Чтобы контролировать власть, магию, всё, что есть. Не отвергай меня, Аврора, из-за старых обид. Разве не это всегда делали люди?

Селестина была бы с Авророй великолепной, как обещала. Она сама сказала, что могла использовать магию, но Аврора была магией. С практикой она могла стать могущественнее, чем мечтала Селестина.

И если Селестина была Алиссайей, если жизнь привела её к этому... Аврора знала, что это похоже на ложь — придумывать жизнь в что-то новое.

Сердцебиение Селестины отражалось в руке. Не Алиссайи. Селестины.

— Нет! — она толкнула Селестину назад, и ведьма ударилась о каменную стену. Огонь охватил Селестину, и ведьма засмеялась. Она смотрела на Аврору сквозь пламя, рот зиял, как дыра, смех лился, пока заклинание не иссякло, и Аврора не отступила назад, измученная, неопределённая. Невредимая Селестина смеялась.

— Доказательство того, что я неправа? Я не угрожаю. Ничего не делаю. И ты хочешь

меня сжечь, потому что уверена, что это хорошо. Прими это, Аврора. Прими, что призвана быть мной.

Она не могла принять это. Селестина лгала, должна лгать. Она привела драконов, манипулировала Авророй, как матерью, управляла всеми. Аврора должна её остановить.

Сила Селестины исходила от сердца дракона. Она пожирала сердце за магией. Если Селестина потеряет сердце, она потеряет магию?

Аврора рванулась вперёд. Пальцы оцарапали грудь Селестины, но Селестина сжала её запястье и скрутила, пока Аврора не повернулась спиной к ведьме, рука вывернулась, ногти Селестины впились в кожу Авроры. Она схватила Аврору за волосы и дёрнула на себя.

— Думаешь, ты можешь со мной драться? — прошипела Селестина ей на ухо. — Думаешь, остановишь это без меня? — она потянула шею Авроры дальше, и та сдерживала крик боли. — Мне показать заключительный урок? Показать, к чему привёл вызов? Да? Покажу.

Её рука ещё сжимала крепко волосы Авроры, и Селестина потянула её вниз по лестнице, из башни, на помост. Пламя кружилось вокруг них, тепло было таким сильным, что Аврора отшатнулась. Площадь была усеяна обгоревшими трупами, несколько людей получили травмы и не смогли бежать, ютились в защите замка, замороженные страхом. Костёр горел, огонь плясал по крышам, обратно к городской стене.

— Смотри. Смотри, что ты наделала. Ты нуждаешься во мне, Аврора. Ты должна ко мне присоединиться.

— Никогда, — Аврора боролась с Селестиной, но не могла вырваться. — Я никогда не присоединюсь к тебе. Даже если ты сожжёшь весь мир.

Краем глаза она видела Айрис, что изо всех сил держала Родрика, когда он рвался к ним с мечом в руке.

— И ты отказываешься слышать, — промолвила Селестина. — Ты сжигаешь мир.

Финнеган и Крапива прорвались на площадь, солдаты спешили за ними. Они были оцарапаны, но серьёзно не пострадали. Финнеган беззвучно шептал имя Авроры, но она не слышала его. Она не слышала ничего, кроме биения своего сердца и шипения голоса Селестины. Тем не менее, она увидела его глаза на чём-то за спиной Селестины и почувствовала тепло в своей груди.

— Ты ничто без меня. Смотри на мир. Смотри на мир, что ты создала, и скажи, что ты лучше меня. Скажи!

Аврора ударила свободной рукой. Её ногти оцарапали лицо Селестины, по глазам, щекам, разрывая её. Селестина завизжала, и Аврора дёрнула локтём назад, ударив ведьму в желудок и оттолкнув.

Аврора вызвала пламя, и дракон закричал, поглощая Селестину в огне. Ведьма хохотала и кричала, звук плавился, её волосы осыпались и трескали.

Дракон приземлился позади Авроры, его хвост свернулся вокруг её ног, тепло от тела наполняло воздух. И Селестина улыбалась им, кожа чернела, кровь стекала по лицу, где ударила Аврора, падали волосы.

— Я могу вылечить драконий ожог, — её голос прорывался через горло, превращаясь в пепел. — А ты можешь?

— Мы попробуем и посмотрим?

Родрик вышел за Авророй, протягивая меч. Финнеган стал с противоположной стороны, пусть без меча, а дракон щёлкнул зубами.

Селестина отбросила волосы, когда кожа осыпалась. Её улыбка была шире, губы морщились, и Аврора могла видеть зубы.

— Я хотела помочь тебе, Аврора. Я хотела вернуться к правильному. Но ты ещё не готова. Ты не поняла, кто ты, — она переводила взгляд с одного принца на другого, на дракона, расплавленный замок, огонь. — Ты уничтожишь себя, знаешь! Или они. Ты увидишь. Увидишь, как я была права, — она отвернулась, глядя на разрушенную площадь. — Вы хотите магию?! — кричала она толпе. — Справедливость? Хотите того, что заслужили? Приезжайте и найдите меня! Ваша королева не хочет моей власти, но она дура! Хотите магию? Идите ко мне! — она повернулась к Авроре. — Я не твой враг. Не хочу причинять тебе боль. Ты должна увидеть, — она присела в реверансе. — Наслаждайтесь новым королевством, Ваше Величество. Увидимся в пепле.

А после она ушла, не оставив ничего, кроме запаха горелого мяса и армии кричащих драконов.

Тридцать два

Один из драконов цеплялся за стену замковой башни, когти смяли камень. Второй схватил городские стены, несколько носились по небу, крылья закрывали звёзды.

— Аврора, — промолвил Родрик. — Что делать?

Она не знала. Она смотрела, как дракон летал над городом, дыша на пылающие крыши.

Она была права. Ошибалась во всём. Игнорировала предупреждения Селестины, и армия драконов сжигала её город, люди спрашивали о плане. Они ждали спасения.

У неё не было времени для неуверенности в себе сейчас.

— Ведите столько людей, сколько сможете, к реке. Это немного их защитит.

— Это на другой стороне города, — промолвил Финнеган. — Они этого не сделают.

— Тогда в замок. В подземелья, — в подвале музея Алиссайи не было пламени дракона. Может, земля и тут их защитит. Она повернулась к оставшейся страже. — Чего ждёте? Ищите людей, ведите сюда. Родрик, убедись, что они безопасны. Направляй, поддерживай спокойствие. Ты знаешь, что делать.

Король другого времени. Он правильный король этого. Родрик схватил её за руку и сжал. Лицо было пепельным от страха, но он не дрожал.

— Сделаю всё, что смогу.

— Я знаю.

Он поспешил прочь, погнавшись к первой группе людей. Положил руку на спину одной девушки, указывая на замок. Она кивнула и принялась за дело.

— Финнеган, не показывайся на глаза. Если тебя увидят, обвинят. Не хочу, чтобы ты пострадал.

— А ты? — спросил Финнеган. — Что ты будешь делать?

— Я их остановлю.

Он схватил её за руку.

— Тогда я с тобой.

— Ты не можешь. Селестина сказала, что они сделаны для меня. Если это правда, все рядом со мной в опасности.

— Тогда я буду в опасности, но тебя не оставлю.

— Нет, — она оттолкнула его руку. — Я должна сделать это одна, — Финнеган в прошлый раз уже поддержал это, был сожжён драконом и чуть не умер. Она не могла рисковать ним опять. — Ты знаешь больше о борьбе с драконами, чем остальные. Оставайся

в тайне, но помогай. Говори, что делать. Но не позволяй никому бороться с драконами. И вернись живым.

Он притянул её к себе и подарил грубый поцелуй.

— Хорошо, девушка-дракон, — и он повернулся и побежал.

Воздух наполнился дымом и пламенем. Драконы кричали, люди кричали, толпы мчались к замку, и Аврора чувствовала панику, гнев, отчаяние.

Ей надо подумать. Она могла бежать из города и потянуть драконов за собой. Но город будет разрушен, прежде чем она достигнет ворот. Ей нужно управлять ими и усадить их. Заставить спать, как и предполагалось.

Этот план был основан на заблуждениях. Она никогда не имела никакого отношения к драконам, кроме того, что соткана из магии. Она так отчаянно хотела ответы, что придумала свои, и её слепота навредила Финнегану, дала Селестине власть привести драконов и сжечь Ванхельм и Алиссайнию.

Она добилась, чего хотела. Спасла Финнегана, больше узнала о магии, избавилась от короля. Она была так убеждена в связи с драконами, что слишком многое взвалила на себя. Но ничто не может закончиться вот так.

Драконы не опьянялись ею, как она думала. Не сражались со связью или магией, не превращались в другое, когда были рядом или когда она пользовалась магией. Её головокружение, удивление, бесшабашность — это она. Она не сгорит. Она уже сгорела.

Но теперь у неё была связь. Теперь она должна использовать её и помочь. Она искала пылающий квадрат, но хорошим местом был только замок, а она не могла привести драконов к людям внутрь. Король Джон уже зажёт костры на площади. Но фонтан, уничтоженный на свадьбе, был ещё там, набитый щебнем, как памятник её порочности. Она вскарабкалась на него и закрыла глаза, ища драконье сердце в себе, протягивая руку к магии, что заполняла небо.

Там. Сердцебиение рвалось само. Она потянула их ближе, ярость мчалась на неё, похитив дыхание. Она чувствовала огонь и хотела сгореть.

Прекратить. Она должна остановить. Но отчаянье гнало их вперёд, пробуждая её гнев и ярость. Город заслуживает сожжения после всего, правда? Почему она должна беспокоиться о них?

Она оттолкнула эту мысль и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить биение сердца. Что говорил Финнеган недели назад? Она не может думать о магии, как не может думать о ходьбе и ждать движения ног. Её связь с драконом была мгновенной, без усилий, инстинкт, что не подвергался сомнению. Она не могла командовать драконами мыслями. Ей надо почувствовать. Спокойствие.

Она вспомнила момент в парке, когда магия была так легка, свободна, о любви и счастье поцелуя, что исцелил ожоги Финнегана. Ещё один дракон закричал, и она сжала глаза, пытаясь спрятаться от звука. Если она хотела их успокоить, успокоиться должна она сама.

Она сделала глубокий вдох. Её сердцебиение замедлилось. И как только она почувствовала спокойствие, она вновь начала искать драконов. Их гнев ещё горел, но она сжала его, отказываясь стать сокрушительным. Они стояли в равновесии, чувствуя присутствие друг друга и власть. Потом она протянула руку, толкая тишину туда, где было пламя.

Огонь смягчился. Неистовое биение сердец стало ровным ритмом.

Она открыла глаза. Драконы остановились. Народ ещё кричал, но звук искажался вдалеке. Драконы были единственным, что имело значение, их связь и мир в огне.

Но они не могли остаться тут, она знала. Не когда они настолько сильны, не тогда, когда идея драконов была испорчена. Не тогда, когда Селестина могла ими управлять. Она должна заставить их уснуть, хотя бы теперь.

Она дышала медленнее, глубже, спокойно. Сон, она подумала, и чувствовала тяжесть в костях, усталость древнего зверя.

Но если она должна ощутить магию и связь, как заставить их спать без сна?

Она почувствовала прилив паники, и драконы закричали. Она не могла уснуть. Не могла пасть в забвение, открыть глаза и увидеть новый мир, что она должна начать заново. Она не принесёт себя в жертву, что бы это ни значило. Она не может.

Но были и другие способы. Она сделала глубокий вдох, концентрируясь на спокойствии и контроле. Драконы не могут существовать без магии. Им нужна власть в сердцах, власть, что она разделяла.

Но она может? Может использовать магию, чтобы уничтожить столько красоты, жизни, вопреки всем разрушениям? Она станет Селестиной, которой должна быть. Могущественной. Разрушительной. Высокомерной в попытке согнуть мир своей воле.

Драконы сдвинули её сомнения, зарывчав. Она сделала ещё один глубокий вдох, позволяя мыслям плыть в голове, бесчувственным и далёким. Она рассказала Орле, что не может сделать это, но она так ошибалась. Она уже стала той, кем хотела её видеть Селестина. Привела драконов. Её дело остановить их. И она доказала, что не так хороша, как полагала.

Итак, она была спокойна и тянулась к мерцанию пламени, позволяя магии ласкать её.

Спокойствие. Спокойствие.

И как только она почувствовала это, она ухватилась за вспышку власти, всё, кроме части дракона, части, что у неё, и разорвала это. Разорвала в себе.

Драконы закричали, но не в гневе и пламени, а тот оглушительный крик, что она слышала в пещере, словно у них забрали то, что они любили больше всего. Они ломались и горели, кричали, пока пламя взрывалось вокруг Авроры, кружилось и танцевало на её коже. Она упала на колени, огонь жёг горло. Мир горел.

Пламя пропало, и драконы, кроме того, что она перевезла через море. Всё было таким, как прежде.

Пепел летал по ветру на пустой площади.

Тридцать три

Оставшиеся гвардейцы положили тело короля Джона в тронном зале. Айрис стояла над ним, глядя в лицо мужа. Она казалась смутно удовлетворённой, словно себе что-то доказала.

Родрик ходил по комнате, достигал трона и поворачивался обратно, беспокойный и запутанный.

Аврора ещё чувствовала, как её дракон кружился над замком. Остаток власти, если за морем не было никого. Легенда, что Аврора подчинила своей воле, а после разодрала.

Аврора не могла об этом думать. Не тогда, когда королевство сломанным лежало у ног.

— Родрик. Ты в порядке?

— Я в порядке? — он покачал головой, поражённый вопросом. — Мой отец пытался сегодня меня убить. Дважды. Мама его убила. Дом подвергся нападению драконов. И ты появилась из неоткуда, использовала магию, боролась с ними. Я в порядке?

— Мне жаль, — промолвила Аврора. — Я не должна была бросать тебя.

— Бросать меня? — Родрик остановился в нескольких футах от неё. — Ты не оставила меня. Ты сделала то, что должна. И всё получилось, да?

— Город горел, люди мертвы, драконы атаковали...

— Но это только начало! Начало нового мира! Как мы говорили — желание.

Аврора неожиданно пожелала обнять его. Руки задрожали. Она не могла найти энергию для шага, но Родрик понял, что она имела в виду. Его руки скользнули вокруг неё. Объятие не было неловким. Она чувствовала себя в безопасности.

— Почему ты вернулась? — он зарылся в её волосы. — Ты убежала. Не надо было возвращаться.

Она смотрела на его искреннее лицо, переполненное заботой, от которого бежала, принц, что разбудил её, но она не полюбит её, не почувствует то, что ждали люди. Принц, что искренне верил, что она не должна ему помогать.

— Конечно, вернулась. Твой отец должен был быть остановлен, — она крепче обняла его, а после отошла.

— Думаешь, Селестина ещё страшна? Приведёт ещё драконов, чтобы напасть?

— Не думаю, что она атакует опять. Не думаю, что у неё злые намерения, нет. Но кто знает, какие от неё будут неприятности, когда люди побегут к ней с желаниями?

— Это неважно. Она — не самая большая твоя забота, — Айрис всё ещё стояла у мужа, смотрела на тело, но голос раздавался по всей комнате. — Она может бороться с магией. Люди так легко не поддадутся.

— Поддадутся? — спросила Аврора.

— Думаешь, можешь править ими? Они были на грани революции так долго. Хаос десятилетиями. А теперь подверглись нападению со стороны драконов, король умер, две ведьмы хотят править. Мой муж назвал тебя предательством, а ведь Ванхельм предоставил тебе поддержку. Ты иностранная захватчица, что убеждает, что она принцесса. Поверь уж мне, они не любят иностранцев.

— Тогда может править Родрик. Они могут ему поверить...

— О, нет, Аврора! — сказала Айрис. — Ты не можешь свергнуть короля, назвать его узурпатором и посадить его сына на трон. Если ты та, кто утверждаешь, то должна сесть на трон, или всё рассыплется.

— Всё и так рассыпалось.

— И твоё дело собрать это. Никто не может это исправить.

Человек в стороне рассмеялся. Аврора забыла о себе-ложной, приманке Джона, одетой в лохмотья. У неё был жестокий взгляд в глаза. И она смеялась.

— Вы хотите, чтобы я это сделала, Ваше Величество? — она присела в насмешливом реверансе. — Принцесса Аврора к вашим услугам. Но можно называть меня Элиза.

— Элиза, — промолвила Аврора. — Прости за всё, что с тобой было.

— Как должно быть, — она была почти скелетом под изношенными тряпками за недели неволе, но Аврора не понимала выбор Джона. В ней было что-то царственное, достоинство, которого не было у Авроры. Выражение оказалось таким, как у девушки на плакатах, немного надменное, страстное, готовое к борьбе.

— Мне жаль, — Аврора и вправду жалела. — Рада, что смогла помочь.

— Я бы не позволила ему меня убить, — голос Элизы дрожал. Аврора не спрашивала, как бы она его остановила.

— Я рада. Не хотела бы, чтобы кто-то взял мою судьбу на себя, — но это было частью

королевы. Часть проклятия. Часть магии.

Аврора посмотрела на Айрис. Та оторвалась от тела мужа и смотрела остро.

— Родрик, — промолвила Аврора, — почему б тебе не найти комнату Элизы? Мне надо поговорить с Айрис.

Элиза нахмурилась.

— Вы меня отпускаете?

— Нет, нам надо будет скоро поговорить.

Элиза опустила во втором насмешливом реверансе, опустив голову, так мило, вопреки тонким ногам и тряпкам вместо платья.

— Как скажете, Ваше Величество, — она подарила Авроре и матери Родрика взгляд, а после Родрик вывел её из тронного зала.

— Я б хотела за ней присмотреть, — сказала Айрис. — Она может быть опасна.

— Нет, — промолвила Аврора. — Она просто злится. Я была бы слишком...

— Так принцессы себя не ведут.

— Хорошо, что она не принцесса, — Аврора медленно подошла к королеве, женщине, что привела её в тюрьму, такой могущественной в её бессилии. — Ты убила мужа. Зачем?

Айрис смотрела прямо на неё без вины в лице, без боли и отрешённости. Это было то достойное выражение, что видела Аврора снова и снова. Королева.

— Он собирался убить моего сына и, возможно, убил мою дочь. Это слишком.

— Он собирался сжечь твоего сына, — сказала Аврора. — И Элизу. Но ты не дралась.

— Знаешь, уверенность? — Айрис посмотрела на тело мужа. — Я писала тебе в Ванхельм. Сказала невыносимому принцу Финнегану о происходящем. И дала информацию шпиону. Надеюсь, что ты будешь вовремя. И если б ты этого не сделала, я была готова. У меня есть кинжалы.

— Ты больше не королева.

Айрис поджала губы.

— Думаешь, мне это важно?

— Да, — кивнула Аврора. — Думаю, очень важно.

— Родрик важнее. А что хорошего в силе, если я не могу остановить сына от смерти? Может, пришло время освободиться от него. Передать неприятности тебе.

Аврора подумала об Орле, такой решительной и контролирующей. Элегантной, утончённой Эрин. Авроре не нравилось. Она такой не будет.

— Я не знаю, как быть королевой.

Айрис сложила руки перед собой и вновь посмотрела на мужа. Выражение её лица не изменилось, но когда она заговорила, голос был почти нежен.

— Я могу тебя научить.

Аврора колебалась.

— Я не хочу быть такой королевой, как ты.

— Никто не будет, как я, — Айрис вздохнула. — Ты не можешь контролировать, знаешь. Нет, если заставишь их бояться, будешь как мой муж. И если они будут бояться тебя, будут бороться только яростнее. Грозно и неестественно быть женщиной, что не делает, что ей говорят.

— Я должна попробовать, — сказала Аврора. — Не надо бояться пробовать. Заставить работать. Я должна.

Теперь Айрис посмотрела на неё.

— Хочешь быть королевой?

— Нет, хочу быть свободной.

— Никто из нас не свободен.

— Потому я королева.

Айрис провела по платью, словно сметая с окровавленной ткани крошки.

— Я ещё могу посоветовать тебе. Я узнала много нового о получении человеческого доверия и этой игре. О царстве и людях в нём. Всегда слушала и знала. Тебе нужно много людей на твоей стороне, Аврора. Прими мою помощь.

Аврора подумала о прошлых уроках Айрис, криках, запертых дверях, инструкциях о том, что надо присесть и быть кроткой. Пощёчина после смерти Изабель, крошечные попытки помочь в своём бешенстве. Аврора не должна её слушать постоянно. Но ей нужна помощь. Ей нужен кто-то, кто умеет быть королевой.

— Хорошо. Спасибо.

— Я начну подготовку к коронации, — кивнула Айрис. — Это должно пройти как можно скорее.

Эти слова Аврора уже слышала. Живот сжался. Она чувствовала тяжесть короны на голове и свою ответственность.

Она не будет бояться. Она сделает то, что должна.

Аврора нашла Финнегана, расхаживающего по дворцовому саду. Цветы распустились взрывами красного и жёлтого, падали с деревьев, оставляя розовый ковёр.

— Ваше Величество, — промолвил Финнеган, увидев её. — Полагаю, правильно обращаться к вам сейчас так.

— Я не королева. Не официально.

— Но скоро будешь.

— Да. Буду, — она опустилась на скамью. В саду было тихо, никто не мешал, но Финнеган был, и она чувствовала присутствие своего дракона над городом, его сердцебиение рядом со своим.

Финнеган сел рядом. Аврора схватилась за кулон почти инстинктивно, посмотрела на стены замка. В последний раз она сидела тут с Родриком, открыв сборник рассказов. Сказала, что не любит его, то, что не должна говорить. И она тут, в замке, с другим принцем, эмоции совсем иные, и она не знает, что делать.

Финнеган придвинулся к ней на скамье, и плечи его были напряжены.

— Итак, ты выйдешь за Родрика? Будешь с истинной любовью?

Она засмеялась. Это было неуместно, она знала, но так смешно, учитывая то, как Финнеган её чувствовал.

— Он не моя истинная любовь. И нет, нет, я буду королевой, тут выбора нет, но если ты думаешь, что я выйду за парня только из-за пророчества, то ты заблуждаешься. Я устала от судьбы слишком сильно.

Финнеган схватил её за руку. Когда он говорил, то это казалось ориентировкой.

— Есть другой выбор. Ты не хочешь этого, Аврора. Не хочешь быть принцессой. Королевой. Пойдём со мной. Оставь это позади. Ты делала это раньше.

— Я не могу.

— Ты можешь. Ты можешь делать всё, что угодно.

— И я хочу быть тут, — она посмотрела на него, и неопределённость исчезла. Если бы было желание, она бы поменяла всё, поцеловала Финнегана и сбежала, не оглядываясь

назад. Но она не могла. Она должна исправить ошибки, спасти людей. Она должна. — После того, — она замолчала. — После того, как мы всё исправим.

— После. Правильно, — он отвернулся, глядя на цветы на деревьях. — Где та часть, когда ты попросишь меня уйти и скажешь, что мы больше не связаны?

— Что?! — она сжала его руку. — Нет! Почему я должна это говорить.

— Ну, у тебя есть королевские обязанности, помни. И, как говорила матушка, я был бы ужасным королём.

Опасный Финнеган. Она вновь почти рассмеялась.

— Ты не собираешься быть королём Алиссайнии, Финнеган, но это не означает, что я хочу тебя прогнать. Кто будет меня раздражать, если не ты?

— Уверен, Айрис справится.

— Финнеган, — она потянула его за руку. — Я думала, ты умнее. Я отдала Селестине всё за твою жизнь. Зачем мне тебя прогонять?!

— Ну, это было бы безумием — поступить так, но ты такая, — он расслабился. — Это усложнит вещи, когда ты станешь королевой. Особенно учитывая твоё обещание моей матушке. Я не могу вернуться в Ванхельм.

Она крепче сжала его руку.

— Почему нет?

— Мама всё ясно сказала. Я вернусь с сердцем дракона или не вернусь вообще.

— Но ты наследник престола.

— Наследник. И мама не думает, что достойный. Она винит меня в случившемся. Я не могу вернуться без сердца.

— Но драконы пропали. Я уничтожила их.

— Не всех, — он поднял глаза к небу, доказывая свои слова. Дракон Авроры кружился вокруг замка, и другие могли быть в руинах за морем.

Она отпустила его руку.

— Я не могу тебе отдать это. Ты знаешь, не могу.

— Знаю, — кивнул он, но знал ли? Аврора видела, как он уходил, не доказав свою ценность. Он был проницателен, изобретателен и абсолютно бесстрашен. И если ему нужно драконье сердце, чтобы стать королём... она не знала, что он сделает.

Она должна сбалансировать своё желание и потребности королевства. Она не хотела отдавать всё им. Она могла сделать. Могла быть королевой и Авророй, пользоваться магией и быть собой. Орле удалось. Это возможно.

— Я хочу, чтобы ты был тут! — воскликнула она. — Остался!

— Ну, предполагаю, я могу. На некоторое время. Если ты настаиваешь.

— Предполагаю, настаиваю.

— Тогда, предполагаю, ты тут со мной застряла.

Она прижалась головой к его плечу.

— Я справлюсь?

— Ты находчива, Аврора. Уверен... мы справимся.

Башня Авроры ещё была в пыли. Факелы выгорели, и она создала огненный шар в руке, чтобы осветить путь. Гобелены из её рассказа висели там, почти осуждающие. Она хотела попросить кого-то снять их и спрятать из виду.

Когда она добралась до своей комнаты, позволила пламени плыть рядом, поспешила к камину. Он легко открылся, а после она вновь поднялась, оказалась наверху, в хрупкой

комнате, которая не могла существовать.

Прялка щёлкнула.

Она сидела на стуле и смотрела на лестницу у стены, на обгоревшие слова на камне. "Она моя", — давно писала Селестина. И ниже о том, что ничто её не остановит. Аврора смотрела на письма, слушая стук колеса.

Она не была Селестиной. Никем. Она возьмёт на себя её обязанности и сделает свой выбор, и ни одно пламя дракона, угрозы от древних колдунов и витая история её не остановят.

Она провела рукой по прялке, поймав спицы пальцами. Игла ещё блестела, словно приглашая вновь на сто лет. Магия трещала по коже, и она хотела превратить эту прялку в пепел. Но сжигание прялки не остановит проклятие. Что-то подсказывало подождать, сохранить это, безобидный предмет, всё изменивший. Она не могла выжечь прошлое.

Вместо этого она сошла по лестнице в свою старую спальню и подошла к окну. Вид вновь изменился с тех пор, как она смотрела в последний раз, открывая разрушенный город, затянутый дымом. Ещё одна эпоха закончилась, начинался новый мир.

И она была королевой. Убедится, что всё будет так хорошо, как только может.

Она протянула ладонь и призвала ко второму сердцу, что шептало рядом. Ветер прорезал пальцы, а после тепло пришло с драконом, его огромные крылья едва двигались, поддерживая его в воздухе. Она провела рукой по его шее, чувствуя огонь и гладкость.

Так много власти. Её власти.

Она посмотрела на своё царство — красота и пепел, — и улыбнулась.

Больше книг на сайте — Knigolub.net